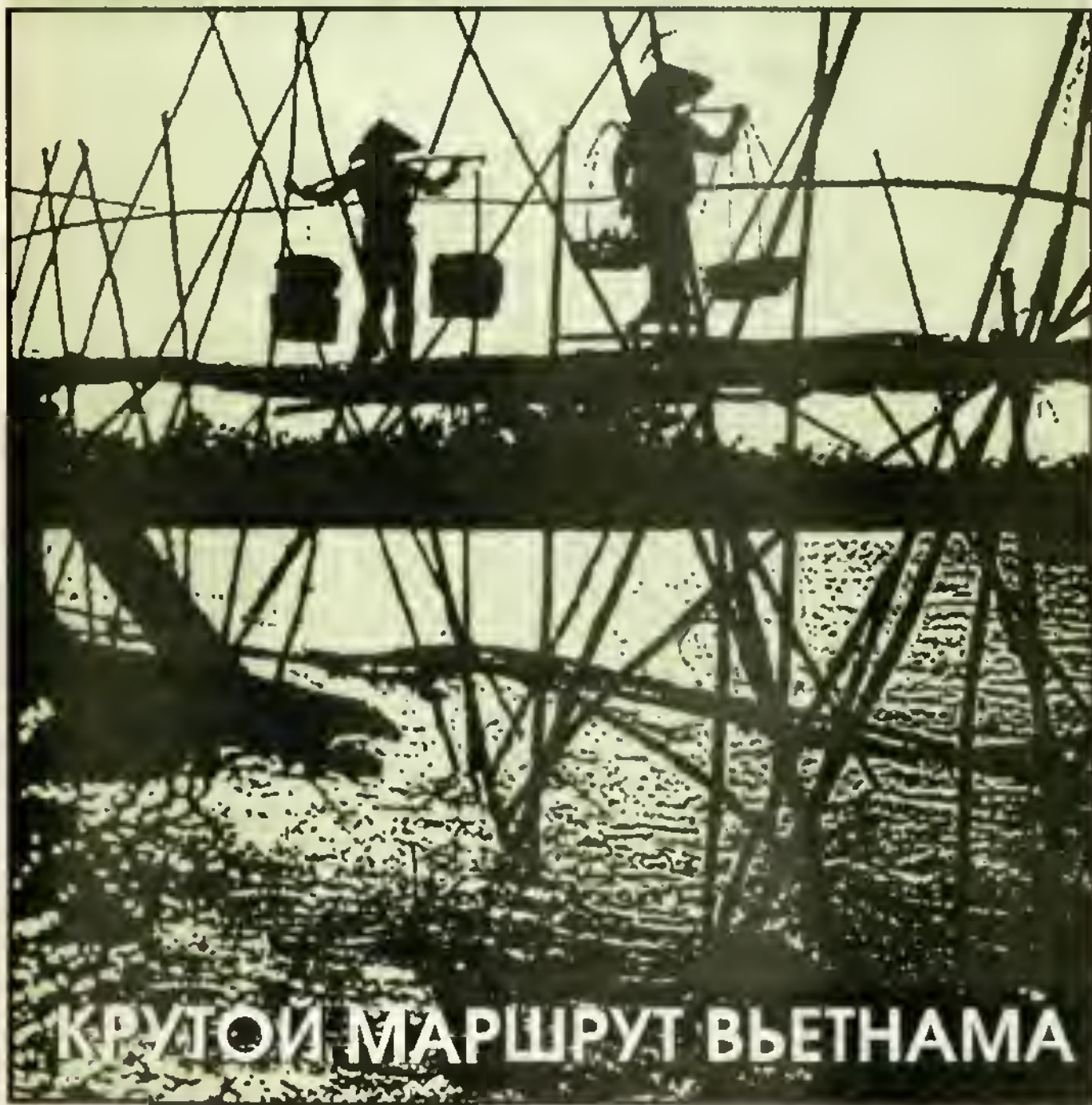

34-35

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

КРУТОЙ МАРШРУТ ВЬЕТНАМА

Российская «КАРТА» основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала «KARTA», выходящего с января 1982 года, и рязанского общества «Мемориал», учрежденного в октябре 1989 года.

Адрес:

390000, Россия, г. Рязань,
пл. Костюшко, 3.
Для писем: 390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Тел./факс: (0912) 77 51 17
E-mail: andy@hro.org
http://www.karta.org

Учредитель:

Редакция независимой
газеты «Рязанский вестник».
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации
№ 01949.

Главный редактор

Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середа
Сергей Романов
Ирина Холмогорская
Владимир Холмогорский
Виктор Лозинский (США)
Петр Митцнер (Польша)

Мнения авторов не обязательно
совпадают с точкой зрения
редакции.

Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.

По вопросам подписки на «Карту»
обращаться в редакцию.

Над номером работали:

А. Блинушов, С. Романов,
Ю. Середа, И. Холмогорская,
В. Холмогорский, Е. Махаренко.

Компьютерная верстка:

Ю. Середа

Отпечатано ООО «СЕРВИС»

Рязань,
ул. Интернациональная, д. 1 «Г».

Заказ N 477.

Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Подписано в печать 22.10.2002

Только для бесплатного
распространения

Российскому независимому историческому и правозащитному журналу «КАРТА» — 10 лет

В НОМЕРЕ:

Маргарита ПЕТРОСЯН	О праве на неприкосновенность частной жизни	3
Сергей СМЕРНОВ	Правозащитники и приватность	
Ситуация с правом на неприкосновенность частной жизни в Интернете		7
Александр КОСТИНСКИЙ, Михаил БРАУДЕ-ЗОЛОТАРЕВ	Приватность и «прослушивание» российского Интернета	8
Берд КИВИ	Приватность в сети как залог свободы	12
Александр СУНГУРОВ	Защита прав человека и суверенитет государства	14
Андрей СУСЛОВ	Права человека и поиск новой российской идентичности	17
Ирина ХОЛМОГОРСКАЯ	Джинетта Саган — «...та самая домохозяйка из Атертона»	
Судьбы столетия		19
КРУТОЙ МАРШРУТ ВЬЕТНАМА		
Вьетнам: народы, религии, эпасть		23
Вьетнам: века войны, дни мира		
Страницы новейшей истории		27
Жан Поль САРТР	О геноциде	
Из речи на Расселовском трибунале по военным преступлениям		34
Джон СКОТТ	Из размышлений американца о войне в Юго-Восточной Азии	37
Эжен ИОНЕСКО	Осмысливаться думать не так, как другие	
Вьетнамская война и европейская интеллигенция		38
Вадим УЛУ-ХАН	Советские зенитчики в джунглях Вьетнама против США и... Хаюя	39
Валерий КУПЛЕВАХСКИЙ	«Вьетнамские тайны»	
Из записок военного советника		41
Владимир ИЛЫН	МиГ-21 против «Фантома»	
Война в небе Вьетнама		47
Вьетнам-советская дружба в цифрах		51
Ли Куанг Ю	Вьетнам: возвращение в современный мир	
Из мемуаров премьер-министра Сингапура		52
Джинетта САГАН, Стивен ДЕННЕЙ	Перевоспитание во Вьетнаме: одиночество, страдание и смерть	
Подлинная история вьетнамских концлагерей		58
Эжен ИОНЕСКО	Противоядие правды	
Пресса... как она есть		69
Стивен ДЕННЕЙ	Культура и революция	
Уничтожения «чуждой» культуры в социалистическом Вьетнаме		71
Бун Нгок ТАН	Рассказ 2000-го года	
Глава из запрещенного во Вьетнаме романа — впервые на русском языке		79
Права человека во Вьетнаме		
Из отчета Human Rights Watch. 2002 год		85
Темный кофе		
Скрытые ингредиенты вьетнамского кофе		88
О докладе Human Rights Watch о мятежниках		89
Компартия Вьетнама против Международной Амнистии		90
Закон джунглей		
Правосудие по-вьетнамски		92
Вьетнамские диссиденты		
20 кратких биографий		94
Во Ван АЙ	Вьетнам: глобализация демократии	
Размышления правозащитника о будущем страны		102
Андрей АНТОНОВ	Коллективная вина за Вьетнам	
Российские акции в защиту прав человека во Вьетнаме		104
Памяти Татьяны Великановой 1932-2002		107
АРХИВ		
«Всегда твой Шура...»		
Пять писем, изъятых отделом военной цензуры в 1920 году		108
«Господи, когда же все это кончится?..»		
Письма с фронта, погибшие солдаты Михаила Ермолова		111
«У «Мемориала» есть будущее — работа на долгие годы...»		
Интервью с членом правления Международного общества «Мемориал» Виктором Кучериненко		113
О ТОВАРИЩЕ ДЗЕРЖИНСКОМ, ПАМЯТНИКЕ И ЧЕЛОВЕКЕ		
Борис СОКОЛОВ	Нержавеющий Феликс	121
Еще раз о памятнике председателю ВЧК-ОГПУ Дзержинскому		
Заявление Общества «Мемориал»		123
Александр СОЛЖЕНИЦЫН	Дзержинский и «философский пароход»	124
Али АЛИЕВ	Дзержинский и внесудабные расправы	124
Сергей ВОЛКОВ	Дзержинский и концлагеря	124
А. ПЛЕХАНОВ	Дзержинский и «воля партии»	124
Роман ГУЛЬ	«...Как верный сторожевой пес растерзать врагов»	125
Юрий ВДОВИН	Рифанштал, Дзержинский, далее — везде	
Почта «Карты»		126

Маргарита ПЕТРОСЯН

О ПРАВЕ НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Когда речь заходит о свободе, раньше всего вспоминают свободу политическую, публичную — свободу слова, свободу митингов и собраний, право на участие в государственном управлении. Однако политическая свобода — это лишь один из компонентов человеческой свободы. Другой ее компонент, не менее важный для

«отдельно взятого» человека, — это свобода от постоянного наблюдения, свобода хранить про себя свои взгляды, мысли и суждения, свобода быть независимым и, когда ты этого хочешь, оставаться наедине с самим собой.

Значение такой свободы очень хорошо понимал Пушкин. «Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство... Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности невозможно: каторга не в пример лучше», — пишет Пушкин жене, узнав о том, что их переписка просматривается Третьим отделением.

Именно потребность в «семейственной неприкосновенности», иначе говоря, в неприкосновенности сферы частной жизни нашла отражение в Международном пакте о гражданских и политических правах, ст. 17 которого гласит: «Никто не должен подвергаться вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь или репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства...»

Но что такое «частная жизнь»? Каждый имеет об этом собственное представление, и представление это зависит и от психологических характеристик конкретного человека (мы говорим: он замкнутый человек, или «душа нараспашку»), и от тех норм и традиций, которые существуют в том или ином обществе в определенный исторический период. Обобщенно говоря, частную жизнь можно определить как физическую и духовную область, которая контролируется самим человеком, т.е. свободна от внешнего направляющего воздействия, в том числе от правового регулирования (однако должна иметь правовое обеспечение). Категория «частная жизнь» не имеет юридического содержания; правовое регулирование лишь устанавливает пределы ее неприкосновенности («приватности») и, соот-

ветственно, пределы допустимого вмешательства. Не случайно право на неприкосновенность частной жизни в некоторых правовых системах определяется как «право быть предоставленным самому себе».

Авторитетный американский исследователь, автор фундаментального труда «Приватность и свобода» Алаи Вестин говорит о четырех формах приватности. Первая — это «уединение», состояние, в котором человек избавлен от наблюдения со стороны других. Вторая — «интимность», замкнутое общение, предполагающее добровольное поддержание контакта с узким кругом лиц. Третья — «сдержанность», то есть наличие психологического барьера между индивидом и окружающими его людьми. Четвертая — «анонимность», состояние, когда человек, находясь в общественном месте, стремится остаться неузнанным.

Но вернемся к международным документам по правам человека. Всеобщая декларация, а также Пакт о политических и гражданских правах относят право на приватность к числу прав человека. Как бы мы ни обосновывали наличие этой категории прав — тем, что Господь создал всех людей равными или тем, что эти права принадлежат человеку в силу одного того, что он родился человеком, опираясь на кантовский категорический императив или на идею справедливости, — мы не должны забывать о том, что эти права выполняют определенные социальные функции. Это те фундаментальные права, соблюдение которых объективно необходимо для поддержания социального сотрудничества. Иначе говоря, любое человеческое сообщество, где эти права игнорируются, рано или поздно рассыплется. Косвенное подтверждение социальной функции прав человека можно найти в преамбуле к Всеобщей декларации прав человека, где указывается, что «необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения».

Для того чтобы уяснить социальное предназначение права на неприкосновенность частной жизни, следует отдать себе отчет в том, что жить в обществе и быть свободным от общества невозможно и что стремлению человека к приватности противостоит социальный контроль — неотъемлемый элемент социальной жизни. В данном случае основной механизм социального контроля — это наблюдение. Родители и воспитатели наблюдают за детьми, полицейские ведут наблюдение на улицах и в общественных местах, государственные органы наблюдают за тем, как граждане выполняют различные обязанности и запреты. Без такого наблюдения общество не могло бы обеспечить выполнение санкционированных норм поведения или защиту своих граждан. Необходимость его очевидна.

Маргарита Петросян — научный сотрудник Института США и Канады, эксперт правозащитных организаций.

И чем сложнее становится социальная жизнь, тем пристальнее и изощреннее становится контроль. Он берет на вооружение огромный арсенал научно-технических достижений. Телефонное и электронное подслушивание, визуальное наблюдение, сбор, накопление и сопоставление с помощью компьютерных информационных систем огромного количества персональных данных – все эти современные средства социального контроля, образно говоря, создают огромную «замочную скважину», через которую за человеком наблюдают государство, политические и общественные организации. Но, как замечает американский социолог Роберт Мертон, «вынужденная необходимость детально выполнять все (часто противоречащие друг другу) социальные нормы сделала бы жизнь буквально невыносимой; в сложном обществе шизофренническое поведение стало бы скорее правилом, чем исключением». Слишком пристальное, «тотальное» наблюдение приводит к негативным социальным последствиям. Между прочим, именно широкое наблюдение за поведением членов фаланстеров (коммун, организованных социалистами-утопистами в девятнадцатом веке) явилось, по свидетельству современников, одной из главных причин неуспеха этого эксперимента.

Вопрос об установлении пределов контроля за отдельными лицами и группами лиц со стороны государственных, религиозных или экономических институтов всегда был одним из центральных в истории борьбы за индивидуальную свободу.

В сущности, традиционные права, закрепленные в конституциях демократических государств, – свобода религии, т.е. свобода совести, неприкосновенность жилища, гарантии от несанкционированного обыска и от самообвинения – призваны оградить стремление властей к слишком пристальному социальному контролю над личностью.

Человеку необходима «зона безопасности», и это не просто личное предпочтение, это важное требование эффективности социальной структуры. Право на неприкосновенность частной жизни и создает эту зону безопасности, ограничивая социальный контроль пределами, которые я определила бы как необходимые и достаточные. Оно обеспечивает человеку личную автономию, личную независимость, подобно тому как право собственности обеспечивает ему независимость имущественную (разумеется, и то, и другое в рамках закона).

Таковы социологические параметры права на неприкосновенность частной жизни. Теперь обратимся к его правовой проблематике.

Это право не относится к числу так называемых «традиционных» естественных прав, сформулированных в восемнадцатом веке. Например, в Конституции США, классической конституции конца восемнадцатого века, вы не найдете его под своим именем, хотя гарантии, установленные отдельными поправками к Конституции и Биллем о правах в целом, защищали хотя бы некоторые стороны частной жизни от постороннего несанкционированного вторжения. Только около двадцати лет назад Верховный суд США путем толкования норм Конституции признал право на неприкосновенность частной жизни фундаментальным конституционным правом.

История эволюции права на неприкосновенность частной жизни – это убедительная иллюстрация того,

как общественное сознание влияет на содержание правовых норм

Теоретическое обоснование этого права, но не как одного из фундаментальных, конституционных прав, а как личного неимущественного права, защищаемого средствами гражданского права, т.е. путем предоставления лицу возможности предъявить в суде иск к нарушителю и добиться запрещения такого нарушения или возмещения причиненного морального или эмоционального вреда, почти одновременно появляется в юридической литературе разных стран на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Это была реакция прогрессивно мыслящих правоведов на изменения, бурно происходившие в общественной жизни: урбанизацию, коммерческую эксплуатацию имени лица, его изображения и его частных дел со стороны прессы и рекламы, новые возможности наблюдения за частной жизнью, связанные с тогдашними техническими нововведениями – телеграфом, телефоном и моментальной фотографией. Американские адвокаты Л. Брандейс и С. Уоррен, посвятившие этому вопросу специальную статью, писали в 1890 году: «Напряженность и сложность жизни, присущие развивающейся цивилизации, приводят к необходимости иметь убежище от внешнего мира, так что уединение и приватность становятся для человека более значимыми; однако современное предпринимательство и технические нововведения, вторгаясь в его частную жизнь, причиняют ему душевную боль и страдания гораздо более серьезные, нежели те, которые могут быть причинены простым физическим насилием».

Это был, несомненно, революционный шаг, поскольку в девятнадцатом веке гражданское право защищало только «типичные», имущественные интересы и не склонно было признавать категорию морального вреда, то есть вреда, который не может быть исчислен в денежном выражении. Теперь же перед гражданским правом стояла новая задача: «помимо охраны человека... в его типичных интересах, дать охрану конкретной личности во всем богатстве ее своеобразных особенностей...» Так определил эту задачу известный русский правовед начала века И. А. Покровский. Постепенно эта теоретическая идея «внедрялась» в сознание судей и законодателей, и медленно, с оговорками, право на неприкосновенность частной сферы получало признание в судебной практике.

Этот процесс сдерживался двумя серьезными факторами. Во-первых, возникли трудности с определением содержания права. Как уже говорилось, категория «частная жизнь» лишена юридического содержания. Судебная практика столкнулась с тем, что под общей крышей «приватности» собран целый ряд разнородных интересов, которые потребовалось определить и классифицировать. Поэтому в конечном итоге конкретизировать содержание права на неприкосновенность частной жизни оказалось легче не через правомочия, которыми располагает субъект этого права, а через те нарушения, от которых данное право его защищает.

Классификацию таких нарушений можно представить следующим образом: 1) нарушение уединения лица или вмешательство в его личные дела (сюда относятся и такие нарушения, как подслушивание и перехват телефонных переговоров или перлюстрация корреспонденции); 2) предание гласности сведений

личного характера, которые, с точки зрения лица, неблагоприятно влияют на его имидж в обществе или причиняют ему боль и душевные страдания (в том числе и в тех случаях, когда такие сведения соответствуют действительности); 3) выставление лица в ложном свете в глазах окружающих; 4) использование имени или изображения лица в интересах того, кто его использует (в первую очередь, с целью получения коммерческой выгоды).

Второй фактор состоит в том, что право на неприкосновенность частной жизни не может не подвергаться определенным ограничениям, и такие ограничения объективно необходимы, чтобы сбалансировать интересы отдельной личности с интересами других лиц, групп и государства, которое, по определению, выражает «публичный интерес». Наиболее последовательно суды усматривали нарушение приватности в случаях коммерческого использования имени и изображения лица (например, в рекламе). Гораздо более осторожную позицию они занимали в тех случаях, когда нарушитель мог сослаться на «законную» защиту права собственности, например, когда владелец гостиницы, магазина или предприятия устраивал слежку за поведением постояльцев или наемных работников. Еще проблематичнее было добиться защиты права на приватность тогда, когда речь шла о делах, связанных с опубликованием в печати сведений о личной жизни лица. Именно здесь разворачивался конфликт индивидуального интереса в неприкосновенности личного мира с общественным интересом, принцип которого — «знать все обо всем», а средства массовой информации воплощают этот принцип. И уж совсем бесперспективной долгое время была судьба иска, предъявляемого к государству или к государственному органу. Так, в двадцатые годы Верховный суд США отказался признать нарушением приватности телефонное прослушивание, поскольку оно не может рассматриваться как физическое вторжение в жилище. (Через сорок лет суд пересмотрел свое решение — но для этого понадобилось, чтобы психологический климат в обществе в корне изменился).

Такая ситуация с правом на неприкосновенность частной жизни существовала примерно до середины прошлого столетия (говоря о его развитии в этот период, я имею в виду исключительно американскую юридическую практику). В европейских странах право на неприкосновенность частной жизни так и не успело выйти за рамки теоретического обоснования.

В послевоенные годы ситуация разительно меняется. Право на приватность выходит на авансцену общественного внимания. Оно включается в каталог прав человека и закрепляется многими конституциями индустриально развитых стран. Идея правовой охраны неприкосновенности частной жизни приобретает новый, более глубокий смысл. Это объясняется двумя причинами, определившими осознание ценности указанного права и широкое общественное движение за его признание и реальную защиту.

Первая — это исторический опыт, давший толчок массовому сознанию. За годы нацистского господства европейцы, и, в первую очередь, сами немцы, на себе испытали, к каким трагическим последствиям приводит тотальный контроль. Рядовому американцу, для которого фашизм оставался «по ту сторону океана», понадобилась дополнительная встряска маккартизма, чтобы убедиться в том, что приватность — нечто зна-

чительно более серьезное, нежели «патрицианское требование», как американцы были склонны относиться к ней в начале века.

Вторая причина — усиление «деприватизации» человеческой жизни, вызванное тем, что информация о личности начинает рассматриваться, по выражению американского исследователя А. Миллера, «как экономически выгодный товар и как источник власти», а современные научно-технические достижения предоставляют невиданные ранее возможности для накопления и использования такой информации и превращения ее, таким образом, в орудие социального контроля и манипулирования человеческим поведением.

Разнообразные устройства для телефонного и электронного подслушивания, оптические приборы ночного видения, скрытые телеобъективы позволяют контролировать и запечатлеть каждый жест, выражение лица, каждое слово в конфиденциальном разговоре, расширяя возможности человеческого зрения и слуха, и создают большой соблазн для использования их вместо традиционных способов наблюдения. Многие из них миниатюрны и имеются в открытой продаже, так что ими могут воспользоваться не только спецслужбы или полиция, но и любое заинтересованное в этом частное лицо или организация.

Другая угроза связана со средствами психологического проникновения во внутренний мир человека (тестирование, использование «детекторов лжи»). Методы «научной» проверки деловых качеств, добросовестности, политической и личностной ориентации берутся на вооружение частными и государственными организациями при подборе кадров. Между тем научная достоверность этих методов, как и достоверность на уровне конкретного случая, далеко не абсолютны.

И, наконец, наиболее массированная и наиболее повседневная угроза — это создание компьютерных систем персональных данных. Компьютеризация — это не просто новая, «технизированная» форма накопления информации об отдельных лицах. Современные компьютерные технологии позволяют мгновенно обмениваться информацией, сопоставлять и сводить воедино персональные данные, накапливаемые в разных информационных системах, так что любой более или менее подготовленный человек, имеющий доступ к нужной базе данных, может проследить за вашей жизнью, даже ни разу не увидев вас! Медицинская информация попадает в руки работодателя, сведения о доходах — в руки торговцев и производителей товаров, сведения об аресте или осуждении — в руки социальных служб. Вы теряете контроль над своим «информационным портретом», т.е. суммой сведений, определяющей ваше лицо в глазах общества.

На фоне этого мрачного пейзажа традиционные способы защиты приватности, ориентированные главным образом на отношения между частными субъектами, становятся недостаточными. Они дополняются прямым законодательным регулированием. Принимаются законы, запрещающие частное наблюдение и подслушивание и устанавливающие достаточно четкие рамки в виде условий и обязательных процедур для подслушивания со стороны полиции и других правоприменительных органов. Другие законы запрещают или ограничивают применение «детекторов лжи». Наконец, принимаются законодательные и подзаконные акты, подробно регламентирующие обращение с

персональными данными как в системе государственного управления, так и в частном секторе. Даже беглый обзор всего этого законодательства был бы невозможен в краткой лекции, тем более, что правовое регулирование разных стран расходится, и иногда довольно существенно.

Тем не менее представляется необходимым сказать хотя бы несколько слов о тех принципах, на которых строится правовая защита «информационной приватности» в современном мире, во-первых, потому, что в нашей стране закон о персональных данных пока не принят, но работа над ним уже идет, и, стало быть, мы еще не упустили возможность повлиять на его содержание, а во-вторых, потому, что эти принципы закрепились на международном уровне Конвенцией 1981 года о защите индивидов в связи с автоматической обработкой персональных данных (это пока единственная международная конвенция по вопросам, связанным с неприкосновенностью частной жизни), и законодательство разных стран, вне зависимости от того, являются ли они участниками этой Конвенции, более или менее последовательно отвечает этим принципам. Я просто изложу их, не комментируя.

Прежде всего, Конвенция устанавливает требования, предъявляемые к самим данным. Персональные данные должны быть получены добросовестным и законным путем; они должны собираться и использоваться для точно определенных и не противоречащих закону целей и не использоваться для целей, несовместимых с теми, для которых были собраны; они должны быть относящимися к делу, полными, но не избыточными с точки зрения тех целей, для которых они накапливаются; они должны храниться в такой форме, которая позволяет идентифицировать субъектов данных не больше, чем этого требует цель, для которой они собраны. Еще один принцип гласит, что персональные данные о национальной принадлежности, политических взглядах либо религиозных или иных убеждениях, а также персональные данные, касающиеся здоровья или сексуальной жизни, могут подвергаться компьютерной обработке только в тех случаях, когда законодательство предусматривает твердые гарантии их конфиденциальности. Наконец, Конвенция предусматривает гарантии для субъектов данных.

Эти гарантии состоят в предоставлении любому лицу права быть осведомленным о существовании базы персональных данных и о ее главных целях, а также о ее юридическом адресе; периодически, и без лишних затрат времени или средств, каждый должен иметь возможность обратиться с запросом о том, накапливаются ли в базе данных его персональные данные, и получить информацию о таких данных в доступной форме; требовать изменения или уничтожения данных, которые не соответствуют требованиям, перечисленным выше (точности, отнесенности к определенной цели и др.); прибегнуть к судебной защите нарушенного права, если его запрос либо требование о доступе к его персональным данным, уточнении или уничтожении данных не были удовлетворены.

Изъятие из этих положений допускается только в том случае, если оно прямо предусмотрено законом и представляет собой необходимую в демократическом обществе меру, установленную для охраны государственной и общественной безопасности, финансовых интересов государства или для пресечения преступлений.

Каково же положение с правом на неприкосновенность частной жизни в нашей стране?

Западные исследователи права на приватность, когда они хотят описать те последствия, которыми грозит массовое нарушение неприкосновенности частной сферы, обычно вспоминают Оруэлла и его «1984 год».

Нам нет необходимости прибегать к литературным аллюзиям, поскольку у нас есть свой опыт реальной жизни в тоталитарном государстве, более для нас убедительный, чем литературный источник, — потому что это наш собственный опыт. Давайте вспомним. Десятки людей, получивших срок за «антисоветскую агитацию и пропаганду» на основании одних лишь дневников, частных писем или высказываний в дружеском кругу. Открытые голосования в поддержку властей или в осуждение человека, призванные засвидетельствовать его «преданность делу партии и правительству». Персональные дела, кончавшиеся увольнением с работы. Позорные медицинские справки о невозможности иметь детей, требовавшиеся для освобождения от «налога на холостяков». Не говорю уж о сплошной перлюстрации корреспонденции, поступающей из-за границы, и о постоянном страхе того, что твой телефон прослушивается. Все это — нарушения неприкосновенности частной жизни. При этом последняя советская конституция, Конституция 1977 г., содержала специальную норму о том, что «личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом»!

Живя в обществе, где любое требование духовной независимости подавлялось как посягательство на основы государственного строя и где человек постоянно испытывал ощущение, очень точно выраженное в одной из песен Галича: «Вот стою я перед вами, словно голенький», мы постоянно имели возможность убедиться в том, насколько тесно неприкосновенность частной жизни связана с политической свободой.

Сейчас положение вещей изменилось. Новая Конституция уже не ограничивается расплывчатым указанием на то, что личная жизнь «охраняется законом», а четко закрепляет за человеком «право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» (статья 23). Эта формулировка означает, что человек сам может активно защищать свое право, независимо от того, охраняется оно или нет каким-то опосредующим законом. Конституция закрепила также право на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, обеспечив его гарантией, в соответствии с которой ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Статья 24 содержит положение о том, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Статья 25 устанавливает неприкосновенность жилища. Имеется еще две конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, которые являются прямым отголоском нашего советского опыта. Это положение ст. 29 о том, что никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений, и положение ст. 26 о том, что никто не может быть принужден к указанию своей национальной принадлежности. Учитывая, что все положения Конституции имеют прямое действие, казалось бы, для права на неприкосновенность частной жизни создан самый благоприятный климат.

Но не будем благодушествовать. Реальная ситуация во многом отличается от нормативной модели. В газетах появляются сообщения о частном подслушивании и других нарушениях приватности частных лиц. Существует такой совершенно легальный канал утечки медицинской информации, как больничный лист с указанием диагноза, этот лист вы должны отдать в отдел кадров. Анкеты, заполняемые при поступлении на работу, несколько сократились, но по-прежнему предполагают предоставление избыточной информации, не говоря уже о неизменной графе «национальность».

От меня при поступлении на работу в администрацию Президента потребовали указать место рождения моего отца, скончавшегося двадцать лет назад. И если мы пока не ощущаем негативных последствий «информационного контроля» со стороны государства, это свидетельствует не столько о его самоограничении, сколько об отсутствии у него в данный момент соответствующих возможностей. Во всяком случае, мне уже приходилось сталкиваться с предложениями о создании общенационального реестра населения – центра-

лизованной базы данных, где накапливалась бы почти исчерпывающая информация об индивиде. Это обосновывалось тем, что так-де будет удобнее и для государства, и для самого человека.

Не стоит уповать на одно только прямое действие Конституции. Нам необходимы законы – четкие, детально разработанные законы, содержащие гарантии от несанкционированного вмешательства в нашу частную жизнь со стороны государственных и частных институтов, а в случаях, когда такое вмешательство объективно необходимо и санкционировано законом, – обязательные процедуры, которые исключили бы произвол в осуществлении ими своих полномочий. Своим материалом я старалась помочь составить представление о том, что такое право на неприкосновенность частной жизни и в чем состоит его ценность. Надеюсь, что эта информация поможет вам более настойчиво защищать нарушенные права – собственные и чужие. Ибо если правами не пользуются, нарушение их перестает быть просто неприятным инцидентом и становится повседневной практикой.

Москва

Сергей СМЕРНОВ

ПРАВООЗАЩИТНИКИ И ПРИВАТНОСТЬ

Летом 2002 года межрегиональная группа «Правозащитная сеть» выпустила в свет книгу Сергея Смирнова «Прив@тность». В этом издании изложен взгляд правозащитника на современную ситуацию с правом на неприкосновенность частной жизни в Интернете.

Рассматриваются следующие

вопросы: приватность персональных данных; политика приватности; приватность коммуникаций; «группа риска»; баланс между безопасностью и правами человека; гарантии приватности в международных соглашениях; гарантии приватности персональных данных в национальном законодательстве; восемь принципов, на которых основана приватность персональных данных RIP; британский закон о следственных органах; COPM-2; Carnivore; Европейская конвенция о компьютерных преступлениях; международный терроризм и приватность; правозащитники и приватность; шифры и шифрование; как государство ограничивает криптографию; ситуация с криптографией в мире; шифрование с открытым ключом; самозащита в Интернете. Помимо этого, в книге приводится инструкция по работе с популярной шифровальной программой PGP, используемой во всем мире для защиты персональных данных. Распространение книги финансируется Фондом Форда и осуществляется по обычной почте бесплатно для организаций и частных лиц, работающих в области прав человека и/или интересующихся темой в

рамках своей исследовательской, журналистской, преподавательской или иной деятельности. Книгу можно заказать, заполнив краткую форму в Интернете:

<http://www.hro.org/editions/privacy/anket.htm>

или направив запрос по адресу: privacy@hro.org

Предлагаем вниманию читателей «Карты» фрагмент книги «Прив@тность».

Совсем не обязательно погружаться в глубины истории или психологии, чтобы увидеть: в России отношение людей к приватности отличается от западного. Быт российских граждан прочно связан с плацкартными вагонами и общественными банями. Приватность не принимается всерьез даже теми, кто, казалось бы, должен ее защищать.

В 1996 году организация «Гражданский контроль» (Санкт-Петербург) выпустила переводную книжку-справочник «Ваше право на неприкосновенность частной жизни». В Интернете до сих пор можно отыскать описания небольших семинаров «Гражданского контроля» по этой теме. В январе 1997 года в Москве на одном из семинаров Московской Хельсинкской группы под общим руководством Л. И. Богораза прошла дискуссия о приватности. По ее результатам была выпущена брошюра. В 2000 году «Гражданский контроль» издал книгу «Защита прав граждан при внедрении системы оперативно-розыскных мероприятий в сетях связи». Однако вся эта деятельность могла заинтересовать

Сергей Смирнов – координатор московского отделения межрегиональной группы «Правозащитная сеть».

только специалистов. Книги написаны сухим юридическим языком и недоступны для широкой аудитории. Семинары собирали малое число правозащитников и юристов.

Интересным материалом для анализа могли бы стать итоги мониторинга нарушений прав человека в России. Этот проект начался в 1998 году под патронажем Московской Хельсинкской группы и объединил усилия десятков правозащитных организаций из разных регионов страны. В 2000 году их число дошло до 89, и финальный доклад охватывал почти всю Россию. К сожалению, попытки анализа ситуации в области приватности можно сосчитать по пальцам. В разгар страстей по СОРМ-2 (вторая половина 1998 года) только три автора упомянули о существовании этой системы. Ни в одном из докладов нет анализа нарушений приватности, практически ничего не сказано о теме этой книги — нарушениях приватности в Интернете. Сведения правозащитников по-прежнему состоят из единичных фактов, общих слов и разных слухов.

Неприкосновенность жилища и тайна переписки почти никогда не становятся темами семинаров, «круглых столов» или пресс-конференций. Почему?

Есть, по крайней мере, пять причин:

1. Правозащитники пока не осознают приватность как фундаментальное право и относят его «на задний план».

2. Коллеги традиционно интересуются лишь одной частью темы — прослушиванием телефонов со стороны спецслужб. Хотя, как вы знаете, проблема гораздо шире.

3. Методики исследований остаются малоизученными. Работы западных авторов по проблемам защиты приватности редко переводятся на русский язык.

4. Информация о прослушиваниях почти всегда засекречена. В российских законах нет правовой нормы, по которой следствие должно было бы раскрывать информацию об оперативно-розыскных действиях.

5. Денег на организацию работы, как всегда, не хватает.

А что в «плюсе»?

Число публикаций, посвященных приватности, увеличилось. К этой теме проявили интерес журнал «Правозащитник», бюллетень Международного «Ме-

мориала», историко-правозащитный журнал «Карта» — издания, которые не специализируются на теме приватности. С подачи правозащитников прошло несколько выступлений на Радио Свобода. Были опубликованы статьи в онлайн-издании «Интернет.Ру», в нескольких «бумажных» газетах и журналах. В апреле 2000 года «Правозащитная сеть» (www.hgo.org) совместно с Национальным институтом

прессы и Американским союзом за гражданские свободы провела в Москве конференцию «Окно в свободный мир-2000». Это было наиболее представительное собрание правозащитников, экспертов, государственных чиновников и журналистов, интересующихся онлайн-приватностью. Апрельская конференция стала одной из первых попыток «наведения мостов» между потенциальными союзниками. Помимо этого, «Сеть» дважды участвовала в международных конференциях по приватности — в 1998 году в Будапеште и в 1999 году в Вашингтоне. Летом 2000 года «Правозащитная сеть» провела несколько коротких тренингов по приватности в различных городах страны, а весной 2001 года эта тема впервые была подробно изложена на двухдневном семинаре для учащихся рязанских школ. В июне 2002 года «Правозащитная сеть» провела в Москве международную конференцию «Окно в свободный мир-2002» по теме «Права человека после 11 сентября 2001 года».

В 2002 году, уже после выхода в свет этой книги, архив изданий правозащитного сообщества пополнился докладом о состоянии онлайн-приватности в России.

Эти робкие шаги напоминают попытку свалить вековой сибирский кедр с помощью туристского топора. Проблема, очевидно, требует направленных и квалифицированных усилий многих людей.

Москва

Александр КОСТИНСКИЙ, Михаил БРАУДЕ-ЗОЛОТАРЕВ

ПРИВАТНОСТЬ И «ПРОСЛУШИВАНИЕ» РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТА

Александр Костинский:

С тех пор как в середине 1998 года впервые появились сведения о внедрении в Интернете новой системы оперативно-розыскных мероприятий, СОРМ-2, в специализированной и правозащитной прессе не прекращаются дискуссии о правомернос-

ти такого шага спецслужб и к чему он может привести. Довольно полно состояние вопроса изложено на Интернет-узле www.libertarium.ru.

Однако, по большей части, такие дискуссии не касаются реального положения дел с внедрением СОРМ. Недавно мне и Михаилу Брауде-Золотареву, заместителю главного редактора еженедельника «Компьютерра», удалось, видимо, впервые взять откровенное интервью на эту тему у одного из крупных россий-

ских региональных провайдеров Интернета. По понятным причинам он пожелал остаться неизвестным, но его имя и все координаты редакции Радио Свобода известны.

СОПМ-2 — технические средства, обеспечивающие доступ спецслужб к линиям операторов Интернет для съема данных. Ранее, когда сотрудники спецслужб хотели получить доступ к частной информации абонента, они должны были предъявить провайдеру решение суда. Теперь такой нормы не предусмотрено.

Перечислим основные претензии к СОПМ-2:

Во-первых, СОПМ-2 требует, чтобы каждый провайдер за свой счет (!) «протянул» выделенную линию связи в местное отделение ФСБ со скоростью подключения «на уровне скорости подключения любого абонента». Это нужно им для обеспечения скрытного доступа ко всей информации абонентов в режиме реального времени.

При этом спецслужбы получают бесконтрольный доступ ко всем данным, и о факте такого доступа не будет известно никому.

Санкция на подслушивание при этом становится формальностью, поскольку технологических ограничений на несанкционированное подслушивание СОПМ-2 не обеспечивает.

В нынешней России подобные возможности потенциально превращают СОПМ в средство экономического шпionaжа, сбора компромата или политического давления.

Во-вторых, противоречит статье 19 закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которая требует финансировать ОРД исключительно из бюджета и внебюджетных фондов органов государственной власти. СОПМ финансируется де-факто за счет провайдеров Интернета, другими словами, за счет пользователей.

В-третьих, операторы связи обязаны хранить тайну связи, и по закону без предписания суда они не имеют права ни прослушивать, ни соучаствовать в прослушивании разговоров своих абонентов.

Но ответная аргументация представителей спецслужб, к сожалению, страдала и страдает неполнотой.

Для примера процитируем начальника Центра общественных связей ФСБ Александра Здановича, который в ответ на запрос в своем официальном письме в редакцию «Компьютерры» в 1998 году писал, что «СОПМ представляет собой программно-аппаратный комплекс, который применяется в процессе оперативно-розыскной деятельности только... на основании судебного решения», что «при проведении ОРД исключается возможность нанесения ущерба жизни и здоровью людей», что «СОПМ ни в коей мере не направлена на ограничение прав граждан», что «в ст. 138 Уголовного Кодекса РФ предусмотрено наказание за незаконное нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений».

Не оспаривая формальной правильности утверждений начальника ЦОС ФСБ, заметим, что лежат они совершенно в иной плоскости, нежели беспокойство общественности.

К сожалению, среди провайдеров нашлось немного желающих отстаивать законные интересы своих клиентов и отказавшихся слепо исполнять требования ФСБ, противоречащие как законодательству, так здравому смыслу. В качестве единственного, видимо, исключения можно назвать только волгоградскую фирму

«Байард-Славия Коммуникейшнз». Пойдя на открытое противостояние со спецслужбами, фирма столкнулась с массовой атакой местных Госсвязьнадзора и ФСБ, в результате чего ее деятельность была блокирована.

Несмотря на то, что формально «Байард» не отказывался внедрять СОПМ-2 и не протестовал против оперативно-розыскной деятельности как таковой, а только отвергал конкретные незаконные требования местных ФСБ и Госсвязьнадзора на формальных основаниях, несмотря на то, что впоследствии суд признал действия противников «Байарда» незаконными, свой бизнес компания, фактически, потеряла. Это стало отрицательным примером для сотен российских провайдеров.

Специализированные общественные организации, призванные, казалось бы, отстаивать интересы Интернет-сообщества, например Союз операторов Интернета или Ассоциация документальной электросвязи, в этой ситуации стыдливо промолчали.

Михаил Брауде-Золотарев:

Другим, наверное, более утешительным примером стоит считать иск в Верховный Суд, поданный журналистом Павлом Нетупским против Минсвязи и Минюста, который просил признать незаконность писем и приказов этих ведомств, касающихся внедрения СОПМ-2. Основание — нарушение свободы граждан на тайну переписки и телефонных разгово-

ров.

Конкретно, Нетупский требовал признать недействительным предписание операторам связи за свой счет устанавливать средства прослушивания. Кроме того, его не устраивало освобождение спецслужб от обязанности сообщать оператору имена прослушиваемых абонентов и решения, на основании которых ведется прослушивание.

Суд состоялся в сентябре 2000 года. Он отказался признать оплату СОПМ за счет провайдеров незаконной.

По второму пункту решение оказалось в пользу истца: теперь спецслужбы обязаны ставить операторов в известность о том, кого из абонентов они собираются прослушивать.

Александр Костинский:

Напомним, однако, что в случае строгого внедрения СОПМ-2 технические средства бесконтрольного доступа к частным данным у сотрудников спецслужб остаются.

Но это по закону. А как же на самом деле осуществляется СОПМ в Интернете?

Недавно нам удалось впервые взять откровенное интервью на эту тему у одного из крупных российских региональных провайдеров Интернета. По понятным причинам он пожелал остаться неизвестным.

Михаил Брауде-Золотарев:

Какова численность ваших клиентов?

Провайдер:

Примерно десять тысяч человек.

Михаил Брауде-Золотарев:

Скажите, как строятся Ваши взаимоотношения с регулирующими органами, в частности, я имею в виду

сотрудников ФСБ, в связи с внедрением системы оперативно-розыскных мероприятий?

Провайдер:

Вы знаете, скажем так: по закону. В основном. Почему я говорю «в основном», потому что на самом деле, мне кажется, реальные взаимоотношения оператора с сотрудником Федеральной службы безопасности более законны, чем это записано в законе об оперативно-розыскной деятельности. Дело в том, что закон подразумевает отсутствие контроля оператора связи над действиями ФСБ. Действия ФСБ подконтрольны только прокуратуре. Если следовать букве закона, то я не могу контролировать действия сотрудников ФСБ. Но в реальной жизни все устроено несколько иначе. Ведь полномасштабное внедрение этой системы требует громадных затрат и от оператора, и от сотрудников ФСБ.

Но в принципе оно не нужно ни тем ни другим. Ведь, во-первых, как правило, провайдерами работают нормальные и вменяемые люди, которые понимают, что люди должны делать свою работу. А провайдер по своему статусу должен, конечно, им помогать. Это тоже — очевидно. И поэтому, с моей точки зрения, происходит как раз более законный способ взаимодействия. То есть приходит сотрудник ФСБ, он показывает конкретную санкцию прокурора или постановление, может быть, даже закрывая рукой те места, которые мне знать необязательно, и мы начинаем с ним вместе несложные действия.

Не надо тотального контроля над всей системой. Просто достаточно того, чтобы нормальные вменяемые люди, которые знают свое дело, могли работать вместе.

Михаил Брауде-Золотарев:

Я правильно Вас понял, что полномасштабного, в соответствии с пакетом документации по СОПМ, внедрения этой системы не произошло?

Провайдер:

Вы знаете, конечно же, я могу говорить только о своем регионе, хотя на самом деле регионы очень похожи. Я думаю, что и ситуация в Москве не сильно отличается.

Михаил Брауде-Золотарев:

Скажите, пожалуйста, вот сотрудники ФСБ принесли санкцию на доступ к какой-то информации. Как технически осуществляется парадокс затребованной ими информации в соответствии с санкцией прокурора?

Провайдер:

Честно говоря, я не считал, что в этом есть какая-то сложность. Как людям удобно, так им можно эту информацию подать. Мы же не занимаемся сами оперативно-розыскной деятельностью, мы не участвуем в судах, вещественных доказательствах не собираем, мы просто выполняем свои обязанности по предоставлению некоторых сведений, нарушая при этом тайну переписки в порядке, оговоренном законом.

Михаил Брауде-Золотарев:

Но как это конкретно происходит? Вы скидываете на дискету те письма, которые запросили сотрудники ФСБ? Вы, скажем, распечатав, отправляете им по факсу? Если вы говорите, что каналы не проложены, то возникает сомнение, есть ли у них компьютеры.

Провайдер:

У меня, честно говоря, нет никаких сомнений, что у них есть компьютеры. То есть как бы некий «враг народа», злоумышленник, пишет кому-то там письма. Да, естественно, провайдер полностью может контролировать корреспонденцию абонента. А способ передачи не имеет значения. Чаще всего по той же самой электронной почте.

Михаил Брауде-Золотарев:

Вы хотите сказать, что просто пересылаете спецслужбам по электронной почте письма подозреваемых, отобранные ручками или с помощью какой-то программы, и они уже ими пользуются, как им заблагорассудится?

Провайдер:

Конечно, нет. Ручками никто никакого отбора не делает. Если речь идет о перлюстрации чужой переписки, я этим не занимаюсь, этим занимается автомат, который, не нарушая целостности письма, никаким образом на него не воздействуя, не запрещая абоненту что-то писать, просто перенаправляет копию этого письма в контролирующий орган.

Михаил Брауде-Золотарев:

Если я правильно понял, то эта пересылка идет по открытым каналам связи?

Провайдер:

Вы знаете, да, но так как между мною и контролирующим органом нет мест перехвата, он же мой абонент — напрямую звонит моему серверу. У меня трудно украть чужое письмо.

Михаил Брауде-Золотарев:

У меня маленькая ремарка. Вы так сказали про то, что у вас нет сомнений в наличии компьютеров в ФСБ, как будто вы сами их туда ставили.

Провайдер:

Это хорошо. Я оценил тонкую шутку. Мы не ставили туда компьютеров, хотя, на самом деле, вот в чем тонкость руководящих документов по СОПМ: провайдер сам должен обеспечивать техническую, нет, скажем так, формулировка более тонкая: мы должны вместе с сотрудником ФСБ обеспечивать техническую возможность. Ну, подарю я им компьютер, если им нужно будет для электронной почты.

Михаил Брауде-Золотарев:

Причем ситуация чрезвычайно благоприятная для всех. Потому что оно даже и взяткой считаться не может, покуда это — совместная деятельность, как Вы говорите, провайдера и ФСБ.

Хорошо. Давайте продолжим разговор немножко в другом направлении. Всем известно, что существует довольно много средств защиты частной информации. В качестве типичного и наиболее распространенного примера разумно привести известную программу PGP. Это криптографический модуль, который, как считается, надежно закрывает корреспонденцию от доступа к ней. Что происходит в том случае, если Ваши корреспонденты закрыли с помощью криптосредств свою почту? Сотрудники ФСБ, физически получив тексты, не могут их прочитать и тем самым выполнить, как Вы говорите, их родовые задачи.

Провайдер:

Мне очень трудно ответить на вопрос, что происходит с сотрудником ФСБ, который не смог прочитать письмо, и кто вообще там этим занимается, но на-

сколько я могу судить из разговоров с сотрудниками того же Федерального агентства правительственной связи, РГР не является криптостойким, вопрос просто времени, сколько потребуется для его вскрытия. Вполне допускаю, что настоящий американский шпион, который живет в моем маленьком родном городе, где-нибудь там прячется и посылает по электронной почте письма своим хозяевам, которые зашифрованы по-настоящему. Что в этом случае будет делать сотрудник ФСБ, кто же его знает.

Михаил Брауде-Золотарев:

Из нашего разговора получается так, что ситуация с СОРМ в Интернет-сетях значительно более мягкая и более комфортная для всех участников: провайдера, клиентов провайдера и, может быть, даже сотрудника ФСБ, хотя здесь меньше уверенности, чем с телефонными провайдерами, где эта система внедрена давным-давно, претерпела массу реинкарнаций, просто в связи с развитием техники, где фактически сложилась ситуация, когда никакой провайдер и никакой клиент никакого контроля за действиями ФСБ не имеют, просто потому что техническая реализация системы доступна такова, что они могут бесконтрольно прослушивать трафик. Я правильно понимаю ситуацию?

Провайдер:

Во-первых, конечно же, не могу говорить обо всей России. Я могу говорить конкретно о своем регионе. На сегодняшний день система телефонного СОРМ, про которую, кстати, говорят мало, устроена гораздо более жестким образом и беспощадным, скажем так, по отношению к абоненту. Тем более что программы, которые шифруют вашу личную переписку, достаточно распространены и доступны в Интернете. А устройства, которые занимаются кодированием ваших телефонных разговоров, они либо вообще законодательным образом в нашей стране запрещены, либо они содержат «крючки» для спецслужб.

Михаил Брауде-Золотарев:

Насколько взаимодействие с ФСБ по поводу СОРМ удорожает ваш бизнес, отвлекает менеджеров?

Провайдер:

Технические издержки, если посмотреть реально, не очень велики. Подаренный вышесказанный компьютер, увеличение некоторого числа бесплатных пользователей, ведь спецслужбы используют еще и в своих целях мою связь. Но в принципе объем этих издержек не такой большой на сегодняшний день. Конечно, во-первых, отвлечение внимания требуется. Во-вторых, в силу тонкости взаимодействия, это всегда задача топ-менеджмента, который более дорогой и время которого более ценно для компании. В этом плане, конечно, любое нарушение графика работы высшего руководства для компании неудобно.

Михаил Брауде-Золотарев:

Бывают случаи, так, положи руку на сердце, когда не показывается санкция на доступ к какой-то информации, переписке, а, скажем, присылается по факсу или говорится в частном разговоре, или по телефону? Ну, я не знаю как, разные существуют формы, особенно когда отношения строятся на основе, как мы понимаем, некоего доверия и сотрудничества, а не жесткого следования безумно сложным технически законодательным процедурам. Бывают ли моменты, когда вы

отступаете от некоей правильной линии и идете на уступки, я уж не знаю чему?

Провайдер:

Вы поднимаете философский вопрос, что такое правильная линия.

Правильная линия, если по закону, это когда я вообще не знаю, что делает контролирующая организация. Вы попросили – положи руку на сердце. Ну, конечно, бывает. Это бывает довольно редко. Это бывает в ограниченном объеме. Это бывает, когда нужно – срочно. Как правило, если я попрошу, мне потом эту бумагу покажут. Нв бывает такого, чтобы мне отказались показать это постановление прокурора, что действительно есть возбуждение уголовного дела. Это просто, ну из ряда вон вышло, меня же уважают.

Михаил Брауде-Золотарев:

Я понимаю, но тем не менее, вы не боитесь, что какая-то, скажем, глубоко частная проблема сотрудника ФСБ, когда ему надо срочно что-то получить, а иначе – выговор, увольнение, мало ли что, и он вас подставляет. Он берет информацию, он ее «сливает», ну, например конкурентам. Ну, попал человек в ситуацию, он ее заложник, и перекладывает ответственность, фактически, на вас. Когда вы ему что-то передали, он это как-то задокументировал, а потом – либо обращение в суд, либо пресса. И вы, фактически, отвечаете за утечку, нарушив, кстати говоря, довольно много законов, помимо моральной стороны вопроса.

Провайдер:

Ну, во-первых, я глубоко сомневаюсь, что действительно нарушаю какие-либо законы. Во-вторых, конечно, можно допустить нечистоплотность сотрудника контролирующих органов, который передаст эту информацию моим конкурентам, но привлекать за это к ответственности меня? Я просто не очень понимаю даже, как это можно сделать, и операционно, и технически, и законодательно, и, главное, – зачем? Конечно, такая опасность существует. Всегда, когда есть доступ к какой-то информации, человек может воспользоваться ею для своих личных целей, но чем в этом смысле СОРМ отличается от просто деятельности сотрудника ФСБ? Он же может просто взять эту информацию другим путем. Все мы, в некотором роде, заложники нашей законодательной системы, все мы чуть-чуть нарушаем закон. Если нас очень захочется привлечь за что-то к ответственности, то я бы сказал, что СОРМ – самый нетривиальный способ это сделать. Поэтому не могу сказать, что я всегда сплю спокойно, и вообще в нашей стране очень трудно всегда спать спокойно, но это предпоследнее, что меня волнует.

Михаил Брауде-Золотарев:

Опять-таки, положи руку на сердце. Существует ли техническая возможность у рядовых сотрудников иметь доступ к электронной почте ваших клиентов?

Провайдер:

Давайте не будем лукавить. Почта поступает к провайдеру по открытым каналам, по открытым каналам уходит и хранится на сервере провайдера. Естественно, что технический персонал провайдера имеет доступ к почте, естественно, они могут прочесть почту клиентов, продать ее конкурентам и так далее. Но вот это уже как раз уголовное преступление. Есть соответствующие статьи, есть методы наказания провайдера

за такие вещи. Здесь ситуация несколько другая. Я думаю, что этой опасности бояться следует меньше всего, поскольку это же — бизнес провайдера. Представляете, если в условиях, когда есть конкуренция провайдеров, даже в самом небольшом городе, становится известно, что провайдер «сливает», извините за выражение, почту своих клиентов его конкурентам. Ну, такой провайдер просто обречен.

Александр Костинский:

Вот такое, казалось бы, оптимистичное интервью: все происходит если и не по закону, то даже лучше, чем по закону. Все вменяемые люди — у одних бизнес, у других служба, как друг друга не понять...

Однако нельзя не понимать, что самым опасным в такой ситуации становятся именно доверительные отношения, складывающиеся между спецслужбами и провайдерами, когда они за кружкой пива решают возникающие вопросы. Это и поставка пары-другой дармовых компьютеров в ФСБ, и бесплатный доступ спецслужб в Интернет, и нематериальные «услуги»: предоставление частной информации клиентов по просьбе сотрудников спецслужб.

Как провайдеру отличить, служебный у ФСБ интерес или частный? Как узнать, как распорядится отдельно взятый любопытный сотрудник силового ведомства полученной неофициально информацией? А ведь в

том, что такие каналы между провайдером и спецслужбами проложены и действуют, у меня сомнений, к сожалению, нет.

Тем не менее следует признать, что полномасштабного внедрения СОРМ-2 в Интернете не произошло; де-факто продолжает действовать предыдущая, «уведомительная» версия СОРМ. Так что в Сети оперативно-розыскная деятельность происходит немного иначе, чем в телефонии. Там система подслушивания телефонных разговоров внедрена у всех телефонных, сотовых и пейджерных операторов, она полностью автоматизирована и, аналогично СОРМ-2, не предусматривает никакого контроля ни со стороны властей, ни со стороны провайдера или общества.

А законопослушным клиентам провайдеров, молчащим, как ягнтя, можно посоветовать только одно: ваше право использовать средства криптозащиты российским законодательством не оспаривается. И если такое использование и не исключит возможности доступа к вашей переписке, то, во всяком случае, существенно усложнит его. В первую очередь, для ваших конкурентов или недоброжелателей, поскольку у спецслужб, как верно заметил наш сегодняшний собеседник, скорее всего, найдутся альтернативные пути доступа к вашим данным.

Радио Свобода

Берд КИВИ

ПРИВАТНОСТЬ В СЕТИ КАК ЗАЛОГ СВОБОДЫ

Приватность и сбор персональных данных

Обеспечение приватности человека, пользующегося широкими возможностями Интернета, и незаметный, но весьма интенсивный сбор данных, персонально идентифицирующих его личность, — это две очень серьезно конфликтующие друг с другом проблемы. Причем конфликт этот быстро становится одной из наиболее горячих тем как в развитии электронной коммерции, так и в более специфической области, деликатно именуемой «обеспечение нормальной работы правоохранительных органов».

Занимающиеся маркетингом структуры постоянно изыскивают новые, все более эффективные пути для сбора максимально возможной информации о своих потенциальных покупателях. Для коммерции такие данные — удобное, а теперь и необходимое дополнение во всей той автоматизации, что предоставляется Интернетом. Уже вполне четко осознано, что с помощью Интернета намного легче собирать огромные объемы информации о потребителях, а взаимная увязка этих данных обеспечивает существенные прибыли в торговле.

Однако защитники гражданских свобод вполне резонно усматривают в этих устремлениях покушение на фундаментальные права граждан, поскольку, в подавляющем большинстве случаев, информация о

пользователях собирается без их согласия. Поэтому обеспечение анонимности пользователя Интернета и возможность использования псевдонимов в онлайн-овых коммуникациях рассматриваются как необходимые меры в защите и укреплении таких гражданских прав, как приватность и свобода слова.

Службы анонимизации и их компрометация

В последние годы в Интернете появился целый ряд служб, как бесплатно, так и за деньги предлагающих пользователям услуги «анонимизации». Другими словами, используя серверы этих служб как стартовую площадку для своих путешествий по Сети, пользователь получает гарантии, что все его персональные данные «срезаются», а посещаемые им веб-сайты получают в свое распоряжение лишь характеристики сервера-«анонимайзера».

Среди десятков таких служб можно упомянуть: Anonymizer (<http://www.anonymizer.com>), проект компании Lucent под названием Private Web Access (www.bell-labs.com/project/lpwa), служба «Onion Router» Исследовательского центра ВМС США (www.onion-router.net), а также служба AIXS (<http://aixs.net/aixs/>).

Но, как показало пристальное изучение возможностей этих служб, они не предоставляют той степени анонимности, которую декларируют. Соответствующее

исследование было недавно проведено бостонским интернет-консультантом Ричардом Смитом (Richard M. Smith), который не стал разрабатывать никаких новых средств, а просто воспользовался известным инструментарием, который используют веб-серверы для идентификации своих посетителей. Смит продемонстрировал, что лишь этих инструментов, в сочетании с дефектами в популярных программах-браузерах Internet Explorer и Netscape Navigator, достаточно для компрометации служб анонимизации.

Для организации тестирования Смит создал веб-сайт (www.iac.net/users/smiths/anon/), который оборудовал соответствующими программами, и разослал приглашения в компьютерные новостные группы. Для оценки степени защиты анонимности применялись шесть различных тестов, главным образом использующие возможности языков Java, JavaScript и Active X. Реальные испытания показали, что все четыре перечисленные выше службы анонимизации не смогли выдержать натиска и уступили, по крайней мере, одному из 6 тестов, пропустив и выдав реальный IP-адрес пользователя. По словам Смита, на всю эту демонстрацию ненадежности четырех наиболее авторитетных служб ушло меньше часа.

«Сеть Свободы»

Но вот теперь в Интернете появилась служба Freedom Network (www.freedom.net), созданная канадской компанией Zero Knowledge System и предлагающая качественно иную степень защиты анонимности пользователей. На разработку системы ушло около двух лет, и, как говорит о своем детище возглавляющий компанию Остин Хилл (Austin Hill): «Это инфраструктура, на которой будет строиться будущее. Мы рассматриваем нашу технологию как фундаментальную.» Загружаемая с веб-сайта Freedom программа-клиент позволяет пользователям создавать для себя несколько псевдонимов, причем персональные данные не требуется хранить на каком-нибудь сервере третьей стороны. Вся информация, которой располагает предоставляющая услугу компания, – это данные кредитной карты, которой расплатились за услугу (50 долларов в год). Используя программу и псевдонимы (по желанию, разные для различных сетевых нужд), пользователь может путешествовать по Интернету с помощью цепи серверов, каждый из которых скрывает идентификатор пользователя и его «цифровые следы» при веб-серфинге, работе с электронной почтой, общении в новостных группах и чат-конференциях.

Вся система имеет прочную криптографическую основу, поскольку в процессе пересылки пакеты с данными пользователя надежно шифруются. Зашифрованные пакеты пересылаются через множество серверов, которыми управляют провайдеры-партнеры для сокрытия маршрутов пакетов. По свидетельству сто-

ронних экспертов, система freedom.net обеспечивает действительно мощную защиту анонимности. Как сказал Мадж (Mudge), один из лидеров известной бостонской группы хакеров L0pht, «здесь действительно делается то, что декларируется... и это весьма значительное достижение».

Обеспокоенность органов

Подобную степень защиты анонимности никакие трюки коммерческих веб-серверов, понятное дело, пробить не в силах. Более того, не на шутку переположились правоохранительные и разведывательные органы Канады и США, усмотревшие в новой службе серьезную угрозу своей работе. Остин Хилл и его коллеги по Zero Knowledge получили уже множество приглашений в различные правительственные инстанции для разъяснения подробностей ими содеянного. В течение последних месяцев года им уже пришлось выступить с «презентацией своего продукта» перед представителями таких ведомств, как RCMP – «королевская полиция» (канадский аналог американского ФБР), CSE – Управление безопасности связи (аналог американской радиоразведывательной службы AN5), CSIS – разведслужба (аналог ЦРУ). Была также неформальная встреча с сотрудниками Министерства юстиции США из подразделения по борьбе с компьютерными преступлениями.

Поскольку в истории уже известны случаи, когда после подобных обработок компании радикально изменяли политику и ослабляли свои системы под нажимом властей, то в Интернет-сообществе зародилось естественное опасение относительно реальности дальнейшей стойкости «Сети Свободы». Однако Остин Хилл тут же предоставил общественности подробный отчет об имевшихся встречах с представителями властей и повторил те вещи, что рассказывал им. Суть дававшихся на презентациях разъяснений об особенностях технологии сводится к нескольким словам: «freedom.net вполне умышленно создавалась так, чтобы никому не была доступна любая информация о пользователе».

По убеждению создателей системы, они не нарушают абсолютно никаких законов, в цифровой век предоставляя гражданам право на такую же анонимность в Сети, какую испокон веков предоставляли людям обычный лист бумаги и карандаш.

В заключение же можно вспомнить высказывание одного известного адвоката по поводу того, что отличает свободное государство от тоталитарного. Вольно излагая его слова, – в свободной стране у правоохранительных органов должны быть трудности с получением доступа к приватной информации граждан. Если же у органов нет никаких проблем с получением такого доступа, то это государство – фашистское.

Computerra

Интернет и права человека <http://www.hrc.org/gilc/ru/>
Глобальная кампания за свободы в Интернет (GILC) <http://www.gilc.org>
Бюллетени GILC по-русски <http://www.hrc.org/editions/alert>
Privacy International <http://www.privacy.org>
Electronic Privacy Information Center <http://www.epic.org/>
Digital Freedom Network <http://www.dfn.org>
Американский Союз за гражданские свободы (ACLU) <http://www.aclu.org/>

Александр СУНГУРОВ

Защита прав человека и суверенитет государства

Такие события последних лет, как Балканский кризис вокруг Косова, действия российских войск в Чечне, сама реакция на эти события мирового общественного мнения, делают весьма актуальным вопрос о тенденциях изменения мирового порядка в ближайшем и более отдаленном будущем. Является ли все,

что происходит внутри государства, его внутренним делом, возможно ли вмешательство извне в случае массовых нарушений прав человека каким-либо государством, где пределы и границы такого вмешательства, кто, наконец, вправе определять правомочность такого вмешательства? Эти и многие другие подобные вопросы требуют обсуждения и поиска ответов.

В данной работе основное внимание будет уделено такому аспекту этой проблемы, как соотношение между принципом суверенитета государства и принципом приоритета прав человека. Однако прежде всего важно определить, что же мы понимаем под термином «мировой порядок». На мой взгляд, это понятие несколько шире, чем «международное право», так как включает в себя не только нормы международных отношений, вытекающие из межгосударственных договоров и соглашений, но и реальную практику международных отношений. Отличительной чертой современной ситуации являются быстрые изменения такой практики, в частности, в направлении *принятия* многими странами идеи допустимости вмешательства во внутренние дела конкретных стран в случае массового нарушения в них прав человека и *непринятия* — другими странами. При этом, с одной стороны, звучат слова о правомерности применения принципа приоритета прав человека ко всем государствам, странам и народам современности, с другой — высказываются утверждения о некорректности применения принципов, выработанных в одной группе стран (Западная Европа и Северная Америка, протестантская культура), к большинству других государств и культур.

Для поиска решения сформулированной выше проблемы важно, во-первых, определить, что мы имеем в виду под словом «право», и, во-вторых, сводя сложнейшую проблему межкультурных различий к теме исторического времени, определить, что же такое историческое время для данной страны или народа.

Обращаясь к понятию права, попытаемся дать его краткое определение. Как пишет в «Философии

права» С. С. Алексеев, право при самой элементарной, строго юридической характеристике — это критерий «юридической правомерности», основание и свидетельство, своего рода социальный знак того, что каждый из нас вправе или не вправе что-то делать, как-то поступать. Еще по суждениям древнеримских юристов (определение Цельса), «право, будучи наукой о добре и справедливости, призвано быть основанием для отличия дозволенного от недозволенного». Как известно, возникнув в прошлом на основе обычаев и традиций, право приобрело затем вид четко сформулированных и надлежащим образом принятых законов, совокупность которых может быть определена как «позитивное право». Однако наряду с позитивным правом продолжало существовать и «право естественное», содержащее, в частности, такие естественные права человека, как право на жизнь и свободу.

Опыт фашистской Германии и других тоталитарных государств XX века со всей убедительностью продемонстрировал опасность позитивистской трактовки права как совокупности законов, существующих в данном государстве. Принятие в 1948 году Декларации прав человека, основные положения которой затем трансформировались в региональные Конвенции по правам человека, стало важным шагом в оплодотворении позитивного права идеями права естественного.

Таким образом, по терминологии С. С. Алексеева, мы становимся свидетелями перехода от «права государства» к «гуманистическому праву» или праву гражданского общества, в котором соблюдение прав человека становится одним из важнейших, если не самым важным приоритетом. Важно отметить, что одновременно мы наблюдаем и ослабление принципа суверенитета государства. Действительно, все государства, подписавшие Европейскую конвенцию по правам человека, признали приоритет ее положений над своими национальными правовыми нормами, признали свою подсудность Европейскому суду по правам человека. Осознание этого факта не позволяет согласиться с положением М. В. Ильина о неизменности роли и значения суверенитета государства в современном мире. На мой взгляд, приоритет суверенитета государства является понятием, связанным с конкретным этапом или этапами развития человеческой истории. Это понятие возникло вместе с возникновением самого современного государства, где-то на уровне преиндустриального общества, и получило свое максимальное развитие на пике развития индустриального общества.

Принцип невмешательства в дела другого государства, вытекающий из принципа государственного суверенитета, сформулированный вначале в документах Лиги наций, а затем и в документах ООН, получил свое закрепление в международном позитивном праве практически накануне того, как часть человеческого

сообщества, признав приоритет прав человека, поставила его под сомнение.

Интересно отметить эволюцию отношения к принципу суверенитета государства в документах ОБСЕ, последней общеевропейской организации, выросшей из Хельсинкского соглашения 1976 года. Само Хельсинкское соглашение по замыслу СССР призвано было закрепить незыблемость границ европейских государств, подвести итог под послевоенным разделением Европы и содействовать развитию экономического сотрудничества. Вместе с тем в ходе подготовки встречи в Хельсинки возникла идея «третьей корзины», которая представляла собой вопросы гуманитарного сотрудничества, обязательства сторон соблюдать основные права человека. Как рассказывают дипломаты, готовившие встречу в Хельсинки, убедить Л. И. Брежнева подписать Заключительный акт вместе с его гуманитарной частью было непростым делом, даже при уверенности советского руководства, что никто не заставит его в реальности выполнять принятые обязательства в области гуманитарного сотрудничества.

Как известно, Хельсинкское соглашение дало мощный импульс развитию правозащитного движения в СССР, именно тогда появилась Московская Хельсинкская группа, поставившая своей целью общественный контроль за выполнением подписанного соглашения. Партийно-государственный аппарат СССР не мог долго терпеть деятельность МХГ, и к середине 80-х годов ее члены оказались либо в заключении, либо в эмиграции. Прошло еще 6 лет, и осенью 1991 г. очередная встреча по человеческому измерению в рамках Хельсинкского процесса состоялась уже в послеавгустовской Москве. Пытающийся модернизироваться Союз представлял на ней замминистра иностранных дел Ю. С. Дерябин, готовивший пятнадцать лет назад встречу в Хельсинки; новую Россию — С. А. Ковалев, член первой Московской Хельсинкской группы. Их совместным предложением на Московской встрече была замена для решений в рамках Организации европейского сотрудничества и развития, в случаях грубого нарушения прав человека, принципа консенсуса на принцип «консенсус минус один». Это предложение не было поддержано тогда другими странами, прежде всего США, не ожидавшими такого радикального предложения от Союза и России. Спустя семь лет уже российское руководство не согласилось с этой идеей, подтвердив, что его позиция в 1991 году была лишь «крайним положением качающегося маятника».

В самом схематическом виде динамику соотношения значений приоритета суверенитета государства и приоритета прав человека можно представить в виде двух кривых. Обе кривые пересекаются где-то на рубеже индустриального и постиндустриального общества. Можно даже предположить, что пересечение этих кривых и является условной границей индустриального и постиндустриального общества, а принятие большинством населения данной страны или региона приоритета прав человека над суверенитетом государства является свидетельством достижения страной или регионом соответствующей стадии развития.

При этом ясно, что каждая страна, каждый народ проходит свой собственный путь развития, в котором резкие скачки невозможны, а их насильственное про-

ведение может вызвать возвращение страны в свое собственное прошлое. Поэтому, например, поддержка населением какой-либо страны идеи суверенитета государства и достаточно равнодушное отношение к идее приоритета прав человека означает лишь, что эта страна живет во времени индустриального общества, и требовать от нее иного — бессмысленно. Соответственно, говорить о необходимости соблюдения прав человека в сообществе, находящемся на стадии преиндустриального общества, причем говорить с позиций общества постиндустриального, можно только очень осторожно. Требовать же их соблюдения в любом сообществе, невзирая на его историческое время, на мой взгляд, не совсем корректно. Издесь я никак не могу согласиться с позицией уважаемого мною С. А. Ковалева, которую он сформулировал предельно четко: «Культура — культурой, а процедура — процедурой. Я, как физик, знаю только одно время — физическое». На мой взгляд, такой подход является ярким примером физикалистского взгляда на мир.

При рассмотрении динамики изменений отношения к суверенитету государства достаточно плодотворной может оказаться концепция М. В. Ильина, представляющего понятие суверенитета как монополии на применение узаконенной силы, или насилия, в виде матрицы, в которой представлены, с одной стороны, физическая возможность осуществить такое физическое воздействие и согласие общества на его реализацию, а с другой — внутреннее и международное измерение. По мнению М. В. Ильина, только в случае заполненности всех четырех ячеек этой матрицы можно говорить о реальном суверенитете, в противном случае, например при неспособности власти к осуществлению монополии на насилие либо при неприятии этого насилия со стороны населения или международного сообщества, возможно возникновение различных квазигосударственных химер. Примером такой химеры может являться масхадовская Чечня.

...Рассматривая современную ситуацию, можно констатировать, что старое международное право, в основе которого лежал принцип нерушимости суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, уже не отвечает реалиям сегодняшнего дня. Это право, кроме всего прочего, было порождено bipolarным разделением мира, реалиями Ялтинских соглашений, которые постепенно уходят в прошлое. На смену, скорее всего, должны прийти новые принципы, основанные на ограничении суверенитета в пользу соблюдения прав человека. Важно при этом, чтобы приоритет прав человека не использовался как ширма для реализации совсем других задач. Наконец, должен быть достигнут консенсус относительно того, кто может принимать решения о целесообразности нарушения суверенитета с целью защиты человеческих прав. События вокруг Косово показали опасность ситуации, когда одна группа государств (члены НАТО) присваивает себе это право, в то время как другие государства такого права не признают.

Чрезвычайно важно также, чтобы вовлеченные в конфликтную ситуацию страны находились в одном или в близком историческом времени. В противном случае они будут просто действовать по разным правилам игры, и отстаивание прав человека может воспри-

ниматься населением страны, живущим в другом историческом времени, как прямая агрессия и нарушение суверенитета.

Кроме того, вполне возможна ситуация, когда защита прав человека для руководства отдельных стран или для влиятельной части такого руководства является лишь предлогом для реализации совсем иных интересов, например контроля за месторождениями полезных ископаемых, блокирования одних путей и содействия другим маршрутам прохождения нефте- или газопроводов, осуществления иных своих геополитических интересов...

Какие же выводы можно сделать на основе выказанных положений? О каком миропорядке XXI века можно говорить? В качестве ответа на эти вопросы можно сформулировать несколько сценариев развития событий. Приведем здесь два из них – нежелательный и желательный.

Сценарий № 1.

Организация мирового сообщества остается не-реформированной. Сохраняется такой реликт времен постялтинского миропорядка, как постоянные члены Совета Безопасности ООН, обладающие правом вето на любые решения Совета. Это, в свою очередь, усиливает уже наблюдаемую неэффективность структуры ООН, переходящую в невозможность принятия необходимых решений. Мнение мирового гражданского общества, международных и национальных неправительственных организаций выслушивается, но зачастую не учитывается политиками. В этой ситуации не-легкое бремя принятия решений по применению силовых действий для защиты прав человека возлагает на себя группа стран, находящихся в постиндустриальном историческом времени, например НАТО. Конкретное историческое время других стран при этом не учитывается или учитывается слабо, применяется один шаблон – соблюдение прав человека. При этом зачастую силовые действия в реальности преследуют осуществление геополитических интересов этой группы стран или одной лидирующей страны.

Такая ситуация является неприемлемой для ряда постсоциалистических стран, население которых живет в основном в условиях времени индустриального общества. Претензии стран НАТО на право вмешательства в дела других стран рассматриваются населением этих стран как нарушение принципа суверенитета, т.е. агрессия. Либеральная часть политиков этих стран и правозащитники рассматриваются населением как проводники идей стран-агрессоров и отвергаются. Востребованными обществом оказываются все более авторитарные и антизападные лидеры. Страны возвращаются на привычный для них мобилизационный путь развития.

Усугубляются экономические противоречия между развитыми и развивающимися странами, между Севером и Югом. Часть настроенных радикально стран Юга, не желающих послушно следовать диктату решений стран НАТО, присоединяется к позиции крупных постсоциалистических стран. Мир возвращается к конфронтационному биполярному виду, нарастает напряженность, угроза военного конфликта.

В условиях разобщенности относительно развитых стран набирает силу религиозный фундаментализм и экстремизм. Не исключены и провокационные

действия экстремистов в виде актов террора, которые в условиях растущей взаимной подозрительности стран НАТО и крупные постсоциалистические страны могут истолковать как агрессивные действия друг друга. Мир снова становится на грань войны.

Сценарий № 2.

Происходит серьезная реформа организации ООН, исключаются реликты времен холодной войны. Мнение мирового гражданского общества не только принимается во внимание, но учитывается в обязательном порядке. Уроки массовых демонстраций международных общественных организаций на декабрьской встрече ВТО в Сиэтле не пропали даром. Мнение общественных организаций становится основой для формирования повестки дня международных политических структур. Возможно формирование второй палаты ООН из представителей международных и национальных общественных организаций. Участие национальных организаций различных стран в процессе принятия решений на глобальном и региональном уровне отчасти снимает стресс в связи со снижением степени суверенитета отдельных стран. Этому способствует и рост межрегионального сотрудничества и трансграничного сотрудничества местного самоуправления.

При отстаивании прав человека в различных странах учитывается конкретное историческое время этих стран. Декларация прав человека 1948 г. соединяется в единую правовую систему с региональными Конвенциями по соблюдению прав человека, учитывающими специфику этих регионов. Для стран, еще не готовых к подписанию региональных конвенций, устанавливается, с их согласия, специальный правовой режим соблюдения прав человека. Силовые методы для защиты прав человека применяются легитимным путем и только после исчерпания всех мирных путей решения конфликтных ситуаций (в том числе и при участии психологов-медиаторов переговоров).

Оставшиеся экстремистские организации, в том числе и религиозного толка, становятся объектом совместных действий всех политических и общественных структур мирового сообщества. Растет роль экологического сознания, реализуются принципы саммита в Рио-де-Жанейро 1992 года – «мыслить глобально, действовать локально».

...

Сложно ожидать, что реальное развитие событий будет происходить по второму, желательному для автора этой статьи сценарию. Однако осознание опасности реализации первого сценария позволит, на мой взгляд, предпринять всем заинтересованным лицам и организациям определенные шаги по его предотвращению. И здесь участники российско-американских программ научных обменов могли бы принять самое непосредственное участие, влияя на ход развития событий и как эксперты-консультанты лиц, принимающих политические решения, и как независимые аналитики, и как часть международного сообщества неправительственных организаций.

Публикуется в сокращении.

Санкт-Петербург

Андрей СУСЛОВ

Права человека и поиск новой российской идентичности

Для современного человека поиск идентичности во многом связан с его восприятием прав человека, вне зависимости, осознает индивид это или нет. Основания для такого вывода можно искать в двух плоскостях. С одной стороны, опорой прав человека служит человеческое достоинство. Отношение к этому

неотъемлемому качеству человеческой личности – важнейшее свойство персональной идентичности. С другой стороны, права человека характеризуют отношение личности к государству, к власти. Осознание особенностей личных взаимоотношений с властью также является важнейшей чертой самоидентификации.

Перестроечные и постперестроечные годы для многих россиян стали болезненным временем, зачастую связанным с утратой прежней идентичности, с поиском новой. Конечно, эти процессы большей частью не были связаны с рефлексией по поводу прав человека. Однако осознанно или неосознанно права человека, в том или ином понимании, все же служат неким индикатором в системе идентификационных координат.

Изменение идентичности происходило не только на личностном уровне. Этот процесс затронул все общество в целом.

Поиск российским социумом новой идентичности повлек за собой существенные подвижки в сфере политической культуры. Началось изменение баланса сосуществующих в обществе политических субкультур: доля активных субкультур несколько возросла за счет пассивных. Но ожидания быстрых и однозначных перемен, в смысле повсеместного утверждения культуры «участия», были бы утопией. Хотя кое-кто, судя по некоторым газетным публикациям начала 90-х, на это надеялся. На деле, как показали социологические исследования, во второй половине 90-х гг. около половины россиян принадлежало к культуре «наблюдателей» (по типологии голландских исследователей Ф. Хьюкса и Ф. Хикспурса), для которой характерен относительно высокий уровень интереса к политике при низком доверии политикам и низком участии в политической жизни. Из активных же видов субкультур представительной можно назвать только «автономную» – она

характерна примерно для пятой части населения. Носители этой субкультуры интересуются политикой и считают себя способными оказать влияние на власть при почти абсолютном недоверии к ней¹.

Понимание сущности прав человека, умение и желание их защищать – один из критериев при определении типа политической культуры. При этом важно обратить внимание на происходившие в общественном сознании, начиная с 1985 г., причудливые трансформации как понятия «права человека», так и отношения к правам человека как таковым.

Определенная вестернизация российского общества, некоторое заимствование западных политических, культурных, нравственных ценностей приводит к закреплению «прав человека» в качестве некоего эталона цивилизованности. Заклинания политиков о приверженности ценностям прав человека, стремление государственных деятелей убедить Запад в прогрессе с соблюдением прав человека становятся обыденным явлением. Само по себе это неплохо.

На бытовательском уровне также происходит декларативное признание ценностей прав человека. Однако люди, заявляющие о важности соблюдения прав человека, зачастую разделяют совсем другие ценности. Не будем останавливаться на том, что подавляющее большинство обывателей не видит отличия позитивного права от прав человека. Сущностной чертой российского менталитета является то, что на первый план выдвигаются социальные и экономические права – права «второго поколения». При этом в качестве обязанности государства в отношении человека рассматривается в первую очередь не создание условий для реализации какого-либо права, например права на труд или на образование, а непосредственное предоставление работы, образования и т.д. И даже материальных благ. В сущности, это рецидив тоталитарного мировосприятия: принятие как должного заботы государства о своих подданных. В сегодняшних условиях такое мироощущение часто трансформируется в странное, на первый взгляд, амбивалентное отношение к государству. Власть ругают и ненавидят, но от нее же больше всего и ждут позитивных перемен и удовлетворения своих потребностей.

Оборотной стороной «потребительского» отношения к власти является «бегство от свободы». Своеобразным преломлением этой черты тоталитарного сознания стало умаление прав человека «первого поколения». Если же проанализировать видение россиянами прав «первого поколения», показательным будет то, что политическим правам (свободе слова, в первую очередь) отдается явный приоритет, по сравнению с личными правами. Более того, многие неотъемлемые личные права для многих не являются ценностью. Вот

Андрей Суслов – зам. председателя пермского общества «Мемориал», историк, доцент Пермского педагогического университета.

частный, но наглядный пример. Результаты мониторинга состояния правовой культуры участников образовательного процесса, проводившегося в пермских школах в ноябре 2001 г., показали, что 40% учащихся и 25% учителей признают допустимость пыток (в определенных условиях)². Продолжая в том же ключе, можно сказать, что популярность смертной казни как средства обуздания преступности, признание легитимности самосуда и насилия наглядно свидетельствуют о том, что права человека не стали определяющими в шкале ценностей большой доли участников опроса. Но можно взглянуть на проблему и с другой стороны. Для многих россиян (в том числе и для респондентов приведенного в качестве примера опроса) либеральные, гуманистические ценности уже являются ценностями. И эту подвижку, произошедшую за последние 17 лет, также надо видеть.

Можно заметить и то, что некоторый негативизм общества в отношении идеологии прав человека связан с разочарованием обывателя в возможности быстрого получения увесистых «плодов» от «введения» прав человека в России. Произошло нечто, аналогичное общественному разочарованию в сверхэффективном и немедленном действии «невидимой руки рынка», в миф о котором поверила масса россиян на рубеже 80-90-х гг. Большей части населения трудно осознать истину, что закрепление юридических норм, защищающих права человека, в российском законодательстве — не панацея от всех бед и даже не панацея от нарушений прав человека. Что права человека сами по себе не сделают жизнь счастливой и беззаботной. Что права человека — это только инструмент цивилизованного общества. Правда, такой инструмент, без которого общество вряд ли можно сегодня назвать цивилизованным и без которого личность не может чувствовать себя защищенной от произвола государства.

Политические, экономические, социальные перемены, усиление идеологического влияния извне еще резче обозначили фрагментацию политических субкультур российского общества. Неоднородность общества самым существенным образом осложняет поиск новой российской идентичности, делает его разнонаправленным. Не случайно основания новой идентичности связываются с диаметрально противоположными ориентирами. По-видимому, Россия стоит перед цивилизационным выбором. Если принять за основу классификацию, предложенную американским политологом С. Хантингтоном³, это выбор между западной и православно-славянской цивилизацией. От этого выбора будут всерьез зависеть как судьба России, так и ход (возможно, и исход тоже) начавшегося и ставшего очевидным в начале третьего тысячелетия цивилизационного конфликта. Конфликта, в котором, по мнению Хантингтона и его единомышленников, Запад будет противостоять всему остальному миру⁴. Именно поэтому выбор идентичности на цивилизационном уровне чрезвычайно важен для России.

Перспектива идентифицироваться как часть обособленной цивилизации для России вполне реальна. Многим греют душу иллюзии возвращения былого военно-державного могущества. «Державники» в любом шаге Запада ищут протиски врага, готового на все ради закабаления России. Помимо усиления ксенофобии

выбор православно-славянской идентичности напрямую связан с отказом от таких «несвойственных русскому народу» западных ценностей, как права человека и т.п., ради усиления государства.

Однако есть и другая альтернатива — Россия может идентифицироваться как западная страна, несмотря на то что большая часть ее территории находится за пределами Европы. Близость российской и остальной западной культуры отрицать довольно сложно. Такие либеральные ценности, как рыночная экономика и демократия, худо-бедно приживаются и у нас. Многое зависит от того, приживутся ли на российской почве права человека. Примет ли их как ценность большинство населения, примет ли их политическая и экономическая элита. Здесь далеко не все ясно.

Кому-то может показаться, что успех в утверждении тех или иных ценностей будет на той стороне, которая сумеет использовать мощь государственного пропагандистского аппарата. Но не все так просто. Следует учитывать, по крайней мере, одно важное обстоятельство. Ценности очень плохо усваиваются на вербальном уровне. Формирование или изменение их, как правило, происходит на уровне деятельности. Поэтому возможности пропаганды в этом отношении весьма ограничены.

Немаловажную роль в деятельностном освоении прав человека, по-видимому, сыграет приобщение России к европейской правовой культуре в этой сфере. Можно назвать чрезвычайно важным то обстоятельство, что Россия, подписав Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод и закрепив в Конституции приоритет международных договоров по отношению к федеральным законам, вошла в европейское правовое пространство. А это означает, что заботиться о соблюдении прав человека государственным мужам придется не только на словах при всем нежелании предпринимать что-то на деле. Первое проигранное Россией дело в Европейском суде 6 мая 2002 года — еще один повод для власти всерьез задуматься о своем отношении к правам человека.

Подводя итог, можно сказать, что, хотя отношение к правам человека не является единственным фактором, определяющим становление новой российской идентичности, зависеть от него будет многое.

Пермь

¹ См.: Руквишников В.О. *Политическая культура и права человека в постсоветской России и странах Запада: сравнительный типологический анализ* // *Права человека в России: прошлое и настоящее*. — Пермь, 1999. — с.131-139.

² Подробнее о мониторинге см.: *Мониторинг состояния правовой культуры участников образовательного процесса в школах г. Перми: Сб. материалов*. — Пермь, 2002.

³ См.: Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций?* // *Полис*. — 1994. — № 1. — С.33-48.

⁴ Там же, с.43.

Как и прежде, недостает вовсе не информации о несправедливости, а храбрости, чтобы противодействовать ей и помогать ее жертвам. Мы можем помочь. Молча наблюдать несправедливость – это соучастие в преступлении.

Джинетта Саган

Ирина ХОЛМОГОРСКАЯ

ДЖИНЕТТА САГАН — «...ТА САМАЯ ДОМОХОЗЯЙКА ИЗ АТЕРТОНА»

Джинетта Саган на праздновании 50-й годовщины ее побега из тюрьмы. 1995 г.

Джинетта Саган (Морони) родилась в 1925 году и провела счастливое детство в Милане и горах северной Италии. Ее родители были врачами. Когда Гитлер и Муссолини стали набирать влияние и силу в Европе, семья Морони активно включилась в движение итальянского Сопротивления. В 1942 году Джинетта,

работая младшим клерком в миланском муниципалитете, доставала талоны на одежду и продовольствие евреям, скрывающимся от фашистов, участвовала в других антифашистских акциях, к семнадцати годам она была уже закаленным и опытным бойцом Сопротивления. Ее звали Мышка (Topolino) из-за маленького роста. Мышка казалась 11-летним подростком и не вызывала подозрений. В 1943 году арестовали ее родителей. Отец был расстрелян, мать (сарейку по национальности) отправили в концлагерь Аушвиц, откуда она уже не вернулась. Джинетта, преодолевая казавшееся невыносимым горе, продолжила работать на другую подпольную сеть — «Giustizia e Libertà party»: печатала и распространяла листовки. Она не только доставляла сообщения союзникам на итало-швейцарскую границу, но и сама переправляла около 300 беженцев: евреев, солдат, антифашистов, дезертиров из нацистской армии. На границе ей неоднократно приходилось преодолевать ограждение из колючей проволоки, последнее препятствие на пути к жизни и свободе, — не случайно Джинетта Саган сделала символом Международной Амнистии свечу, окруженную «колючкой».

Мышка успешно справлялась со многими заданиями, но в 1945 году кто-то проник в подполье и не предал ее. Джинетте было 20 лет, 45 дней девушку били, насиловали, подвергали разным пыткам, в том числе и пыткам электричеством. Но она не сломалась. Как-то охранник бросил в ее камеру кусок хлеба. Она удивилась: кто из-за нее расстался со своим пайком и пошел на риск? С жадностью поедая хлеб в абсолютной темноте качеры, она вдруг обнаружила в мякише спичечную коробку, а в ней — одну спичку и клочок бумаги. Джинетта

зажгла спичку и прочла: «CARAGGIO! Lavoriamo per te» («ХРАБРОСТЬ! Мы работаем для тебя»).

Эти слова возникали в ее памяти каждый раз, когда она слышала от других заключенных, что «никто не знает о них и не будет знать».

Расстрел Джинетты был назначен на 23 апреля 1945 года. В этот день Сопротивление организовало ее побег с помощью двух несменяемых офицеров. Когда Джинетту вели под конвоем, она не знала, что окажется не в могиле, а в католической больнице в Швейцарии.

«Это была красивая звездная ночь. Я думала, что никогда больше не увижу зарю», — вспоминала Джинетта.

Заря — «Аугога» — так через несколько лет она назовет свой фонд.

Этот день она отмечала как праздник всю оставшуюся жизнь.

Некоторое время после побега Джинетта жила в Европе, восстанавливая здоровье. В Париже она встретила своего крестного отца, американского банкира, который взял на себя заботу о ней. Она изучала в Сорбонне детскую психологию. В 1951 году Джинетта приезжает в Америку, чтобы продолжить образование в Чикагском университете. Там она познакомилась со студентом медицинского факультета Леонардом Саганом и вышла за него замуж. У них родилось три сына — Лоринг, Дункан и Лико.

В 1961–1964 годах доктор Саган работал в Нагасаки над изучением воздействия радиации. Джинетта вызвалась организовывать помощь для приютов в Нагасаки, доставляя продовольствие и медикаменты, устранявая приюты.

В 1967 году ее познакомили с женщиной, испытавшей на своем опыте ужас существования под властью «черных пол-

Биография Джинетты Саган, написанная Мари Пис Финли для детей.

Во время проведения акции протеста против репрессий в Тибете, 1999 г.

ковников» в Греции. Г-жа Саган узнала, что к политическим заключенным хунта применяет те же методы дознания и устрашения, что и гестапо в фашистской Италии и других оккупированных рейхом странах. Вскоре после этого Джинетта начала работать в Международной Амнистии, основанной в Европе адвокатом Питером Бененсоном в 1961 году (штаб находится в Лондоне) и к тому времени насчитывавшей в США всего 700 человек. Саган активно помогала становлению и развитию Международной Амнистии в Америке. Она нашла свое призвание. Джинетта Саган применила свой опыт бойца Сопротивления в борьбе против греческой хунты и сформировала сеть, куда вошли ветераны антифашистского подполья и греческие беженцы. Они собирали списки заключенных, уточняли месторасположение тюрем. Неоднократно Джинетте приходилось посещать Грецию под вымышленным именем и с измененной внешностью.

В 1971 году Джинетта Саган осуществляет удачную акцию по сбору средств для пострадавших от диктаторского режима в Греции, собрав на благотворительный концерт в Беркли (Калифорния) 10000 человек. В концерте приняли участие суперзвезды – Джоан Базз и Мелина Меркури.

На следующий день после концерта в Стэнфорде была основана 19-я группа Международной Амнистии. За три года прибавилось еще 75 групп. Информационный бюллетень Американского отделения Международной Амнистии Джинетта Саган назвала «Matchbox» («Спичечный коробок») – в память о маленьком вестнике надежды из ее прошлого. Одним из первых узников совести, освобожденных в Греции под давлением общественности, организованным Международной Амнистией, был Кристос Цартзетакис. Судьба этого непокорного юриста, осмелившегося противостоять спецслужбам (дело об убийстве Ламбракиса) и за это преследуемого режимом «черных полковников», нашла отражение в знаменитом фильме Коста-Гавраса «Дзета» («Z»). В 1985 году Цартзетакис стал президентом свободной Греции.

В начале 80-х годов по инициативе Джинетты Саган были собраны интервью 800 вьетнамских заключенных, на основе которых «Аигога» опубликовала отчет о репрессиях в послевоенном Вьетнаме, привлекая внимание мировой общественности к страданиям вьетнамского народа. Благодаря проводимым ею активным кампаниям 6000 заключенных во Вьетнаме были освобождены, а условия содержания в некоторых «лагерях перевоспитания» – смягчены.

Она содействовала освобождению политических заключенных в Польше, Чехословакии, Латинской Америке и Южной Африке, среди них – президент Чешской республики Вацлав Гавел и президент Южной Кореи Ким Да Джунг.

Когда Августо Пиночет в 1973 году заключил в тюрьмы тысячи чилийцев, не принявших переворот и правление хунты, Джинетта добилась прямого телефонного разговора с генералом, требуя освободить узников.

Маленькая женщина, обладающая теплой улыбкой и неугасимой энергией, всегда утверждала, что любой мог сделать то же самое.

«Ее работа была необыкновенно эффективной, – сказал ее друг и соратник по Международной Амнистии Винцент Д'Андреа (Vincent D'Andrea), профессор клинической психиатрии в Стэнфорде. – Она заставляла прислушаться к себе любого национального лидера, включая и "плохих парней"».

В 1985 году Джинетта Саган и Джоан Базз посетили Польшу, где с 1980 года коммунистическими властями было введено военное положение.

Эта поездка была организована для того, чтобы передать средства для заключенных в тюрьму членов Солидарности. Популярная певица и съемочная группа

Леонард и Джинетта Саган – «пока смерть не разлучит нас...», 1997 г.

Эмблема Международной Амнистии.

были прикрытием для г-жи Саган, перевозившей валюту на себе, под одеждой. Во время встречи на аэродроме она внезапно почувствовала, что пояс с деньгами пополз вниз. Пришлось держаться за спину. Базз быстро подхватила ее багаж и объяснила встречающим, что у женщины травмирована спина. «Я шла, как будто у меня сломан позвоночник», — вспоминала Саган. 60-летняя «контрабандистка» выполнила свою миссию, но ей все-таки не удалось скрыть свое пребывание в Польше, и польские власти попытались избавиться от нежелательной гостьи. Она и известный польский диссидент чудом не погибли в автомобильной катастрофе, подстроенной агентами генерала Ярузельского. На фотографии с места аварии — окровавленное лицо Джинетты с торжествующей улыбкой: пусть видят, что ее нелегко запугать.

Она не была пристрастна к каким-либо политическим режимам. Называлали страна себя «прогрессивной» или не скрывала своих диктаторских замашек, ее волновали только конкретные дела, конкретные судьбы, она боролась со всеми тюремщиками, палачами и их государственными покровителями.

Ее жизнь фактически иллюстрирует слова Юджина Деббса: «Я не свободен, если хотя бы одна невинная душа — в тюрьме».

Джинетта Саган умудрялась делать невозможное, она была центром интенсивной правозащитной деятель-

ности во всем мире, находясь дома в Атертоне и будучи заботливой матерью, гостеприимной хозяйкой, знатоком кулинарии и орхидей (одни из новых сортов носят ее имя), что отразилось во фразе директора ЦРУ Уильяма Кейси (William Casey), однажды назвавшего ее «та самая домохозяйка из Атертона».

Джинетта получила много наград, включая высшую награду Италии в 1996 г. В том же году она была награждена Президентской Медалью Свободы, высшей гражданской наградой США.

«Имя Джинетты Саган — синоним борьбы за права человека во всем мире, — сказал президент Клинтон на церемонии в Белом Доме. — Она олицетворяет победу человеческого духа над тиранией».

В 1998 году Джинетта Саган была приглашена на Третью Международную Конференцию по правам человека в Варшаве, где весь форум приветствовал ее стоя.

1 сентября 2000 г., на три года пережив своего мужа, Джинетта Саган скончалась в своем доме в Атертоне после долгой борьбы с раком. Ей было 75 лет. Она боролась с болезнью так, как только и могла Джинетта Морони — Мышица — г-жа Саган: стойко, не теряя жизнерадостности и надежды.

«Мир лишился лучшего гражданина, — сказала конгрессмен Анна Эшу, узнав о ее смерти. — Она была не только национальным, но и мировым достоянием».

По материалам Международной Амнистии.

Джинетта Саган за несколько месяцев до смерти.

Джинетта Саган в Альпах, недалеко от тех мест, где в годы войны она переправляла беженцев через итало-швейцарскую границу

ВЬЕТНАМ: НАРОДЫ, РЕЛИГИИ, ВЛАСТЬ

Народы

Один из французских исследователей образно назвал Вьетнам «перекрестком культур и народов».

Согласно «Номенклатуре народов Вьетнама», утвержденной Главным Управлением по статистике СРВ в 1979 г., в состав населения Социалистической

Тысячелетний пейзаж Вьетнама.

Республики Вьетнам, образованной после объединения Северного и Южного Вьетнама в 1976 г., составляющего 71 миллион человек, входят 54 различных этнических образования, представляющих австроазиатскую, австронезийскую и китайско-тибетскую языковые семьи.

Расселение народов по территории страны неравномерно и своеобразно. Структура территориального размещения населения Вьетнама сводится к трем типам расселения: дельтово-приморский (равнинный) горно-долинный и горный. Существенная особенность размещения невьетских народов по территории Вьетнама состоит в том, что районы расселения не имеют четких границ — народы, говорящие на языках различных языковых семей, проживают дисперсно и чересполосно друг с другом. Некоторые этнические общности,

Рыбачья лодка на реке Меконг.

части которых рассеяны по всей территории страны, с полным правом могут быть названы «дисперсными народностями». На юге страны, однако, прослеживается тенденция к расселению невьетских народов компактными этническими группами.

Некоторые народы на протяжении сотен тысяч лет занимались пашенным рисосеянием, другие — подсечно-огневым земледелием, третьи вели полукочевой образ жизни, добывая средства к существованию собирательством, охотой и рыбным промыслом.

До 1945 года вьетнамцами называли прежде всего равнинных жителей. В последнее время стал наиболее употребительным этноним *вьеты*, а «вьетнамцами» называют всех жителей Вьетнама. В 1998 вьеты составляли около 88% населения страны. Близкие к ним по культуре и языку *мыонги* проживают в горной местности Бакбо и провинции Нгеан. На равнинах расселены еще две крупные этнические общины: китайская и кхмерская (камбоджийская). *Китайцы*, которых насчитывается ок. 1 млн. человек, сосредоточены прежде всего в бывшем городе Шолон («Тёлон», т.е. «Большой рынок»), превратившемся в крупный район Хошимина, и контролируют во Вьетнаме до 40% национального капитала. *Кхмеры*, численностью около 850 тыс. человек, расселены, главным образом, в дельтовой области Меконга и в городе Хошимине.

Другие народы Вьетнама распределяются по следующим языковым семьям и группам: австроазиаты, говорящие на тайских языках, — *тхай*, *нунг*, *тай*, *лао*, *зэй*, *сентяй* (*шантай*), *лы*, *буи*; на языках группы мезо-ао — *мео* (*хмонг*), *зео*; на мон-кхмерских языках — живущие в юго-западной части страны *банеры*, *седанги*, *мнонги*, *ма*, *кохо*, *хрэ*, *стиенги*, *кхму*. На плато Плейку и Дарлак проживают народы, говорящие на малайско-полинезийских языках австронезийской семьи, — *джарай*, *зде*, *раглай*, *тюру*, *зде-бих*. На языке малайско-полинезийской группы говорят также *тямы* (*чамы*), немногочисленные теперь потомки древнего народа рисоводов, создавших во 2 в. н.э. на территории нынешнего Чунгбо государство Тямпа (Чампа) и яркую культуру, находившуюся под сильным индийским влиянием. Китайско-тибетская языковая семья представлена также тибето-бирманской ветвью: *хани*, *фула*, *лаху*, *поло*.

Продавщица карри.

Религии

У народов, населяющих территорию Вьетнама, в разные периоды их этнической истории были распространены различные религиозные системы и верования: анимизм, тотемизм и другие ранние формы рели-

Монахи дзен-буддийского монастыря Трук-Лам.

гиозных верований; культы покровителей и культ предков во всех его проявлениях; буддизм хинаяны и махаяны; даосизм; конфуцианство; равно как и вьетнамизированная форма синтеза трех последних; индуизм; ислам; христианство.

В XX веке при сохранении у вьетов и других народов традиционных верований и комплекса «трех религий» с преобладанием буддизма, а также развитии различных течений христианства (после 1954 г. во Вьетнаме происходило достаточно активное распространение протестантизма) был отмечен отход от религиозной жизни значительной части населения. Характерной особенностью данного периода стало формирование и распространение в южном Вьетнаме «новых» вьетнамских религий — каодаизма, хоахао.

Народы, населяющие горные и труднодоступные районы Вьетнама, за исключением обращенных в христианство, в своей основной массе продолжали сохранять традиционные формы верований. Для вьетнамских кхмеров, как и в прежние века, характерно поддержание традиций буддизма хинаяны; для различных конфессиональных групп тямов — индуизма, ортодоксального ислама и ислама-бани; а для этнической общности хоа — поддержание традиционных верований, являющихся интегрирующим фактором для различных этнических групп и одним из факторов обособления хоа от других народов Вьетнама.

Общая численность верующих в стране официально оценивается цифрой более 20 млн. человек (что составляет около трети населения страны).

У алтаря предков.

Большинство вьетнамцев, независимо от религиозных предпочтений и политических воззрений, считает, что хранить память о предках — это их нравственный и религиозный долг. Могила есть пристанище усопших, но фактически они не мертвы: когда человек становится покойником, его душа продолжает свое существование. Живые и мертвые обитают в одном и том же мире, но существуют в разных формах.

Поэтому предки принимают участие в повседневных делах своих потомков и защищают их, иногда посещая во время сна или предупреждая о грозящей опасности. Ввиду того что души предков играют столь важную роль в судьбах и благополучии последующих поколений, сыновние и дочерние обязанности требуют соблюдать длительный траур по умершим, заботиться о жертвоприношениях и содержать в порядке могилы и кладбища.

Вьетнамские христиане по совокупности многих признаков (отличительные особенности культуры и самосознания, обусловленные религией, тенденции к заключению внутригрупповых браков и компактному расселению) представляют собой особую этноконфес-

Служба в храме католического монастыря.

сиональную общность. В рамках этой общности выделяются 2 этноконфессиональные группы: вьеты-католики (около 5 млн. человек, согласно официальной статистике) и вьеты-протестанты (около 300 тыс. человек, представляющих 10 различных протестантских течений и организаций).

Каодаизм представляет собой эклектическое соединение традиционных дальневосточных религий и культов, а также христианских традиций с элементами спиритизма и верой в высшее божество, именуемое Као Дай, символом которого является заключенное в треугольник «всевидящее око».

В 1990-х годах в стране еще насчитывалось приблизительно 1 млн. сторонников каодаизма и ок. 0,5 млн. последователей хоахао.

Горные народы Вьетнама сохранили ранние примитивные верования, часть тямов (чамов) придерживается индуизма, другая часть — ислама.

Степень интенсивности религиозной жизни населения во Вьетнаме может считаться достаточно высокой, особенно у последователей христианства, каодаистов, буддистов-кхмеров и тямов — ортодоксальных мусульман.

Храм Као Дай в Тейнине.

При этом религиозная жизнь на Юге Вьетнама отличается гораздо более высокой степенью активности и разнообразием по сравнению с Северным Вьетнамом.

Подавляющая часть населения Вьетнама, как и в предшествующие исторические эпохи, отличается веротерпимостью и готовностью к религиозному компромиссу.

Власть

Вьетнам – социалистическое государство. Правящей партией является Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ).

Согласно Конституции 1992, высшим органом государственной власти является однопалатное Национальное собрание, состоящее из 450 депутатов, которые избираются на пятилетний срок прямым всеобщим голосованием. Обязанности парламентариев включают «назначение, временное прекращение полномочий и отставку» президента, вице-президента и премьер-министра (на эти посты выдвигаются лишь депутаты Национального собрания), а также председателя Верховного народного суда и других высших лиц государства. Президент является главнокомандующим вооруженными силами и руководит Советом национальной обороны и безопасности. Президенту принадлежит право назначения с согласия Национального собрания чиновников на ряд ответственных постов, в том числе на посты председателя Верховного народного суда и генерального прокурора. В административном отношении Вьетнам состоит из 61 провинции, одного особого округа и четырех городов центрального подчинения: Ханоя, Хайфона, Дананга и Хошимина (бывшего Сайгона, слившегося с

Мавзолей Хо Ши Мина в Ханое.

После вынесения приговора. Ханой, 2001 г.

«верхним городом» Шолоном). Провинции разделены на округа.

Коммунистическая партия Вьетнама, созданная в 1930 г., является единственной партией в стране, поскольку Демократическая и Социалистическая партии прекратили свое существование в 1988 г.

Судебная система включает Верховный народный суд в Ханое и нижестоящие народные суды в провинциях и крупных городах. Национальное собрание может в особых случаях, например, когда затрагиваются интересы национальной безопасности, создавать своим решением специальный орган судопроизводства.

Данные, касающиеся Вьетнамской народной армии и других силовых структур, строго засекречены. Численность военнослужащих в стране оценивают приблизительно в 0,5 млн. человек, а сотрудников органов безопасности – в 2 млн. человек.

Стремление вьетнамских властей осуществить социалистические преобразования уже в конце 1970-х годов привело к негативным последствиям. Правительство в Ханое концентрировало все усилия на военных акциях и целиком зависело от помощи СССР.

СРВ является членом ООН (с 1977 г.), а также участником Регионального форума АСЕАН и Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АПЕК), в 1995 г. подписала протокол о сотрудничестве с Европейским союзом. Вьетнам является участником Движения неприсоединения.

По материалам Института международных экономических и политических исследований Российской академии наук (ИМЭПИ РАН).

Группа солдат вьетнамской Народной армии на параде.

越南

Хочет мира народ,
и с народом согласен мудрец:
кто покой возлюбил,
тот покоем в стране дорожит.

Нгуен Чай, вьетнамский поэт XV века

越南

В горах Центрального Вьетнама.

Девушка с рисовой плантации.

Девочка из Хюэ.

В древнем храме.

Семейный транспорт.

Сушка кофейных зерен.

На фабрике керамики в Халонге.

ВЬЕТНАМ: ВЕКА ВОЙНЫ, ДНИ МИРА

До 1770 года территория современного Вьетнама была фактически разделена на две враждующие половины по широте города Донгхой, расположенного на узкой прибрежной равнине в центральной части страны. Власть императоров династии Ли, которая теоретически распространялась на весь Вьетнам, с течением столетий ослабевала. Светская власть оказалась в руках двух чуа (наследственных губернаторов). Дом Чинь правил на севере (северная часть Аннам и Тонкин), а дом Нгуен – на юге (южная часть Аннам и Кохинхина).

В ходе восстания 1771 года во Вьетнаме (восстание Тэйшонов) были свергнуты император и оба чуа. Косвенно это восстание способствовало утверждению в стране французского влияния. Наследник чуа на юге Нгуен Ань воспользовался помощью французского католического епископа Пиньо де Безна для победы над Тэйшонами. Разбить восставших ему удалось, в значительной мере, благодаря европейским наемникам, после чего Нгуен Ань объединил Вьетнам и провозгласил себя императором Зя Лонгом (годы правления 1802–1820). В благодарность за оказанную поддержку Зя Лонг разрешил христианским миссионерам беспрепятственно заниматься проповедничеством. Однако его преемники восприняли эту деятельность как вмешательство иностранцев во внутренние дела и начали систематически преследовать христиан. Убийство нескольких французских и испанских миссионеров привело к тому, что во Вьетнам была отправлена франко-испанская эскадра (1858 г.).

Эта эскадра обстреляла и заняла портовый город Дананг, но военным кораблям не удалось подняться по мелководной реке до вьетнамской столицы Хюэ. Между командующими возникли разногласия по поводу дальнейших операций, и испанский флот отплыл, оставив французов в одиночестве. В 1859 г. французы взяли Сайгон. Война продолжалась до июня 1862, после чего император уступил французам три восточные провинции Кохинхины. В 1867 г. французы дополнительно аннексировали три западные провинции Кохинхины и образовали колонию Кохинхина.

В 1873 Франция нашла повод для второй интервенции во Вьетнам, воспользовавшись тем, что император обратился к губернатору Кохинхины с просьбой помочь ему выдворить французского купца Ж. Дююи из Тонкинского Ханоя. Так называемая следственная миссия Ф. Гарнье захватила в ноябре 1873 г. Ханой, и в 1874 г. с императором был подписан договор, который разрешал иностранным судам плавать по р. Хонгха (Красной) и гарантировал французам право на защиту на всей территории Вьетнама. Фактически договор предоставлял Франции плацдарм для проникновения в Китай.

Ситуация в Тонкине оставалась очень напряженной. Сельскую местность терроризировали банды разбойников, известные как «Черные флаги» и «Желтые флаги», которые бежали из Китая после подавления там Тайпинского восстания. В стране находились китайские войска, приглашенные императором для борьбы с этими бандами, действовало также вьетнамское движение «Ученые», устроившее массовую резню христиан. В 1882 французы отправили в Тонкин дополнительные вооруженные силы под командованием А. Ривьера. После захвата Ханоя они оккупировали весь Тонкин, изгнав оттуда китайцев. По договору 1884 г. Тонкин и Аннам превратились в протектораты Франции.

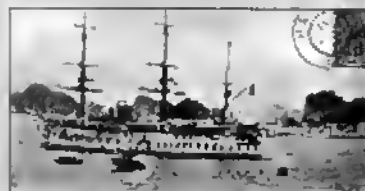
По конституции, введенной французским декретом из Парижа в 1887 г., протектораты Тонкин, Аннам и Камбоджа, а также колония Кохинхина были объединены в Индокитайский Союз. Несколько лет спустя в него вошел Лаос. Правительство Союза возглавлял

Император Зя Лонг.

Французский миссионер Теофан Венар, убитый во Вьетнаме в 1861 году.

Корабль французской эскадры в Тонкинском заливе, 1890 г.

Казнь разбойника. 1890-е годы.

В колониальном Вьетнаме. 1880 г.

Рекламный плакат начала XX века.

Трибунал в Тонкино.
Допрос обвиняемого. 1890-е годы.

Ханойский трамвай. 20-е годы XX века.

Занятия в медицинской школе.
30-е годы XX века.Пиастр — единая валюта
Индокитайского Союза.

ответственный перед министром колоний Франции генерал-губернатор, который обладал широкими административными полномочиями. При нем в 1928 году был создан консультативный орган — Большой Совет по экономическим и финансовым делам. Половину членов Совета составляли высокопоставленные французские чиновники, представители Колониального совета Кохинхины, а также Торговой и Сельскохозяйственной палат. Вторая половина была образована представителями местного населения. Совет рассматривал проекты бюджетов Союза и его членов, а также предложения по налоговой политике.

Все пять членов Индокитайского Союза сохраняли свои собственные административные системы и местные правительства. Прямое правление французских чиновников было учреждено только в Кохинхине, имевшей статус колонии, а не протектората. Ее губернатору, который подчинялся генерал-губернатору, помогал Колониальный совет, включавший французов и 12 коренных жителей. Кохинхина имела также, в отличие от других участников Союза, своего представителя в палате депутатов Франции. В протекторатах управление осуществлялось через местных чиновников, уцелели и традиционные административные институты.

В Аннаме и Тонкине власть олицетворяли императоры, а в Камбодже — король. Лаос тоже возглавлял монарх, но его прерогативы распространялись лишь на область Лаунгпхабанг в северо-центральной части страны. Францию в каждом из протекторатов, где были созданы консультативные ассамблеи, представлял верховный резидент, в Лаосе ее представитель именовался администратором.

Судопроизводство в Кохинхине осуществлялось французскими магистратами, под юрисдикцией которых находились как иноземцы, так и местные жители. В протекторатах коренное население было ответственно перед собственными органами юстиции, а французские суды рассматривали дела иностранцев. Апелляции поступали в суды высшей инстанции в Сайгоне и Ханое, состоявшие из французских юристов, которым при разборе дел туземцев ассистировали местные чиновники.

Когда французы начали утверждаться в Индокитае, в этом регионе не было ни городов, ни путей сообщения в их современном понимании, отсутствовали больницы и коммунальное хозяйство.

За время французского правления удалось достичь заметного прогресса: строились железные и автомобильные дороги и мосты, была создана система телеграфной связи, выросли города. Появились больницы и школы, университет с несколькими факультетами, в том числе медицинским. Многие коренные жители отправлялись для завершения образования в Европу, где становились квалифицированными врачами, инженерами, архитекторами и т.п. В странах Индокитая были сооружены современные порты, заложены каучуковые, чайные, табачные и прочие плантации, основаны крупные промышленные предприятия, такие, как хлопчатобумажная фабрика в Намдине и Хайфонский цементный завод, возникли угольные шахты и рудники по добыче полезных ископаемых. Экспортную ориентацию приобрело производство широкого ряда товаров, особенно риса.

Оборотной стороной медали была постепенная утрата коренным населением контроля почти над всеми сторонами общественной жизни. На местах в протекторатах сидели туземные чиновники, но реальная власть принадлежала администраторам из Парижа. Многие специалисты из числа индокитайцев, получившие хорошее образование или овладевшие техническими профессиями, трудились бок о бок с французами в государственных учреждениях, где убеждались, что за аналогичную работу они получают существенно меньшую плату. В Индокитае иронизировали, что французская демократия — великолепная вещь, но экспорту не подлежит. Французские компании получили монопольные права на ведение коммерчес-

ких дел. Самое сильное недовольство проявляли вьетнамцы, которые активно выступали против иностранного господства. Сопротивление иноземному колониальному правлению зародилось среди высокообразованной части общества, чиновников и ученых, но вскоре охватило широкие слои общества.

Стратегически выгодное положение Индокитая явилось той причиной, по которой японские милитаристы обратили внимание на эту территорию. В сентябре 1940 г. японцы предприняли наступательную операцию в северном Индокитае, где им было оказано вялое сопротивление, и по соглашению, подписанному в июле 1941 г. с вишистским «правительством» Франции, захватили всю страну.

В эти годы в колонии действовало несколько национально-освободительных организаций, наиболее дееспособной среди которых была Лига борьбы за независимость Вьетнама, сокращенно Вьетминь, под руководством Хо Ши Мина. Ведущие позиции в ней занимали коммунисты, но были представлены и несколько партий, ставивших лишь одну цель — ликвидацию чужеземного господства в родной стране.

В годы войны функции управления в Индокитае номинально оставались в руках прежней колониальной администрации вплоть до 9 марта 1945 г., когда японцы интернировали французских военнослужащих, а затем и многих гражданских лиц. Следующим шагом японских оккупационных властей стало провозглашение от имени трех монархов «независимости» трех государств Индокитая. После капитуляции Японии на его территории к северу от 16-й параллели были введены китайские войска, а к югу — британские.

В этой сложной ситуации националистически ориентированные партии Вьетнама, частью направлявшиеся китайской стороной, развернули отчаянную борьбу с тем, чтобы не допустить восстановления колониального режима. После освобождения англичанами интернированных французских солдат те немедленно включились в борьбу со сторонниками независимости на Юге, но в Тонкине получивший поддержку американской военной миссии Вьетминь сформировал 2 сентября 1945 г. правительство суверенного Вьетнама. Это привело к отречению императора Бао Дая. Метрополия, озабоченная безопасностью все еще томившихся в заключении в Северном Вьетнаме тысяч французов и француженок, чьи судьбы зависели от доброй воли Вьетминя и китайцев, была вынуждена вступить в переговоры с новым правительством и смириться с независимостью новообразованного государства.

Французские власти попытались достичь соглашения с Хо Ши Мином, выразив готовность назначить его губернатором Севера при признании верховенства французской марионетки — императора Бао Дая. Коммунистический вождь это предложение, естественно, отверг. Тогда французы в ноябре 1946 года высадились в северном Вьетнаме и захватили Хайфон, Ханой и другие крупные города. Основные силы коммунистической армии (Вьетминя) отошли в горные районы, покрытые труднопроходимыми джунглями. Французские войска даже не пытались их преследовать.

Вьетнамские коммунисты получали значительную помощь от коммунистической Народно-освободительной армии Китая во главе с Мао Цзэдуном. Эта помощь значительно возросла после победы коммунистов в Китае в 1949 году. Вьетминю стало поступать в больших количествах и советское оружие. В январе 1950 года правительство Хо Ши Мина было признано Китаем и Советским Союзом единственной законной властью во Вьетнаме. В ответ США и другие страны НАТО признали номинальную независимость Бао Дая и начали поставлять вооружение французским войскам и их индокитайским союзникам.

До конца 1950 года Вьетминю с помощью китайских войск удалось выбить французов из приграничных гарнизонов. В начале 1951 года французскую армию в Индокитае возглавил маршал Жан Мари де Латр де Тассиньи (в мае 1945 года принимавший участие

Хо Ши Мин на съезде КПФ в 1920 г.

Один из первых отрядов Вьетминя.

Бао Дай — последний император Вьетнама.

Солдаты французского легиона во Вьетнаме.

Бойцы регулярных частей
Вьетминя. Начало 50-х годов.

Допрос солдатами французского
легиона захваченного повстанца.

Солдаты французского легиона в
окопах Дьенбьенфу.

Хо Ши Мин принимает поздравления
американских дипломатов в день
победы над французами.

Встреча президента США Эйзенхауэра
и южновьетнамского президента
Нго Динь Дьема. 1957 г.

в подписании капитуляции фашистской Германии – прим. ред.). Он решил построить оборонительную линию для защиты Ханоя и дельты Красной реки. Для борьбы с партизанами маршал сформировал мобильные отряды, которые должны были широко применять воздушные десанты и пользоваться поддержкой самолетов и вертолетов. В первой половине 1951 года, до наступления сезона дождей, эта тактика приносила французам успех. За период дождей коммунистические силы во главе с генералом Во Нгуен Зиапом осуществили перегруппировку и с началом сухого сезона попытались перейти в наступление, но в октябре 51-го были вновь разбиты. Теперь Латр де Тассини решил занять приграничный район, чтобы не допустить поставок вооружения и снабжения из Китая. Однако эта операция принесла больше вреда, чем пользы. На снабжение отдаленных северных гарнизонов пришлось тратить слишком много сил и средств, при том что эффективной блокады границы все равно достичь не удалось. В ноябре заболевший Латр де Тассини покинул Индокитай, а два месяца спустя маршал скончался. Его сменил Рауль Салан, который потребовал крупные подкрепления, утверждая, что иначе с Вьетминем не справиться. Но индокитайская война была очень непопулярна во французском общественном мнении, и правительство не рискнуло отправить значительные дополнительные контингенты во Вьетнам. В 1952 году и начале 1953 года французы в основном оборонялись.

В апреле 53-го войска Хо Ши Мина вторглись в Лаос, вынудив французское командование еще больше растянуть фронт. Оно, однако, получило новое американское вооружение и рассчитывало разгромить Вьетминь в генеральном сражении. Местом для такого сражения была выбрана деревушка Дьенбьенфу на так называемой «тропе Хо Ши Мина» — главном пути снабжения вьетнамских коммунистов, проходившей из Китая через Лаос, северный и центральный Вьетнам. 20 ноября 1953 года французский десант захватил Дьенбьенфу и создал здесь мощный укрепленный пункт, снабжаемый по воздуху. Салан полагал, что джунгли не позволят неприятелю перебросить к Дьенбьенфу артиллерию. В этом случае французский гарнизон имел все шансы успешно выдержать осаду. Однако командующий северовьетнамской армией генерал Зиап организовал атаки в нескольких районах страны, сковав французские силы, а тем временем сосредоточил у Дьенбьенфу 50-тысячную армию с шестью десятками полевых и несколькими десятками зенитных орудий, полученных из Китая. 13 марта 1954 года бойцы Вьетминя развернули наступление на Дьенбьенфу. Взлетно-посадочная полоса французов оказалась под обстрелом, а огонь неприятельских зениток затруднял снабжение гарнизона по воздуху. Французам удалось высадить в районе боевых действий воздушный десант, но это не переломило неблагоприятную для них ситуацию. 1 мая вьетминцы предприняли решающую атаку и через неделю сломили сопротивление неприятеля. Из 13-тысячного гарнизона 6 тысяч человек погибли, а 7 тысяч во главе с полковником Кристианом де Кастрисом сдались в плен. Потери вьетнамских войск в битве при Дьенбьенфу оценивались в 23 тысячи убитых и раненых. После этого поражения Франция отказалась от своего военного присутствия в Индокитае.

21 июля 1954 года в Женеве были подписаны соглашения, согласно которым Лаос и Камбоджа стали независимыми государствами, а Вьетнам был разделен по 17-й параллели на коммунистический Север и прозападный Юг. Однако правительство Хо Ши Мина не прекращало поддерживать действия партизан в Южном Вьетнаме и коммунистических повстанческих групп в Лаосе. В Камбодже к власти пришел симпатизировавший Хо Ши Мику принц Сианук, позволивший снабжать южновьетнамских партизан через территорию своей страны. В 1956 году в обеих частях Вьетнама должны были пройти свободные выборы как прелюдия к будущему объединению страны. Но президент Южного Вьетнама Нго Динь Дьем, поддержанный американцами, чьи военные советники уже находи-

лись в его армии, заявил, что выборы на Севере не были демократическими, и отказался признать правительство Хо Ши Мина. В 1957 году коммунистические партизаны, которых теперь называли Вьетконгом, возобновили широкомасштабные военные операции в Южном Вьетнаме.

К концу 1962 года число американских военных советников в стране достигло 9 тысяч, что, однако, не оказало существенного влияния на эффективность антипартизанских операций. В ноябре 1963 года Нго Динь Дьем, который так и не смог справиться с партизанами, был свергнут руководителями южновьетнамской армии и убит. Однако им также не удалось установить контроль над территорией Южного Вьетнама. Побывавший в начале 1964 года в стране американский генерал Уильям Уэстморленд констатировал, что Вьетконг собирает налоги в сорока одной из 44-х провинций страны, а правительственные войска охраняют лишь сами себя. После этого в Вашингтоне было принято решение о широкомасштабной американской военной интервенции.

2 августа 1964 года эсминцы США в Тонкинском заливе были атакованы северовьетнамскими торпедными катерами. Этот инцидент вызвал бурю негодования американской общественности. Через несколько дней Конгресс США санкционировал отправку американских войск в Южный Вьетнам и начало бомбардировок американской авиацией Северного Вьетнама. Только в 1968 году в США были опубликованы документы Пентагона (министерства обороны), доказывавшие, что Тонкинский инцидент был заранее спланированной провокацией, а в роли северовьетнамских катеров в действительности выступали торпедные катера Южного Вьетнама.

После начала интервенции США бросили против Северного Вьетнама полторы тысячи боевых самолетов, действовавших с баз в Южном Вьетнаме, Таиланде и авианосцев американского 7-го флота. Наращивание американских сухопутных войск шло быстрыми темпами. В 1960 году в Южном Вьетнаме было 900 американских советников. К июлю 1964 года в стране насчитывалось уже 23,5 тысячи советников и военных специалистов из США. К концу 1964 года, когда прибыли первые боевые соединения, численность американского военного контингента в Индокитае достигла 90 тысяч человек. В конце 1965 года в Южном Вьетнаме было уже 184 тысячи американских солдат и офицеров, в конце 1966-го — 385 тысяч, через год — 486 тысяч. К январю 1969 года, когда новоизбранный президент США Р. Никсон решил начать процесс сокращения прямого американского участия во вьетнамской войне, численность американских войск в Южном Вьетнаме достигла максимальной величины в 540 тысяч человек. Всего на ведение войны в Индокитае в 1964-1973 годах США истратили 352 миллиарда долларов. В конфликте приняли участие 68 процентов сухопутных сил США, 60 процентов морской пехоты, половина стратегической и треть всей тактической авиации.

В февраля 1965 года американские самолеты начали бомбить территорию Северного Вьетнама, чтобы воспрепятствовать помощи Вьетконгу. Советский Союз в ответ начал поставлять Демократической Республике Вьетнам ракеты «земля — воздух» и истребители МиГ-17, которые нанесли большие потери авиации США. Китай также поставлял Северному Вьетнаму вооружение — стрелковое оружие и полевую артиллерию. Кроме того, сотни тысяч китайских рабочих ликвидировали последствия бомбардировок.

Во Вьетнаме находилось также большое количество китайских и советских офицеров-инструкторов. В отличие от американских данных сведения о китайском и советском военном участии до сих пор тщательно скрываются.

По оценкам экспертов массированная военно-экономическая помощь коммунистического Китая составила от 14 до 21 миллиарда долларов, Советского Союза — от 8 до 15 миллиардов.

Южновьетнамские партизаны устанавливают противотанковые мины.

Командующий войсками США во Вьетнаме Уильям Уэстморленд.

Американский танк на улице Сайгона.

Зенитная ракетная установка доставлена из СССР в Северный Вьетнам.

Солдаты южновьетнамской морской пехоты ведут наступление.

Южновьетнамские солдаты
и пленные вьетконговцы.

Президент Южного Вьетнама
Нгуен Ван Тхьен и президент США
Линдон Джонсон.

Улица Сайгона под огнем Вьетконга.

Посольство США в Сайгоне после
нападения вьетконговцев,
30 января 1968 г.

Американский журнал «Life» с призывом
прекратить бомбардировки Северного
Вьетнама.

В середине 1965 года по требованию Уэстморленда президент Линдон Джонсон дал согласие на полномасштабное использование американских сухопутных войск в наземных операциях. Первое крупное наступление на суше американцы предприняли в октябре 1965 года. В нем участвовало 200 тысяч американских солдат, 500 тысяч солдат правительственной армии Южного Вьетнама и 28 тысяч солдат американских союзников — австралийцев, филиппинцев, тайландцев и южнокорейцев. Их поддерживали 2300 самолетов и вертолетов, 1400 танков и 1200 орудий. Наступление развивалось в двух направлениях: от морских портов Центрального Вьетнама к границе с Лаосом и Камбоджей и на юге от Сайгона к камбоджийской границе. Несмотря на ряд частных успехов американцам и их союзникам не удалось разбить основные силы Вьетконга и удержать захваченные в ходе наступления территории. Причиной неудачи стала низкая боеспособность южновьетнамских правительственных войск, неподготовленность американцев к войне в условиях тропических джунглей и связанные с этим трудности снабжения.

Следующее наступление на позиции Вьетконга и поддерживавших его северовьетнамских войск состоялось весной 1966 года. В нем участвовало 250 тысяч американских солдат. Оно также не принесло сколько-нибудь существенных результатов. Новое наступление, предпринятое осенью 1966 года, было направлено против основной группировки Вьетконга, расположенной к северу от Сайгона. В нем участвовали 410 тысяч американских, 500 тысяч южновьетнамских и 54 тысячи солдат союзных войск. Их поддерживали 430 самолетов и вертолетов, 2300 крупнокалиберных орудий и 3300 танков и бронетранспортеров. Им противостояли 160 тысяч вьетконговцев и 90 тысяч северовьетнамцев. Поскольку подавляющее большинство американцев состояло в частях тылового обеспечения, непосредственно в боях участвовало не более 70 тысяч американских солдат и офицеров. Поэтому численный перевес американцев и их союзников на самом деле был не так велик, как может показаться из сопоставления общей численности войск. Американской и южновьетнамской армиям после тяжелых боев удалось выйти на границу с Камбоджей, однако основные силы противника избежали разгрома. Также и последующие наступления в 1967 году не привели к решительным результатам. Коммунистические войска применяли партизанскую тактику и были неуловимы во вьетнамских джунглях. Не удалось с помощью бомбардировок блокировать переброску снабжения и северовьетнамских войск на юг Вьетнама по так называемой «тропе Хо Ши Мина», проходившей по джунглям Лаоса и Камбоджи.

30 января 1968 года в канун нового лунного года Тэт вьетконговцы и северовьетнамские войска атаковали Сайгон и ряд других крупных городов и военных баз Южного Вьетнама. Перед этим 21 января 5-тысячный гарнизон американских морских пехотинцев на базе в Хесани недалеко от 17-й параллели был осажден 20-тысячной северовьетнамской армией. Уэстморленд бросил для деблокады Хесани значительные силы, чем ослабил оборону Сайгона и дельты реки Меконг. Особенно ожесточенные бои развернулись в Сайгоне и древней столице Хюэ в Центральном Вьетнаме. Только в конце февраля американские и южновьетнамские войска смогли оттеснить противника обратно в джунгли, а для снятия осады с Хесани потребовалось три месяца. В ходе наступления северовьетнамские войска и партизаны потеряли, по американской оценке, около 50 тысяч убитыми и ранеными, но это не подорвало их боевой мощи.

В апреле 1968 года американский президент отдал приказ о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама, а в мае в Париже начались переговоры между делегациями ДРВ и США. Сменивший Джонсона на посту президента Ричард Никсон взял курс на «вьетнамизацию» войны. С 1969 года численность американских войск в Индокитае начала постепенно сокращаться. Главную тяжесть борьбы с партизанами и северовьетнамцами должны были нести теперь южновьетнамские войска.

В сентябре 1969 года скончался Хо Ши Мин, но это не ослабило волю к борьбе Северного Вьетнама и его союзников на юге. Чтобы облегчить им решение этой задачи, в 1969-1971 годах при участии американских войск было предпринято несколько операций на территории Лаоса и Камбоджи с целью перерезать пути снабжения Вьетконга из Северного Вьетнама. Однако заблокировать «тропу Хо Ши Мина» так и не удалось. К концу 1971 года численность американских войск во Вьетнаме сократилась до 160 тысяч человек. Противник этим воспользовался. 30 марта 1972 года северовьетнамские войска при поддержке Вьетконга начали крупномасштабное наступление южнее демилитаризованной зоны, захватив столицу пограничной с Северным Вьетнамом провинции Куангчи. В ответ США возобновили массированные бомбардировки территории Северного Вьетнама. С помощью американской авиации южновьетнамским войскам удалось отбить Куангчи в сентябре. В конце октября в связи с прогрессом на парижских переговорах бомбардировки Северного Вьетнама были прекращены. Однако в декабре переговоры застопорились, и бомбардировки возобновились и продолжались двенадцать дней. В результате Северный Вьетнам и Вьетконг согласились вернуться за стол переговоров.

27 января 1973 года в Париже было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. США прекратили бомбардировки Северного Вьетнама и к концу марта вывели из Южного Вьетнама все свои войска. В стране осталось только около 20 тысяч американских военных советников. Парижские соглашения признали наличие во Вьетнаме двух армий и двух зон контроля — правительства в Сайгоне и Вьетконга.

Переговоры между Севером и Югом о будущем устройстве Вьетнама закончились безрезультатно и были прерваны в апреле 1974 года. США серьезно сократили помощь Южному Вьетнаму из-за Уотергейтского скандала и резкого ослабления позиций американской исполнительной власти. Воспользовавшись этим, в марте 1975 года армия Северного Вьетнама предприняла широкомасштабное вторжение на юг. Американцы лишь увеличили поставки вооружения правительству в Сайгоне, но оказались не в состоянии возобновить бомбардировки, так как этому категорически противился конгресс США.

30 апреля 1975 года Сайгон пал под ударами северовьетнамских и вьетконговских войск. Более миллиона южновьетнамцев, не желавших оставаться под властью коммунистов, были эвакуированы американскими судами и самолетами. Север и Юг были объединены в Социалистическую Республику Вьетнам. Одновременно к власти в Лаосе пришел прокоммунистический Патет-Лао (Патристический фронт), а в Камбодже — «красные кхмеры».

Вьетнамская война закончилась. С 1961 по 1975 погибло 56 555 американских военнослужащих, 303 654 человека получили ранения. У вьетнамцев погибло не менее 200 000 сайгонских солдат, примерно миллион солдат Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и армии Северного Вьетнама, а также полмиллиона гражданских лиц. Еще несколько миллионов человек получили ранения, около десяти миллионов остались без крова.

Повсюду копы, повсюду щиты, злоба затмила свет,
Страх в убежища гонит людей, бегут, спасаясь от бед.
Бегут, прижимая к сердцу детей, доверясь лишь небесам.
Пытаются ближних своих спасти. Увы! Спасения нет.

Нгуен Бинь Кхием,
вьетнамский поэт XV века

«Дайте миру шанс!» Сбор подписей за прекращение войны во Вьетнаме.

Популярная американская актриса Джейн Фонда в Северном Вьетнаме. 1972 г.

Лауреаты Нобелевской премии мира Ле Дык Тхо и Генри Киссинджер. 1973 г.

Последний вертолет из Сайгона. 30 апреля 1975 г.

В публикации использованы фотографии из архивов журналов: «Огонек», «Ньюсуик», «Квик», «Лайф», «Бильд», Национальной французской библиотеки, информационных агентств Ассошиэйтед Пресс, Рейтер, Франс Пресс.

Жан Поль САРТР

О ГЕНОЦИДЕ

Извлечения из речи на Расселовском трибунале по военным преступлениям

Слова геноцид не существовало очень долго: его выдумал юрист Лемкин между двумя мировыми войнами. Само же явление старо как человечество, и никогда не было такого общества, структура которого уберегла бы его от этого преступления. Любой геноцид – это продукт истории, и он несет на себе черты того общества, в котором возникает. Дело, которое мы

должны рассматривать, касается величайшей современной капиталистической державы. И именно так мы и должны его рассматривать, иначе говоря, мы должны учитывать, в какой мере это дело выражает экономическую структуру этой державы, ее политические цели и внутренние противоречия.

Мы должны постараться понять, было ли в войне, развязанной американским правительством против Вьетнама, намерение геноцида. В статье 2 Конвенции 1948 года геноцид определяется на основе намерения. Конвенция молчаливо апеллирует к самой недавней истории. Гитлер открыто провозгласил план уничтожения евреев, он не скрывал, что использует геноцид как политическую тактику. Любой еврей должен был быть уничтожен, вне зависимости от его происхождения, вне зависимости от того, брал ли он в руки оружие, участвовал ли в движении Сопротивления, он должен был быть уничтожен потому, что он еврей. Американское правительство подобных заявлений не делало. Оно даже заверяло, что желает оказать поддержку своим союзникам, южным вьетнамцам, на которых напали северные коммунисты. Есть ли возможность, что мы, при самом тщательном рассмотрении фактов, сумеем выявить скрытое намерение? И сможем ли мы, после такого расследования,

Женщина с детьми, укрывавшаяся в тростниках во время наступления армии Южного Вьетнама на Дананг. 1968 г.

сказать, что вооруженные силы США убивают вьетнамцев во Вьетнаме по той простой причине, что они вьетнамцы?

<...>

Нюрнбергский трибунал был еще у всех на памяти, когда, к примеру, французы убили 45 000 алжирцев. Это выглядело настолько рядовым случаем, что ни у кого и мысли не возникло судить правительство Франции так же, как судили нацистов. Но такое массовое убийство «части национальной группы» не могло продолжаться без того, чтобы не повредить колонистам. В таком случае они были бы разорены. Французы проиграли войну в Алжире потому, что они не могли ликвидировать алжирское население, и потому, что они не интегрировали эту страну. Это рассуждение помогает нам понять, как изменился характер колониальных войн после второй мировой войны.

<...>

Основные характеристики этой борьбы были ясны с самого начала: колонисты превосходили местное население вооружением, местное население превосходило их числом. Даже в Алжире, где было много колонистов, это соотношение составляло 1:9. Во время двух мировых войн многие колониальные народы научились военному искусству и стали закаленными солдатами. Однако недостатки и качество вооружений – во всяком случае, в начале – ограничивали число вооруженных соединений. Это обуславливало характер борьбы: терроризм, засады, беспокоящие вылазки, высокая мобильность групп, неожиданно возникающих и тут же исчезающих. Подобное было бы невозможным без поддержки всего населения. Отсюда вытекает известное объединение освободительных движений и народных масс: первые проводят аграрные реформы, организуют политическую жизнь и образование, вторые поддерживают освободительное движение тем, что кормят его, прячут и дают пополнение взамен понесенных потерь.

<...>

В отличие от партизанского движения, поддерживаемого населением, колониальные армии беспомощны. Им остается только избегать столкновений, что их

Казнь южновьетнамской женщины за связь с Вьетконгом. 1966 г.

деморализует и заставляет искать выход в уничтожении населения. Поскольку освободительные армии являются частью всего своего народа, то единственной эффективной тактикой борьбы с партизанским движением становится уничтожение народа, то есть мирных жителей, женщин и детей.

Гыткий геноцид — так ответил колониализм на восстания порабощенных народов. А этот ответ, как нам известно, ведет к цели только в том случае, когда он решителен и тотален. Упорства народа, объединенного жестокой и политизированной армией, не позволил ему дать себя запугать «уроками» массовых убийств, как то было во время расцвета колониализма. Напротив, это только усилило его ненависть. Теперь вопрос состоит не в том, чтобы внушить страх, а в том, чтобы физически уничтожить народ. А так как это невозможно без того, чтобы в то же время не разрушить колониальную экономику и колониальную систему, колониальные державы постепенно устают от постоянного расходования людских и материальных ресурсов в конфликте, не имеющем решения, и массы в метрополии в конце концов начинают выступать против варварских войн, и колонии становятся независимыми государствами.

Однако существуют случаи, когда геноцид как решение проблемы освободительных войн не сдерживается присущими этой ситуации противоречиями. И тогда становится ясно, что тотальный геноцид является ничем иным, как стратегией борьбы с партизанским движением. И, при определенных обстоятельствах, геноцид может, сразу же или постепенно, стать окончательной целью.

<...>

По мере того, как вооруженные силы США продавливаются вглубь Вьетнама, все чаще прибегая к массовым убийствам и бомбардировкам в намерении подчинить Лаос и вторгнуться в Камбоджу, уже не остается сомнений в том, что правительство Соединенных Штатов, несмотря на все его лицемерные заявления, приняло решение в пользу геноцида.

Об этом с очевидностью свидетельствуют факты. Геноцид предпринимается с заранее обдуманной намерением. Возможно, что в прошлом геноцид происходил спонтанно, в пылу страстей, в разгар племенных или феодальных конфликтов. Антипартизанский геноцид, напротив, есть продукт нашего времени, который с необходимостью предполагает организационные усилия, подготовку базы и, соответственно, наличие сообщников (находящихся на расстоянии от происходящего), а также соответствующий бюджет. Такой геноцид не может не быть обдуманным и спланированным. Значит ли это, что те, кто несет за него ответственность, полностью отдают себе отчет в своих намерениях? Трудно сказать, поскольку в таком случае человеку пришлось бы признать злонамеренность пуританской мотивации.

Северовьетнамский ребенок в укрытии. 1967 г.

<...>

Правду следует искать на поле боя, в расизме американских войск. Действительно, расизм — антинегритянский, антиазиатский, антимексиканский — является фундаментальным качеством, которое имеет глубокие корни и существовало, в явной или латентной форме, задолго до вьетнамской войны. Доказательством этому служит отказ Соединенных Штатов ратифицировать Женевскую конвенцию по геноциду. Это не означает, что американцы еще с 1948 года лелеяли планы по уничтожению целых народов, это означает лишь то, что, по их собственному заявлению, конвенция входит в противоречие с законодательством многих штатов этой страны. Другими словами, нынешние лидеры Соединенных Штатов так уверенно чувствуют себя во Вьетнаме благодаря своим предшественникам, которые не отказались уважать антинегритянский расизм южных штатов. В любом случае, по сравнению с 1965 годом, расизм американских солдат во Вьетнаме стал намного заметнее. Молодые американцы пытаются людей безо всякого отращения, стреляют в безоружных женщин, бьют раненых в пах, отрезают уши умертвленных врагов. Офицеры еще хуже: некий генерал звал, когда один француз свидетельствовал перед трибуналом, что этот военачальник охотился с вертолета на вьетнамцев и стрелял в них, когда они работали на рисовых полях, и то были, конечно, не бойцы сопротивления, которые умеют защитить себя, а обыкновенные крестьяне. Эти помутившиеся американские мозги все меньше и меньше понимают разницу между вьетконговцами и вьетнамцами вообще. Стала расхожей фраза «Хороший вьетнамец — это мертвый вьетнамец», что означает «Каждый мертвый вьетнамец — это вьетконговец».

Южнее 17 параллели крестьяне вырастили урожай риса. Приходят американские солдаты с намерением перевести их в спецпоселения. Крестьяне протестуют. А что еще они, безоружные, могут? Они говорят: «Мы вырастили хороший рис, мы останемся здесь». И это выводит из себя молодых американцев: «Это вьетконговцы вам вбили в головы. Это они научили вас сопротивляться». Солдаты настолько потеряли всякое разумие, что уже считают подрывной деятельностью слабые протесты, вызванные их собственными насильственными действиями. Вероятнее всего, они и правда были разочарованы: они пришли спасать вьетнамцев от коммунистических агрессоров, но скоро поняли, что вьетнамцы считают агрессорами их самих. Они хотели иг-

Группа детей, попавших под напалмовую атаку. 1972 г.

Мирные жители деревни
Мэй Лай (Сонгми), убитые амери-
канскими солдатами. 1972 г.

ратель привлека-
тельную роль
освободителей,
а оказались в
роли оккупан-
тов. Это могло
бы стать нача-
лом здоровой
самооценки:
«Они нас не хо-
тят, да и нам тут
делать нечего».
Но их протест
так далеко не
пошел, они про-

сто обозлились и решили про себя, что каждый вьетна-
мец подозрителен просто по определению.

Здесь, в темных и роботоподобных душах солдат,
мы и находим настоящую правду о вьетнамской войне,
она полностью уподобляется высказываниям Гитлера.
Он убивал евреев, потому что они — евреи. Американские
вооруженные силы пытаются и убивают во Вьетнаме
мужчин, женщин и детей, потому что они вьетнамцы. И
как бы ни глало и ни изворачивалось правительство, дух
геноцида проявляет себя в умах солдат. И таким обра-
зом они усугубляют ситуацию геноцида, в которую поста-
вило их собственное правительство. Свидетель Питер
Мартинсен, двадцатитрехлетний студент, который в те-
чение полугода «допрашивал» пленников, а теперь не
может жить с этими воспоминаниями, сказал нам: «Я
обыкновенный американец, такой же, как любой другой
студент, но теперь я — военный преступник». И добавил:
«Любой на моем месте поступал бы так же, как я». И он
был совершенно прав.

Заблуждался он только в том, что приписывал эти
кошмарные преступления воздействию войны вообще.
Нет, это не абстрактная война, а война, которую одна из
могущественнейших держав ведет против бедного кре-
стьянского народа, война, развязанная теми, кто счита-
ет ее единственно возможным отношением между чрез-
вычайно развитой страной и страной неразвитой. Иначе
говоря, геноцид здесь обрел расистские основания.

<...>

Американское правительство виновно не в том, что
преднамеренно устроило геноцид вьетнамского народа,
и не в том, что выбрало геноцид как единственный ответ
на вызов партизанской борьбы. Не виновно оно и в том,
что — к примеру — сделало его инструментом своей
стратегии и экономики. На деле, геноцид предстает един-
ственно возможной реакцией на восстание народа про-
тив угнетателей. Американское правительство виновно
в том, что предпочло политику войны и агрессии, имею-
щей своей целью геноцид, политике мира, единственно
возможной альтернативе, поскольку она привела бы к
пересмотру основных целей, навязанных стране боль-
шими империалистическими компаниями. Америка ви-
новна в том, что вела и усиленно продолжала войну,
хотя любой из ее лидеров, читая ежедневные сводки и
донесения военных, убеждался в том, что единственный
выход — это освободить Вьетнам от вьетнамцев.

Она виновна в том, что лицемерила, изворачива-
лась, глала, и глала самой себе, запутываясь все боль-
ше и больше, несмотря на особый, непереносимый опыт,
который она извлекла, следуя по пути, с которого нет
возврата. Она виновна, по собственному своему допу-
щению, в том, что осознанно вела «примерную» войну,

которая сделала геноцид вызовом и угрозой для всех
народов. Нам всем больно, когда крестьянин умирает на
рисовом поле, сраженный автоматной пулей. Таким об-
разом, вьетнамцы сражаются за всех людей, а амери-
канская армия сражается со всеми нами. Это не теория
и не абстракция. Это не потому, что геноцид является
всеми признанным преступлением против прав челове-
ка. Это потому, что шантаж геноцида мало-помалу рас-
пространяется на все человечество, при том что уже
существует шантаж атомной войны. Это преступление
совершалось на наших глазах каждый день, а все те, кто
не осудил его, становились сообщниками этого преступ-
ления...

«Индекс/Досье на цензуру»

Международный Расселовский трибунал — негосу-
дарственная организация, созданная по инициативе фи-
лософа и общественного деятеля Бертрана Рассела в
1966 году для расследования военных преступлений во
Вьетнаме.

Председателем Трибунала был избран француз-
ский философ, писатель и общественный деятель, лауреат
Нобелевской премии Жан Поль Сартр.

«...Парни собирались расстрелять этих людей. Я
закричал: «Подождите!» — и сделал снимок. Когда я
уходил, то слышал выстрелы из M-16. Краем глаза
я видел падающих тала, но не повернулся, чтобы
посмотреть».

Рон Хаеберл (Ron Haerbele), фотограф.

Джон СКОТТ

Из размышлений американца о войне в Юго-Восточной Азии

К середине 1960-х годов цели американской политики во вьетнамской войне стали определенными. Мы вовсе не вели войну с народом Северного Вьетнама или с его правительством, и это подчеркивали все три наши администрации. Мы просто старались предотвратить захват Южного Вьетнама Северным Вьетнамом, который вторгнулся на территорию Юга и активно поддерживал там подрывную конспиративную деятельность. Для осуществления этой цели США стали применять увеличенную военную силу.

В годы эскалации войны после нашего тяжелого опыта в Корее несколько высокопоставленных лиц с большим военным стажем решительно высказались против ввода американских сухопутных частей в Азию. Но в Вашингтоне были уверены, что «еще немного войск и немного больше усилий — и мы выиграем». В результате этого к 1967-му году у нас оказалось почти 500 000 солдат во Вьетнаме. Эту армию поддерживали Седьмой флот с моря и значительные части американских военно-воздушных сил, расположенные на базах островов Гуам и Окинава и в Таиланде. Большое количество налетов на противника производилось не только в Южном, но и в Северном Вьетнаме. Расходы на все эти операции поднялись до тридцати миллиардов долларов в год, и в конфликте приняли участие союзные отряды из Южной Кореи, Австралии, Таиланда, Новой Зеландии и с Филиппинских островов.

Помимо огромного количества оружия и военного снаряжения ввоз невоенных товаров в Южный Вьетнам в качестве экономической помощи достигал стоимости 600 миллионов долларов в год. Спекуляция товарами с американских складов стала распространенным явлением.

Но если американцы помогали сайгонскому правительству, то и Советский Союз вместе с КНР оказывали значительную поддержку Северному Вьетнаму. Судя по авторитетным источникам, в 1966-м году эта помощь достигала 250-ти миллионов долларов в год от каждой из стран. Китай присылал рис и простое оружие, а из СССР шли грузовики, самолеты, артиллерия и управляемые снаряды. Я видел большие склады боевых припасов, попавших в руки союзников в северных и центральных областях Южного Вьетнама. Минометы и гранаты были северовьетнамского производства, снаряды для минометов, пулеметы, обмундирование и рис — из Китая, автоматы, ракетные снаряды, артиллерия и грузовики —

из СССР, а хирургические инструменты и медикаменты были присланы из Польши и Чехословакии.

Культурная революция, начавшаяся в Китае в августе 1966-го года, привела к сокращению поставок из Китая, а помощь СССР увеличилась до одного миллиарда долларов за 1969-й год.

Глубокое вовлечение американцев в войну вызвало широкое недовольство в США. Когда американские боевые потери стали насчитывать несколько сот убитых в неделю, то протесты начали принимать все более массовый характер.

В марте 1968-го года президент Джонсон приказал прекратить налеты на Северный Вьетнам в надежде, что это приведет к успешным мирным переговорам в Париже. Для коммунистов этот акт Джонсона стал свидетельством, что США войну проиграли, что они это признают и что, следовательно, Северный Вьетнам победил. Стало ясно, что уход американцев будет рассматриваться как признание Соединенными Штатами законности захвата суверенного государства под видом «войны национального освобождения» при помощи коммунистической конспирации и вторжения извне.

Это выдало бы на расправу коммунистам тысячи вьетнамцев, дружелюбно настроенных к США и сайгонскому правительству. Такого рода кровавая расправа постигла тысячи жителей древнего города Хюэ, расстрелянных в течение трехнедельной оккупации города коммунистами в 1968-м году...

В июне 1971 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала обширную серию документов, выкраденных из официальных архивов бывшим сотрудником военного министерства, описывающих многолетнюю цепь неправильных оценок положения во Вьетнаме американскими военными и гражданскими должностными лицами и отсутствие честности со стороны правительства в деле информации парламента и общественного мнения относительно подлинного положения в Индокитае. «Нью-Йорк таймс» и другие газеты напечатали эти документы, чтобы подтвердить свою симпатию к антивоенным настроениям миллионов американцев, в полной уверенности, что конституционные гарантии свободы печати предохранят их от уголовного преследования за разглашение секретных документов. И в самом деле, за истекшее с тех пор время ни один журналист в связи с этим к уголовной ответственности привлечен не был...

Полностью опубликовано в альманахе
«Новый Колокол», 1971 г.

Южновьетнамская женщина из Хюэ, обнаружившая тело своего мужа среди расстрелянных вьетконговцами во время оккупации города. 1968 г.

Похороны американского солдата, погибшего во Вьетнаме, на Арлингтонском военном кладбище. 1968 г.

Эжен ИОНЕСКО

ОСМЕЛИВАТЬСЯ ДУМАТЬ НЕ ТАК, КАК ДРУГИЕ

Думать не так, как другие, — это значит просто думать. Другие, которые считают, будто они думают, обычно безо всяких размышлений принимают все лозунги и призывы, вынесенные временем. Совесть при этом спокойна, а дей-

ствия выглядят обоснованными и оправданными...

...Нам всем известно, что именем «высокого и благородного служения делу» можно совершать самые чудовищные преступления...

Есть исторические события, которые так волнуют меня, будто бы речь идет о моей собственной судьбе. Таким был недавний удар Советов по Праге. Меня это задело по-настоящему. Во мне все ноет, замерло в мучительной тревоге.

Были и другие события, которые приводили в отчаяние: например, июнь 40-го года, когда я думал, что для Франции все потеряно, потому что тогда я считал Францию своей родиной и родиной всего мира; бессильно я следил издали, полный бешенства, как захватывали Польшу нацисты и красные; потом я чувствовал, как меня замуровывали в Берлинскую стену, которую воздвигали все выше над моей головой; я был оскорблен всеобщим безразличием, когда уничтожили тибетскую цивилизацию; я был возмущен, убедившись, что всем было наплевать на бедствия северных и южных вьетнамцев и что отношения определялись тем, кто на чьей стороне: одну вьетнамскую деревню окружили вьетконговцы; хижины, мужчин, женщин с детьми на руках — все сожгли напалмом те, кто сам жаловался на преступную бесчеловечность других. Этот Орадур, содеянный вьетконговцами, заметила во Франции лишь «Франс-суар», которая с тех пор об этом не писала, а больше никто и не вспомнил. Можно ли принять, можно ли защищать

суданских убийц, палачей в Биафре, кровавые тирании «освободившихся» колоний и их новое рабство, навязанное «национальной независимостью»?

...Соединенные Штаты, внутри страны физически или морально убивая своих президентов, на международной арене разглашают секреты своего верховного командования и компрометируют учреждения, которые их защищают; Киссинджер за круглую сумму покупает у Вьетнама мир, который, даже отмеченный Нобелевской премией, остается не миром, а капитуляцией. Немногие редкие свидетели, из тех, что спохватились в последнюю минуту, едва осмеливаются, робко осмеливаются, если можно так сказать, разоблачать диктатуру, безжалостную политическую и экономическую жесткость режима, сменившего американскую «коррупцию»...

...Не единожды в жизни меня поражала резкая перемена в том, что можно было бы назвать общественным мнением, его быстрая эволюция, сила его заразительности, сравнимая с подлинной эпидемией. Диву даешься, как философы и журналисты, претендующие на оригинальную философию, принимают толковать об «истинно историческом моменте»...

...Я долго негодовал на Жана Поля Сартра за то, что он повел французскую интеллигенцию по ложному пути. Но вот совсем недавно понял, что он вовсе и не был вождем и властителем дум, а был просто отражением, отблеском определенного уровня общественного сознания...

...Мировое «сознание» было возмущено тем, что южновьетнамские солдаты были одеты в американскую форму и сидели на американских танках. Но то же самое сознание рукоплескало либо просто не замечало советских танков, советских автоматов, советской формы у солдат Северного Вьетнама...

...В выборе между суровой правдой и идеологией предпочтительной оказывается идеология... Не сегодня-завтра у власти окажутся злая воля и ложь. Если только не произойдет чуда. И чудо это может случиться только после крушения, возможного всегда, невероятного, но возможного крушения советского общества.

Эжен Ионеско (1912-1996) — выдающийся французский драматург и публицист, один из классиков литературы XX века. Публикуемый текст — фрагменты книги Ионеско «Противоядия», составленной из публицистических статей, написанных в 1968-1975 гг.

Если вьетнамскую войну считать частью войны против коммунизма, то она целиком оправдана...

Хорхе Луис Борхес, аргентинский писатель и философ

ЧУЖОЕ НЕБО

Вадим УЛУ-ХАН

Советские зенитчики в джунглях Вьетнама против США и... Ханоя

Когда высшие руководители страны говорят о возобновлении прежней дружбы с Вьетнамом, они просто умалчивают о том, что именно дружбы и не было. Вьетнам просто использовал СССР в своих интересах...

В октябре 64-го года в Советском Союзе произошел смена власти. В результате заговора партийно-правительственной верхушки Первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров Никита Хрущев был смещен. Во главе партии стал Леонид Брежнев.

Смена внешнеполитического курса СССР означала усиление конфронтации с врагом номер один – с Соединенными Штатами Америки. К моменту тихого переворота в Кремле американские солдаты уже высадились на территории Южного Вьетнама, а бомбардировщики США нанесли первые удары по территории социалистического Северного Вьетнама.

Старый друг Советского Союза ортодоксальный коммунист Хо Ши Мин уже обращался к Хрущеву с просьбой поставить Вьетнаму новейшие вооружения для отражения американских атак. Однако Никита Хрущев, наученный горьким опытом Карибского кризиса, не решился пойти на прямой конфликт со Штатами. Кроме того, СССР уже нес тяжкий груз военно-экономической помощи арабским странам. Сменивший Хрущева Брежнев был в этих вопросах менее щепетилен. К тому же, если бы СССР не стал помогать ханойскому режиму, его роль в международном коммунистическом движении резко сократилась бы – Вьетнаму активно помогал Китай. Китай пользовался неограниченным влиянием на северовьетнамских коммунистов. В итоге кремлевские политики и идеологи пришли к выводу, что Вьетнаму помощь надо. Советский Союз открыто заявил о своей поддержке северовьетнамских союзников.

На XXIII съезде КПСС Брежнев заявил: «Осуществляя эскалацию постыдной войны против вьетнамского народа, агрессоры встретятся со все возрастающей поддержкой Вьетнаму со стороны Советского Союза».

Эти слова были встречены аплодисментами. Но лишь немногие в зале Дворца Съездов знали, что советские зенитчики уже ведут тяжелые и изнурительные бои с американцами. Еще за год до съезда командиры ряда советских зенитных ракетных частей получили приказ под грифом «Совершенно Секретно»: безотлагательно, в срочном порядке сформировать из лучших солдат и офицеров группы для несения службы на юге в условиях, максимально приближенных к боевым.

Северный Вьетнам подвергался бомбардировкам США с 5 августа 64 года. В этот же день вьетнамские зенитчики открыли счет сбитым самолетам. В начале 65

года начался этап неограниченной воздушной войны. Налеты стали почти ежедневными. Американцы впервые использовали стратегический бомбардировщик Б-52. В налетах принимали участие и знаменитые самолеты Ф-4 «Фантом».

В апреле 65-го года американцы впервые встретились в воздухе с вьетнамскими летчиками. Первый настоящий бой произошел 9 апреля. 4 истребителя МиГ-17 встретились с восьмью «Фантомами». Бой был короточен. В результате самолет американского лейтенанта Мэрфи был сбит.

«Боевой расчет девушек-зенитчиц отряда самообороны всегда начеку» — подпись под фотографией в советской прессе.

В дальнейшем воздушные бои между вьетnamцами и американцами стали регулярными, и надо признать, вьетнамские летчики, обучавшиеся в советских учебных заведениях и использовавшие советскую и китайскую технику, показали себя с самой лучшей стороны. Но все же возможности Северного Вьетнама были крайне ограниченными — самолетов было всего несколько десятков, и в таких условиях говорить о серьезном сопротивлении было трудно. Американцы практически бесконтрольно бомбили промышленные и военные объекты Демократической Республики Вьетнам. Однако 24 июля 1965 года в пятидесяти километрах восточнее Ханоя возле деревни Чунгха произошло неординарное событие — первый бой зенитных ракетных расчетов со сверхзвуковыми самолетами. В этот день были уничтожены 399, 400 и 401-й самолеты США. И сделали это советские зенитчики.

Во Вьетнам были поставлены новейшие по тому времени зенитно-ракетные комплексы С-75. Советские специалисты выработали оригинальную тактику: удары по самолетам противника из засад, потом — быстрый отход на заранее подготовленные позиции.

Новейшая тактика зенитных подразделений стала для американцев полной неожиданностью. А резко возросшие потери заставили срочно вырабатывать меры противодействия. Во Вьетнаме впервые были использованы противорадарные ракеты «шрайк». Советские специалисты в кратчайшие сроки разработали схему борьбы с новым оружием.

Бои шли ежедневно. Ракетчики нарушали все предусмотренные технологии и уставные требования — настоящая война вносила свои коррективы. Но тяжелее всего было людям. Ребята из северной страны с трудом привыкали к тропическому климату. Но держались. И некоторые из них ставили своеобразные военные рекорды. Так расчет подполковника Федора Ильиных сбил 24 вражеских самолета. В мире нет ни одного зенитчика, имеющего такие показатели. Советские и вьетнамские зенитные расчеты сбили более тысячи самолетов противника. Вьетнам стал своеобразным полигоном для испытания новых видов оружия. В боевой обстановке превосходно показали себя советские ЗРК. На их долю приходится большая часть сбитых самолетов. Как выяснилось, достаточно эффективно работала и стволовая артиллерия. Вьетнамские МиГи заманивали противника в зону действия артиллерийских установок, а вьетнамские наводчики всегда отличались меткостью...

В то же время не все было так гладко, как хотелось бы. Вьетнамские руководители открыто играли на проти-

воречиях СССР и Китая, заставляя «старшего брата» наращивать поставки оружия и продовольствия. На 80 процентов Вьетнам был обеспечен продукцией именно советского производства.

В США всерьез рассуждали о советской экспансии в Юго-Восточной Азии, но никому и в голову прийти не могло, что СССР вкачивает миллиарды долларов в страну, находящуюся под политическим влиянием злейшего врага СССР — Китая. Кстати, Китай тоже себя не забывал. Так как большая часть вооружений шла из СССР по железной дороге через «Поднебесную», китайцы просто прикармливали часть военных грузов, вооружаясь за наш счет.

Достаточно подленько действовали вьетнамцы в отношении советских моряков. Лодманы наводили корабли советского торгового флота на минные поля. При подходе корабля к порту вьетнамцы окружали его плотами с установленными на них зенитными пулеметами. Как только в воздухе появлялись американские самолеты, зенитчики из-под бортов советских кораблей открывали огонь, справедливо полагая, что бомба упадет, скорее, на корабль...

Целью таких провокаций было втягивание СССР в открытый конфликт с США. Между тем американские пилоты имели строжайший приказ ни в коем случае не бомбить советские объекты.

Все время во Вьетнаме шла борьба северовьетнамской контрразведки с разведкой советской. Добиться советскому офицеру просто попросту присутствовать на допросе пленного американца было делом проблематичным. Вьетнамцы также делали все, чтобы не допустить советских специалистов до сбитых американских самолетов, хотя это уже нарушало межгосударственные соглашения.

Таким вот было наше «боевое братство»...

В самих Соединенных Штатах нарастала волна протеста против бессмысленной войны. Многочисленные демонстрации нередко заканчивались схватками с

Советские военные специалисты во Вьетнаме. 60-е годы. Фото из личного архива Ф. Ильиных («Собеседник»).

полицией. Резервисты сжигали свои повестки. Президент Никсон то отдавал приказ прекратить бомбежки, то приказывал совершать новые воздушные налеты. Наконец 27 января 73-го года в Париже было подписано соглашение между Ханоем и Вашингтоном о прекращении огня и выводе американских войск из Вьетнама.

До сих пор остается открытым вопрос о присутствии советских военных специалистов и разведчиков в джунглях Южного Вьетнама.

Слухи говорят о том, что южнее 17-й параллели действовали группы советских спецназовцев. Скажем, бывший морской пехотинец, а ныне знаменитый путешественник Федор Конюхов признает, что выполнял специальные задания во Вьетнаме.

Тем не менее, официально утверждается, что ни один советский военный моряк не принимал участия во вьетнамской войне.

Победа советского оружия в джунглях Вьетнама и постоянное советское военное присутствие в регионе изменило расстановку сил.

Вьетнам счел за лучшее дружить с СССР, а не с Китаем. Советскому Союзу даже была предоставлена военно-морская база в Камрани.

Враждебный Советскому Союзу Китай стал более осторожен в своих претензиях к бывшему великому другу — теперь у него в тылу стояли превосходно обученные и закаленные в боях вьетнамские части, а в Камрани постоянно дежурили эскадрильи советских самолетов и боевые корабли. Китай пробовал проверить Вьетнам на прочность 17 февраля 79-го года. Тогда в полпятого утра китайско-вьетнамская граница на всем ее протяжении была атакована 160-тысячной китайской армией. Но китайцы безнадежно увязли в приграничных боях, а в боях за город Лангшон потерпели сокрушительное поражение. Причем на этот раз вьетнамцы обошлись без непосредственного участия советских солдат.

Во время войны во Вьетнаме в боях участвовали сотни советских зенитчиков. Военная наука обогатилась новыми тактическими новинками. И, казалось бы, американцы всему миру преподали урок того, что не надо ввязываться в безнадежную войну. Кто-то, а Советский Союз должен был бы усвоить печальный американский опыт. Но этого не произошло. И до Афганистана оставалось уже совсем немного...

Валерий КУПЛЕВАХСКИЙ «Вьетнамские тайны»

Джеймсу Роберту Бишопу

...После появления моих «записок» особист из 4-го Главного управления Министерства обороны, в чем подчинении я находился, удивленно спрашивал меня:

— Каким это образом твоя фамилия могла оказаться рядом со словом «Вьетнам»? Согласно директиве два нуля такой-то это категорически запрещено! Хотя, конечно, вас с этой директивой не знакомили, она шла по нашей пинии... Очень странно...

На Западе меня, кажется, перепечатывали, я ничего из этого не видел, не пытался, да и не мог увидеть. Однажды на службу позвонили из Фотохроники ТАСС и попросили какие-либо фотографии, кажется, для «Штерна». Я чувствовал, что еще немножко — и я переполню чью-то чашу терпения и мной кое-кто заинтересуется всерьез. Поэтому я позвонил тому же особисту и спросил, как мне поступить. Ответ был ясен, и фотохроник его услышала от меня.

— Мы другого ответа и не ожидали.

...Потом началась подготовка книжки в издательстве «Молодая гвардия». ЦК и МИД (не помню, кто в большей степени) противились ее появлению. Редактировал книжку в издательстве пожилой человек, Киселев, проводивший, как оказалось, все годы второй мировой войны в Японии в корпункте ТАСС, что для меня явилось откровением (корпункт ТАСС во время войны в стране «оси» Японии!). Киселев был настроен оптимистически:

— Факт присутствия наших военных во Вьетнаме уже обозначен в «Знамени», «Известиях», «Огоньке», даже на Западе. Препятствий не должно быть.

Хотя и он удивлялся, как все это проходило через военную цензуру и Главлит до сих пор.

Верстку книжки ЦК и МИД всё не визировали (а ее туда посылали, чтобы ублажить цензоров Главлита), я с отчаяния написал Суслову в Политбюро: «Глубокоуважаемый... С коммунистическим приветом...» Оттуда неопределенно для меня и вполне определенно для издательства ответили устно (письменный отказ нельзя было объяснить ничем). Набор рассыпали, рисунки вернули художнику, издательство пыталось вернуть аванс, который я давно уже пропил...

...Прошло тридцать лет. Кажется, можно вспомнить, не страшась ни государственной, ни военной цензуры, не опасаясь разгласить секреты полишинеля.

Наша группа из нескольких офицеров-инженеров — капитанов, майоров и подполковника — отправилась во Вьетнам в августе 1967 года. Мы представляли «чегу-мо» — 4-е Главное управление Министерства обороны, испытательные ракетные полигоны в Капустинском Яре и на Балхаше и Калининский научно-исследовательский институт войск ПВО. Цели группы вначале были аналитические — выяснить на месте причины, казалось, катастрофических неудач наших зенитно-ракетных комплексов (оценка начальства в Союзе: «Из Вьетнама сообщают, что ежедневно расходуются десятки ракет и ни

Расчет батареи вьетнамского зенитно-ракетного комплекса.

одного сбитого американца»; затем, по обстановке, цели наши расширились, хотя их расширение, правда, смутно, предполагалось заранее. Нам нужно было прикрытие. (От кого? Скорее всего, от китайцев, тщательно следивших за всем, что делают во Вьетнаме советские ревизионисты.)

Для этого нашу группу включили в состав бригады «доработчиков» — монтажников, представителей генеральных конструкторов ракетной системы и самой ракеты и военпредов из Капустина Яра, — бригады, которая должна была в ходе боевых действий модернизировать наши зенитно-ракетные комплексы С-75 «Двина». Комплексы привезли во Вьетнам вместе с советскими расчетами — солдатами и офицерами — еще в начале войны на вьетнамском Севере.

«Русских во Вьетнаме нет» — это было, безусловно, для нашей дипломатии, агитпропа и для нас самих, находившихся там. Мы были (даже и этого не произнося вслух) у мифического «заказчика 075». Так же точно, как нас со своей боевой техникой до этого не было в Югославии, в Китае, в Корее при Сталине в 40-х и в начале 50-х годов, на Кубе при Хрущеве в самом начале 60-х.

О наших летчиках в Корее прекрасно знали и в Союзе, и в Америке, но их не должно было там быть, и потому их там никогда не было... О Кубе было еще меньше сведений, но они все же просачивались в случайных приватных разговорах.

При рассказах о Вьетнаме у моих собеседников до сих пор округляются глаза.

Всё, конечно, затмили Венгрия в 1956-м, Чехословакия в 1968-м и, наконец, Афганистан, чего скрыть уже было нельзя.

Египет, Йемен, Сирия, Ирак, Ливия, Нигерия, Сомали, Эфиопия, Ангола, Перу, Индия... Об истинной военной географии подробно знают лишь те, кто сам путешествовал, и те, кто снаряжал в экспедиции, — «десятка», 10-е Главное управление Генштаба.

Спектр военного накала — от простого обучения чужих войск или поставок техники до прямого участия в боевых действиях — широк, а степень советской закрытости всегда доходила до комичности.

С поры длинной вьетнамской войны (точно такой же позорной по результатам и последствиям для Америки, как и Афганистан для нас) прошло много времени, мы стали другими, но я не страдаю амнезией, я очень хорошо помню себя двадцативосьмилетним капитаном, недавним инженером-испытателем, полным ненависти к противнику и исполненным искреннего сочувствия к нищим вьетнамцам, воюющим за свою самостоятельность. Один вид американского флага на выставке их научных-технических успехов в Сокольниках приводил меня в состояние тихого бешенства. Теперь я беззлобно, хотя и удивляясь сам себе, пожимаю руку американскому полковнику в зеленом берете на площади Свердлова под памятником Марксу в день наших ежегодных ветеранских встреч «в шесть часов вечера после войны» 5 августа. Кстати, как уходит ненависть?..

Мы, бывшие «эсвэзс», СВС, советские военные специалисты, уже начали вымирать, сегодня уже не все мы, пока оставшиеся, понимаем друг друга (может быть, и понимаем, только не сходимся во взглядах), но нас связывает старое камадрство, нам всем одинаково чужда нынешняя ироничная полуправда о нас и уж откровенно обидно молчание о том, что эту-то войну вьетнамцы выиграли. Выиграли у Америки. А мы помогли вьетнамцам.

Я смотрел в иллюминатор, и когда мы поднимались над желто-зелеными окрестностями Пекина, и когда зем-

Бойцы отряда самообороны разбирают останки сбитого самолета.

ля скрылась за облаками, похожими на огромную лужу мыльной пены.

Время шло медленно, так медленно, как, наверное, идет еще время, измеряемое песочными часами. Пели песни стюардессы-цзаофани. Солнце медленно опускалось и принимало цвет раскаленного медного пятака. Потом небо было черным; как брызги чистой крови, на нем алели пятна высоких перистых облаков.

Под нами уже был Вьетнам.

Казалось странным: только вчера мы говорили о нем, готовясь к полету, а сейчас он уже был под нами, на эту землю уже можно было ступить или упасть вместе с самолетом; облака, которые алели сейчас за иллюминатором, плыли уже над Вьетнамом, они проливались дождями уже на вьетнамскую землю, и это уже именно здесь была ночь, во Вьетнаме.

Для нас служба во Вьетнаме уже началась, и с борта самолета это выглядело так: черное небо и вспышки, на секунду высвечивающие дутые облака.

Стюардессы-китайки пели свои песни и разносили сигареты, вино и влажные махровые салфетки. Пятиминутные агитконцерты заканчивались здравницами в честь председателя Мао. Хрупкие девушки улыбались; лица их блестели от пота. Они умудрялись в узком проходе между креслами исполнять еще и агиттанцы с флагами и цитатниками в ярко-красных виниловых обложках. Наши монтажники ухадкой ощупывали экзотических революционерок и требовали вина.

В перерывах между концертами образцовой бригады образцового отряда цзаофаней Пекинского аэропорта в салоне надрывалась трансляция. Мы давно уже не слышали в таком количестве песен о Сталине и волочевских днях, эта музыка в Союзе уже лет десять назад бесшумно исчезла с радио. Полкомка магнитофона была встречена одобрительным гулом, но место магнитофона заняли молодые ребята, бойко говорившие по-русски.

... В огромном Пекинском международном аэропорту, построенном в ходе культурной революции, нас посадили в единственный оказавшийся на ходу Ил-18 — весь китайский гражданский флот стоял на приколе: вышел ресурс двигателей, а из Союза новые перестали поставлять.

— Доигти, — смеется солдатик, протягивая мне маниок. — Май бай Ми — хет! Лиенсо — зат тот!

Надо понимать, что американской авиации — хана, если есть советские ракеты.

— Зат тот, — говорю я. — Конец Америке.

Действительно, мы сбиваем все, что присылают американцы во Вьетнам.

Единственным типом американского самолета, так за всю войну и не сбитым над Северным Вьетнамом, остался высотный стратегический разведчик SR-71.

То, что мы не сбили SR-71, не свидетельствует о слабости нашей техники, отнюдь, я пишу об этом только потому, что у меня с войны остался неудовлетворенным азарт инженера-ракетчика...

Первым заметным делом, которым нам пришлось заняться в Ханое уже в августе 1967-го, оказался именно этот суперсамолет.

Логичным был следующий вопрос: что может сделать старушка «Двина» с этим монстром? Комплекс «Двина» — самая старая наша передвижная система войск ПВО страны; ее проектирование, отработка и оснащение ею войск приходится на конец пятидесятых годов; собственно, ПВО страны начиналась именно с этой системы в ее громоздком шестикабинном варианте. Наш шестикабинный вариант в 1967 году был на вооружении и у китайцев. Самый же первый — стационарный комплекс С-25 — разрабатывался специально и стоял только на обороне Москвы. Кстати, единственно хорошими дорогами в Подмоскovie мы до сих пор обязаны этому комплексу — они строились для него. Дороги эти долгое время были вообще закрыты и на карты Подмоскovie не нанесены; очевидно, их скрывали от грибников — из космоса американцы их видели очень хорошо.

Ответ наш был бескомпромиссным: без специальных мер «Двина» не сможет ничего.

Начальством это было воспринято с инженерным пониманием — метод наведения на цель ракеты, применяющей активные помехи, именно для этой системы и именно для этой скоростной высотной цели не тянет (большие динамические ошибки, попросту говоря, ракета не вытягивает нужного); вдобавок боевая часть ракеты и радиовзрыватель разрабатывались под совсем другие самолеты — тихоходные «сайбры» и «суперсайбры».

Вьетнамцами, исповедовавшими другую, не инженерную религию, это понято не было, они с помощью китайцев посчитали, что мы в тайномговоре с американцами, жалея их американские доллары (стратегический разведчик стоит баснословных денег), и они напрасно выпустили не одну ракету по SR-71, пока воочию не убедились в тщетности попыток заменить здравую инженерную логику идеологией всепобеждающей народной войны.

Подкинули нам сразу же по прибытии еще одну задачку. Тоже вьетнамцы.

Совсем молодым испытателем мне пришлось оценивать возможности стрельбы зенитно-ракетным комплексом по наземным и морским целям. Принципиальная возможность в методах наведения содержалась, инициатором идеи был энергичный инженер-подполковник Юрий Иванович Л., впоследствии генерал. Испытания прошли успешно, ракета на наземную цель наводилась, определенные сложности были, но мы отчеты написали, Юрий Иванович докторскую диссертацию защитил, в правила стрельбы соответствующий раздел внесли и спокойно забыли. Никто всерьез не собирался использовать зенитную управляемую ракету вместо обычного артиллерийского снаряда.

Вьетнамцев беспокоил 7-й флот, стоявший у самого берега. Надо его если не уничтожить, то хотя бы побеспокоить — потопить пару кораблей. Логика вьетнамцев понятна: официальными, типографски изданными правилами предусматривается стрельба по надводным целям, цели налицо; что думают советские товарищи?

Советские товарищи рассудили здраво. Ставить дивизион на побережье — самоубийство, в ответ на пер-

вый же ракетный пуск дивизион сотрет с лица земли палубная авиация американцев. А каков будет эффект от пуска?

Авианосец можно потопить только СБЧ — специальной боевой частью, то есть ядерной, и то не со всяким тротиловым эквивалентом. Линкору несколько десятков килограммов взрывчатки тоже особого вреда не принесут. Стоит ли какая-нибудь шлюпка, которую с не очень высокой вероятностью можно будет потопить, гибели людей — боевого расчета, самого дивизиона?

Так ответили мы. У меня до сих пор в глазах стояли кривые пересечения конуса разлета осколков боевой части ракеты плоскостью земли, которые я вычерчивал для отчета. Табачный киоск мы еще как-нибудь разбомбим, но корабль, даже сторожевой катер... Только напугаем. Если испугаются.

Вьетнамцы нашу новость восприняли как очередное свидетельство сговора с американцами. Все ясно, советские товарищи жалеют дорогой американский флот!

Начальство скрепя сердце заявило: «Если уж стралять, то только с нашим командиром». Условие было принято. Наш командир дивизиона М. «на хапьях», до стрельбы по авианосцам, успел сбить пару палубных штурмовиков. Дивизион тут же был разбит. 7-й флот не отошел от берега. Вьетнамцы потеряли интерес к стрельбе зенитными управляемыми ракетами по морским целям...

— С этой работой все наоборот. Ночью — день, а днем — ночь. Так я и не привык к этому: спать, когда светло, невозможно, — говорит Л., военпред из «доработчиков». — И потом, знаясь ведь, галдят те, кто ночью не работал... Да, ты слышал, что вчера сбили три самолета? Один около Ханоя.

— Кто сбил?

— Переводчики говорят, что зенитная артиллерия и ополчение. А я своими глазами видел, что уж точно двоих сбили ракетами, видел, как падали, как взорвались. Где они? Я же видел, что сбили ракетами, своими собственными глазами видел. Бой был прямо над нами...

В бунгало полумрак, окон здесь нет, а только щели между неплотно навешенными циновками да еще сверху вместе с влагой просачивается тусклый свет. Влага оседает на утрамбованный глиняный пол, прибавляет пыль.

— Может, еще не нашли?

— Может быть, — говорит Л., — может быть, все может быть...

Люди, которые служили в войсках противовоздушной обороны во время нашей войны с Германией, рассказывают, что окончание боя, в котором были сбиты самолеты, приносило не только удовлетворение, но и огорчения. Когда нет до конца объективного контроля результатов стрельб, установить, что сбила самолет именно твоя батарея, именно твой расчет, практически невозможно.

Для бесспорного контроля пришлось бы строить целую систему, не менее сложную, чем сама система ПВО. И теперь, даже при всем желании быть объективным, командованию, ведающему распределением сбитых самолетов среди зенитных ракетных частей, артиллерийских дивизионов и батарей, пулеметных точек и отдельных ополченцев, вряд ли это удастся. Двумя совершенно достоверными цифрами располагало командование в конце дня: числом появившихся новых хвостов самолетов (об упавшем самолете из деревни срочно сообщают в район, из района — в уезд, из уезда — в провинцию, из провинции — в Ханой) и числом израсхо-

Аэродром Зулам под Ханоем.
Летчики – первые герои ДРВ.

дованных боеприпасов (кто стрелял, чем стрелял, сколько израсходовано ракет, снарядов, патронов).

Правда, собирались подробные легенды, прокладки курсов самолетов, описания стрельб, которые хронометрируются. Но попробуй разобраться в этом до конца, когда стреляют по одной группе почти одновременно и зенитные ракетные дивизионы, и зенитные пушки, а пули из винтовок образуют просто свинцовые облака из-за огромного числа людей, ведущих стрельбу! Командование занимается подсчетом только тех самолетов, которые упали на территории республики и с которых сняты бортовые номера – дюралевые пластинки с выбитыми заводскими знаками серии, партии и с клеймом военпреда. Многие самолеты падали в Тонкинском заливе, на территории Лаоса и на Юге, их учесть было нельзя.

Как-то промелькнуло сообщение японцев, в нем они утверждали, что официальная вьетнамская цифра уничтоженных самолетов занижена по крайней мере вдвое. Дело в том, объясняли они, что многие самолеты возвращались с бомбардировочных полетов серьезно поврежденными. Система управления позволяет летчику дотянуть до аэродрома, но самолет продырявлен осколками, и бог его знает, как он будет вести себя при посадке, тем более на палубу авианосца, поэтому пилоты направляют машины на кладбище, а сами катапультируются. Эти самолеты нельзя учесть тоже. К тому же на территории Вьетнама есть такие места – в горах, в джунглях, – в которых свидетелями падения самолетов могут стать только лесные голуби и макаки. Сообщения об этих самолетах поступали от племен горцев с большим опозданием...

Более существенными оказались далеко не технические сложности. Идеологи из Партии трудящихся Вьетнама исповедовали теорию народной войны, в которой все решает не техника, а человек, заряженный идеями социализма и патриотизма. Сама по себе техника – не только бездушна, но даже буржуазна. Чем техника сложнее, тем она буржуазней. Даже командир ракетного дивизиона считался обуржуазившимся из-за повседневного общения со сложной техникой. Менее буржуазными были артиллеристы-ствольники, еще менее – наводчики зенитных пулеметов. Не подверженными буржуазной заразе оказались только ополченцы, стреляющие из ружей и луков. Потому из десяти сбитых ракетами самолетов шесть отдавались ополченцам, а четыре – зенитчикам-ствольникам. Сейчас можно улыбаться, но нам тогда было обидно.

Кажется, побывавший во Вьетнаме офицер должен был цениться в войсках на родине на вес золота. К сожалению, то, что приносили в войска «вьетнамцы», начальством часто встречалось с нескрываемым раз-

дражением: «Не лезьте вы со своим опытом! У нас мозги не хуже ваших!» Вьетнамская война была для них слишком далекой...

Потом, уже после Вьетнама, мы пытались вести речь о подготовке театров военных действий, например в актуальной тогда Сирии, но натолкнулись на родное «а тебе больше всех надо?». В Сирии олозорились, израильтяне полностью вырубили сирийскую ПВО. И кто на этот клочок земли призывает систему, которая должна прикрывать огромные территории!

Если быть объективным, среди нашего местного начальства летом 1967 года царила паника, сводки казодневно становились все более драматичными: «В тяжелых климатических условиях американская авиация в налетах широко использует малые высоты, радиопомехи разных типов, активно применяет противоракетный маневр и огневое подавление, в том числе противорадиолокационными ракетами «шрайк».

Мы начали с помех. Конечно, трудно сейчас вспомнить, с чего конкретно мы начали: надо было начинать со всего, а среди начальства если и не царила настоящая паника, то все же преобладало настроение уныния. Мы не приглядывались к окружающему, мы глядели, раскрыв глаза, – все было внове. Даже то, что утро после прилета и ночной переправы оказалось чужим, бананово-лимонным, ослепительным... И зеленые деревянные жалюзи на окнах, и фен под потолком, и кисейный балдахин накомарника над постелью, и длинная, на весь этаж, лоджия...

Соседом оказался капитан-артиллерист. Артиллерист настоящий, ствольник.

– Что ты здесь делаешь с пушками? – удивились мы.

– Уже ничего, улетаю, – засмеялся он. – Артиллерия почти вся – китайская. Конечно, наша, но китайского производства. Из Союза только самые большие калибры. Но вьетнамцы уже сами справляются с этим делом. Мне, носившему артиллерийские барабанные палочки на погонах с четырнадцать лет, считавшему в детстве артиллерию действительным богом войны, со временем становилось все очевиднее, что стрельба зенитками по самолетам – анахронизм. Единственное, что оставалось в такой стрельбе привлекательным, – сложные схоластические расчеты эффективности стрельбы залпом, очередями, с учетом накопления ущерба... Зенитная стрельба интересна примерно так же, как медвежий шапки гвардейцев у Бухингемского дворца или шпоры у нас, артиллеристов, уже даже в 1953 году на параде. Капитан улетап домой и был несказанно рад. Я удивлялся. Он нервно посмеивался, кривил губу:

– Тебе эта экзотика, а особенно американцы, остро чертуют через месяц. Говорят, вьетнамцы предложили нашим поселить здесь специальных девиц-солдат, так наши отказались: «У советских высокие моральные качества!» Кубинцы, говорят, согласились... Вон тот корпус – кубинский, а тот – китайский...

Соседями по этажу оказались и общительные офицеры другой специальности – связисты с Лубянки. Их принадлежность к этой организации мы вычислили сразу, как они ни темнили, и никаких вопросов им не задавали. Говорили они сами, жаловались:

– Губят аппаратуру, макаки... Все заброшено, плесневеет...

Нам не было дела до их аппаратуры, однако этот мотив – сетование и даже раздраженное ворчание на вьетнамцев по любому поводу – я слышал потом во всех разговорах не только соседей с Лубянки...

Вьетнамцы в 1967 году знали возможности техники на уровне наших эксплуатационщиков-войсковиков, саму технику – несколько слабее. Было очевидно, что большего они почерпнуть у специалистов из Союза не могут. Наши специалисты начинали вьетнамских командиров тяготить и даже раздражать. Это было заметно.

– Давайте новую систему. Ни мы, ни вы с «Двиной» уже ничего не можем сделать.

Нашим же было жалко отдавать еще одну систему: – Достанется китайцам!

Ходил упорный слух о том, что Хо Ши Мин дал указание: «В новом году советских специалистов не должно быть нигде, даже в ракетных частях». К нашей группе вначале относились сдержанно: «Нам непонятно, чем вы занимаетесь, спрашиваете, пезете в боевую работу, требуете какую-то аппаратуру устанавливать в кабинах. Это бой, это война!» Тем не менее, мы вдавливались, влезали. Нас не гнали, но и не расслаивали объятий...

Мы привезли с собой телеобъективы – в наивной надежде снять на пленку построение американских самолетов в группе. Тот, кто пользовался мощным телеобъективом, знает, как трудно поймать в кадр даже неподвижный объект, а найти в небе на дальности километров десять летящий самолет практически невозможно. Но для того, чтобы в этом убедиться, мы во время налетов несколько раз поднимались на крыши банка и ханойского отеля «Метрополь» к зенитчикам. Сейчас не помню, кому пришла в голову почти гениальная идея установить этот телевик на антенне станции наведения ракет. Конечно, сидеть в «скворечнике», как называли кабинку оператора, подвешенную на антенне, во время боя согласились бы разве что только камикадзе. Но вначале сидели обычные ребята-операторы... Безопаснее оказалось поставить на антенне телекамеру и телевизионный приемник в кабине. А геометрию строев нам приносили вьетнамцы после допросов американских пилотов...

Противорадиолокационная ракета «шрайк» наводится по центру излучения – на излучатель антенны станции. Наводится идеально. После удара «шрайком» антенна напоминает похореженный дуршлаг. «Шрайки» представляли реальную опасность для дивизионов. Именно из-за нежелания получить себе в лоб ракету некоторые дивизионы во время боя оказывались «небогатыми»: всегда можно сослаться на неисправность станции, тем более что техника не вьетнамская и сложна до откровенной буржуазности.

Рекомендация была талантливо проста: не выходить без нужды в эфир, благо самолеты сами «светят» передатчиками помех, а выходить только тогда, когда самолет уже не успевает нацелить «шрайк». Если уж так хочется, выходи в эфир на несколько секунд для того, чтобы оценить воздушную обстановку... Работать в таком прерывистом, почти импульсном режиме сумеет не каждый, необходимы ум и храбрость. Нам повезло – «наш» командир, а затем его сосед такими качествами обладали: они и самолетов насбивали больше других, и «шрайки» перестали получать в лоб. Американцы поняли нашу незамысловатую хитрость и, например, на SR-71 поставили автомат, включающий передатчик помех только тогда, когда «светим» мы...

О живучести стационарных кабин убедительнее всего говорит то, что все привезенные во Вьетнам дивизионы остались целы. Они после ударов ремонтировались, некоторые серьезно, но все остались в системе ПВО. Это для нас тоже было удивительно: «хрупкие» блоки

выдерживали бесконечные переезды при смене позиций и, что еще удивительнее, бомбовые и ракетные удары. Самым трудным было убедить вьетнамцев прятать кабины – зарывать в землю, прикрывать обвалами. Для боя над землей должна оставаться только антенна, все остальное нужно прятать. Но донести эту очевидную вещь до вьетнамского начальства оказалось почти невозможным: теория народной войны говорит, что перед врагом нельзя становиться на колени, врага надо встречать в полный рост. А тут эта буржуазная станция наведения ракет! Надо побывать в нашем положении, чтобы понять наши чувства: расчеты менялись быстрее, чем мы успевали к ним как следует привыкнуть. А ведь это были самые грамотные ребята – часто с университетским образованием...

...Добыча не входила в нашу обязанность, мы даже подчеркнуто отмежевывались от команды «трофейщиков», находившихся во Вьетнаме по линии ГРУ. Они, кстати, как менее щепетильная контора, наоборот, даже примазались к нам, и несколько раз на сбитые самолеты мы выезжали вместе. Мы таскали с собой пиво, ребята из ГРУ, кроме пива, таскали с собой еще и огромные рюкзаки.

Наша группа перед вьетнамцами была чиста: нам ничего из внутренностей и внешних подвесок американских самолетов не было нужно. Меня интересовали лишь конструкция самолетов – обшивка, экранировка уязвимых отсеков (пилот, бак, двигатели, топливная и масляная их обвязка) – и пробоины – дырки, оставленные осколками боевой части ракеты. По размерам этих дырок и толщине пробитых преград я умел оценивать качества боевой части ракеты и знал, как их корректировать. А к тому, что досталось вьетнамцам от американцев, они относились с вполне понятным, например для меня, чувством ревности: сбили мы, это – наше, и наше дело, кому это отдавать.

– Иен, до нас здесь уже кто-нибудь был? – спрашиваю я на краю воронки у переводчика.

– Сейчас узнаю.

– Узнай.

Иен шепчется с сопровождающим, хозяином самолета из штаба ПВО.

– Нет, никого не было.

– Правда?

– Правда. – он вытирает потное лицо и прячет глаза.

Я смеюсь, отвожу через полчаса незаметно в сторону председателя кооператива, на чье поле упал американец.

– Товарищ, китайцы здесь были?

– О, Чунг куок! Чунг куок муон нам!

– Товарищ, а кубинцы здесь были?

– О, Куба! Куба муон нам!

Одним словом, да здравствует Китай и да здравствует Куба. Только после них да здравствуем мы. Политика рядом с очевидной техникой! Ведь ни китайцы, ни тем более кубинцы не знают, что делать с этими облом-

Вьетнам. Война. Два окопа друг напротив друга: один американский, другой – вьетнамский. Из американского кричат:

– Вьетнамцы, вы проиграли, сдавайтесь!

Из вьетнамского отвечают:

– Вьетнамцы не сдаются! Карпенко, снаряды!

Советский анекдот конца 60-х.

ками. А мы знаем, и самолет нам нужен не для сувениров — на сувениры идут лишь шариковые бомбы, снаряды авиационных пушек «Вулкан» и бортовые шильдики — алюминиевые или жестяные пластинки с фирмой и следами пломбиров заводских военпредов. Нам упавший самолет нужен как элемент целого, мы (я, по крайней мере) намеревались восстановить хотя бы несколько лусков — обработать их почти по-полигонному, то есть от момента передачи цели радиотехническими войсками ракетному дивизиону до момента падения самолета. Теоретически это сделать можно, но сложности оказались непреодолимыми: чужая страна, непонимающее начальство и, наконец, прямое попадание американской бомбы в нашу контрольно-записывающую аппаратуру.

Когда я пишу «вьетнамцы», кого я имею в виду? Это не конкретные люди, с кем мы общаемся, — переводчики, шоферы, расчеты ракетных дивизионов, офицеры штаба ПВО и ВВС и генштаба, непосредственно работающие с нами. Когда я пишу «вьетнамцы» применительно к таким глаголам, как «решили», «считали», «думали», я имею в виду некое безликое для меня начальство — и военное, и, конечно же, партийное, идеологическое. С начальством общались наше начальство, но и для нашего начальства, кроме конкретных людей — вьетнамских генералов, — тоже существовало некое безликое существо — «вьетнамская сторона».

Когда, к примеру, мы откровенно долбили капитану — командиру дивизиона: «Когда же ты зароешь кабины? Твои тростниковые маты не спасают даже от контактного подрыва шариковой бомбы!» — он смущенно, виновато улыбался и говорил нам что-то успокаивающее. Мы, наконец, додумались, что «вьетнамцы» — все командиры дивизионов — имеют установку не зарываться: «Врага надо встречать с открытым лицом! Народа, отстаивающего свою независимость, не испугать никакой, даже самой изощренной техникой империалистов!»

— Но если ты зароешься не от страха, а из военной целесообразности? Тебе ведь меньше придется чинить технику, собьешь больше самолетов!

Капитан улыбается:

— Спасибо Советскому Союзу за ракеты. Мы победили Америку...

Я сижу на плоскости, кажется, RB-47 (откуда его взяли?), и вдруг мне бросается в глаза маленький трафарет: «VECTOR-M». Я уже не помню, то ли это плоскость крыла была, то ли хвостовое оперение, но под трафареткой — кругляшок из диэлектрика, что-то вроде текстолита. Антенна...

— Курилка, — тихо говорю я Володе, — «Вектор».

— Какой вектор?

— Тихо, — говорю я. — Тхам идет.

Лейтенант Тхам садится рядом со мной. Он очень худенький, френч болтается на нем. С университетским образованием. Математик. Прикомандирован из генштаба. Запускает палец в нос и смотрит в мою тетрадку. Он всегда молчит и увлеченно ковыряет в носу, когда мы обрабатываем эксперимент.

— Все, — говорю я. — Хет.

Мы уходим с площадки в свою помещичью виллу с деревянными нарами и ящиками пива, где нас ждет П. Тхам уходит к себе, не вынимая пальца из носа.

— Алексей Васильевич, кажется, я нашел «Вектор». Антенну.

Я объясняю. Мы говорим шепотом.

— Ну ее на хрен, — говорит П. — Нас засекут и выгонят к чертовой матери. Я не умею воровать.

— А как ее выковырять? — говорит Курилка. — Это ж сразу видно будет.

— Ну ее на хрен, — повторяет П. Он боится за нашу работу. — Воровать — не наше дело. Чтобы передать нам «шрайк», вьетнамцы специально политбюро собирали, а когда привезли к самолету, у «шрайка» не оказалось головки самонаведения. Ну его на хрен, этот «Вектор»!

— Дурак, я бы тебя к «Красному Знамени» представил, — говорит мне позже помощник военного атташе Легостаев...

...А-6 и F-105 бомбили дорогу. Это был совместный налет моряков и пилотов из Кората. Шестнадцать F-105 держались вместе. На дорогу заходили по очереди, уступая место следующей четверке. Когда последние после разворота вошли в зону поражения ракетного комплекса, навстречу им пошли две ракеты.

Четверка рассыпалась, но к одному из самолетов ракета словно приклеилась; она взорвалась рядом, самолет подбросило от взрыва, он сделал горку, а затем клюнул. Пленные пилоты, которые не скрывали, что больше всего боятся зенитных ракет, рассказывали, что в момент взрыва боевой части ракеты ощущают сильный толчок, многие теряют ориентировку в пространстве.

Наверное, ориентировку потерял и этот пилот, имя которого осталось вьетнамцам неизвестным: самолет рухнул километрах в трех от точки встречи с ракетой, машина врезалась в рисовое поле, начинающееся прямо за домами деревни Анбинь. Восемнадцатитонная машина «тандерчифа» вместе с пилотом полностью вошла в грязь поля. В течение десятка минут поле горело. Но рис — в воде, и пламя погасло. Из деревни сообщили в районный центр Зянтьен, оттуда — в уезд Кхоайтау. Счет сбитых над провинцией Хынтьен машин вырос.

Когда мы приехали в Анбинь, в воронке работали крестьяне. Руководила ими немолодая женщина — председатель общины. Передавая из рук в руки комья раскисшей глины, люди откалывали самолет. Ни один обломок, будь он величиной с ладонь, не выбрасывался: все складывалось в стороне. Уже выросла целая груда того, что раньше имело девятнадцать метров в длину, несло с собой тонны полторы-две бомбовой нагрузки.

Обломки идут в дело: здесь отличные трубопроводы, много дюралю, из которого можно будет сделать забавные вещи, полно транзисторов для самодельных приемников. На самом дне ямы парень собирал котелком керосин, сливал его в ведра и передавал вверх. Топлива оказалась пара бочек, оно еще могло пригодиться.

Вся община работала в яме, закатав штаны, ковыряясь тяпками в глине. Мята подвесные баки валялись на дороге, часть плоскости крыла взрывом забросило в канал. Мальчишки возились в воде, старались выбросить обломок на берег и срывали с тощих икр пиявок. Мотоциклист из района ждал документов пилота.

До кабины добраться было труднее всего...

Я стоял у длинного, сколоченного из фанеры ящика со старовьетнамскими иероглифами на боку и разговаривал с переводчиком Йеном. Мы закурили, я сел на ящик.

— Не надо, — сказал переводчик. — Встань.

— Почему?

— Ты сидишь на гробе, в который положат летчика.

Молодой крестьянин копал могилу. Он вытирал пот концом кашне и отгонял мух. Военный из района не мог уехать, не получив подтверждения. Документы найти

было невозможно... Женщина, руководившая работами, повела мотоциклиста к груде обломков.

— Пусть снимут бортовой номер, — сказал Иен. — Этого хватит. Кто был пилот, теперь не узнаешь. Какие документы! Разве вы не видите...

Все, что осталось от летчика, поместили в ящик с иероглифами и опустили на дно ямы, в которую уже натекло воды.

Я помню А-6, бомбивший восемьдесят девять раз и сбитый на своем девяностом вылете. Пилот, подполковник, думал, что скоро, через десять вылетов, вернется в Штаты. Его тоже положили в гроб вьетнамские крестьяне и зарыли на окраине деревни. Место, ставшее его могилой, некоторое время выделялось желтой плесью среди зеленого поля. Выросла новая трава, и из нее теперь только торчала почерневшая под дождями фанерная табличка с именем.

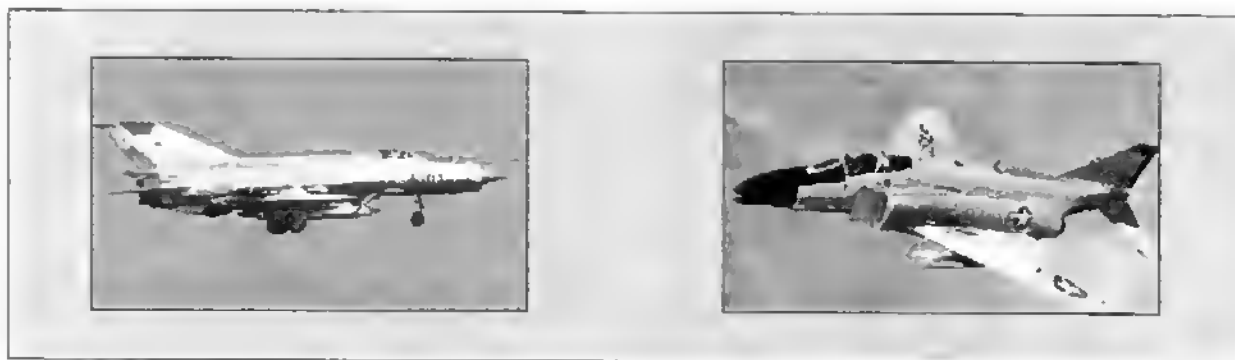
Дети в толстых неуклюжих шляпах (защита от шриковых бомб и осколков своих зениток) плясали тогда на киле «интродера», с обшивки отваливались лепешки хрупкой коפות; дети били палками по двигателю, пока

оттуда не выползла большая тигровая змея. Ребят было человек сорок, вся школа плясала на обломках «американца», а молодая учительница палкой убила змею.

Всех, кто врезался со своими машинами в землю, крестьяне откапывали и хоронили, хотя очень часто от пилота не оставалось почти ничего. При всей горечи по погибшим соотечественникам и при всей ненависти к пилотам, сбрасывавшим на их дома взрывчатку и металл, вьетнамцы оставались людьми, сохраняющими достоинство. «Мы никогда не опустимся до уровня американцев, мы не варвары», — говорили крестьяне и продолжали хоронить пилотов не как мусор, а как людей, и там, где можно было установить имя пилота, записывали его и отмечали место, куда зарыли длинный фанерный ящик со старовьетнамскими иероглифами по бокам...

Публикуется в сокращении

**Бюллетень «Русская Бразилия»
Журнал «Знамя»**

Владимир ИЛЬИН

МИГ-21 ПРОТИВ «ФАНТОМА»

Война в небе Северного Вьетнама стала самым крупным и драматичным воздушным столкновением после 1945 года. С обеих сторон в ней участвовали самолеты десятков типов. Однако главная тяжесть противостояния в воздухе «легла на крылья» двух типов боевых машин, исход схваток между которыми и определял ход борьбы.

С американской стороны основным был истребитель Макдоннел-Дуглас F-4 «Фантом II». Эта тяжелая двухместная двухдвигательная машина (нормальная взлетная масса более 20 т), созданная в 1958 году, первоначально предназначалась для обеспечения противовоздушной обороны американских авианосных соединений. К началу 60-х годов «Фантом II», завоевавший ряд мировых рекордов в скорости, был, пожалуй, самым популярным американским боевым самолетом. К безусловным достоинствам F-4 следовало отнести выдающиеся для своего времени летные характеристики (максимальную скорость 2260 км/ч, практический потолок 16600-17900 м, практическую дальность полета без подвесных баков 2380 км), мощную бортовую обзорно-прицельную радиолокационную станцию (РЛС), а также уникальный комплекс вооружения, включающий ракеты класса «воздух-воздух» малой дальности AIM-9 «Сайдуиндер» (нормальный боекомплект — четыре единицы) и

всеракурсные всепогодные УР AIM-7 «Спэрроу» средней дальности (четыре ракеты размещались на полутопленных в фюзеляже узлах внешней подвески).

Американская морская авиация вступила в войну с палубными истребителями F-4B, в дальнейшем в борьбу включились усовершенствованные палубные самолеты F-4J. ВВС США к началу войны имели истребители F-4C. В ходе войны их дополнили усовершенствованные самолеты F-4D, а на заключительном этапе боев ВВС получили наиболее совершенную модификацию «Фантома» — F-4E.

Главный соперник «Фантома» — фронтовой истребитель МиГ-21 — также был создан в 1958 году. В отличие от американского самолета российская машина, предназначенная для действий над линией фронта, на небольшом удалении от аэродрома базирования, относилась к другой «весовой категории» (нормальная взлетная масса модификаций, применявшихся во Вьетнаме — менее 8 т) и имела значительно меньшую дальность — около 1500 км. Однако по остальным летным характеристикам (максимальная скорость 2175-2300 км/ч, практический потолок — 18 000-19 000 м) МиГ не уступал своему американскому сопернику. Состав вооружения самолетов МиГ-21 был также значительно слабее, чем у «американца», — две (в дальнейшем — четыре) ракеты класса «воздух-воздух» средней дальности Р-3с с инфракрасным самонаведением (советская «пиратская» копия американской УР AIM-9 «Сайдуиндер»), а также одна

МиГ-17 и F-4 в небе над Вьетнамом.
Компьютерный коллаж.

(на ряде модификаций отсутствует) пушка калибром 23 или 30 мм.

В начальный период войны ВВС и войска ПВО Северного Вьетнама располагали лишь 25 дозвуковыми истребителями J-5 (МиГ-17Ф китайского производства), несколькими советскими МиГ-15 бис, а также бомбардировщиками Ил-28. Эти незначительные силы не могли оказать серьезного противодействия американцам, летавшим в небе Вьетнама, как у себя дома. Но с помощью советских и китайских военных специалистов вьетнамцы вскоре выработали тактику использования своих истребителей, позволявшую даже в условиях многократного численного превосходства противника наносить ему ощутимые удары. Небольшие группы МиГов барражировали на малой высоте, вне зоны видимости РЛС противника (американцы использовали самолеты дальнего радиолокационного дозора — прообразы современных «Аваксов», а также посты управления авиацией, размещенные на кораблях, крейсирующих у берегов Северного Вьетнама и имеющих мощные радиолокационные станции). При появлении самолетов противника МиГи неожиданно атаковали его боевые порядки, расстреливая из пушек тяжело груженные бомбами ударные машины.

Первый настоящий бой с участием F-4 состоялся 9 апреля. По американской версии, он протекал следующим образом. В 8 часов 40 минут истребитель ВМС США F-4B, взлетевший с авианосца «Рейнджер», был атакован над морем четырьмя вьетнамскими самолетами МиГ-17. Один из них был сбит ракетой «Спэрроу», однако вскоре другой МиГ зашел в хвост «Фантому» и поразил его очередью из пушки. Экипаж американского самолета — летчик Т. Мэрфи и оператор Р. Фэган — погибли.

Следующий воздушный бой с участием «Фантомов» произошел 17 июня над городом Ниньбинь. В ходе него четыре МиГ-17Ф атаковали противника с задней полусферы с дистанции 100-600 м. Им удалось сбить два F-4B, при этом американцы не проявили особой активности и довольно беспорядочно вышли из боя. Вьетнамцы потеря не понесли, хотя их боевой порядок также был нарушен, а управление звеном утеряно. При возвращении на аэродром два вьетнамских летчика вынуждены были катапультироваться из-за полного расхода топлива, а один МиГ-17 совершил вынужденную посадку на аэродроме Хайфона.

В тот же день открыли свой боевой счет и «Фантомы»: F-4B, стартовавший с палубы авианосца «Мидуэй», сбил над Хайфоном истребитель МиГ-17. 10 июля 1965 года первую победу одержал F-4C из состава ВВС США, сбив два МиГ-17.

В дальнейшем встречи в небе Северного Вьетнама МиГов и «Фантомов» стали обычным явлением.

В целом следует отметить, что, пока на сцену не вышли МиГ-21 и не началось массовое применение зенитных ракетных комплексов С-75, американская авиация в небе Вьетнама вела себя довольно беспечно, не рассматривая малочисленные МиГ-17 как серьезную угрозу.

С февраля 1966 года основными противниками F-4 стали сверхзвуковые МиГ-21Ф-13 (часть из них — чехословацкого производства) и МиГ-21ПФ-В (вариант всепогодного, то есть снабженного радиолокационным прицелом, МиГ-21ПФ в «тропическом» исполнении), так же, как и американские самолеты, оснащенные ракетным оружием — УР Р-3с с ТГС или блоками с 55-миллиметровыми неуправляемыми авиационными ракетами (НАР) С-5. Командование ВВС и ВМС США продолжало возлагать большие надежды на F-4, считая, что мощное вооружение, совершенная бортовая РЛС, высокие скоростные и разгонные характеристики в сочетании с новыми тактическими приемами обеспечат «Фантомам» превосходство над самолетами противника. Первый бой с участием МиГ-21 произошел во Вьетнаме 23 апреля 1966 года и закончился безрезультатно. А 26 апреля «Фантомам» удалось сбить первый МиГ-21, открыв счет в поединке этих истребителей, продолжавшемся на фронтах многих локальных войн на протяжении более чем двух десятилетий.

С мая по декабрь 1966 года США в воздушных боях потеряли 47 самолетов, уничтожив при этом лишь 12 истребителей противника.

МиГ-21 обычно атаковали противника на сверхзвуковой скорости, выполняя ракетный пуск из задней полусферы и быстро отрываясь от возможного преследования. Такой тактике, требовавшей высокой подготовки летчиков и офицеров наведения наземного командного пункта, американцам трудно было что-либо противопоставить. Начали практиковаться также и совместные действия «двадцатьпервых» с МиГ-17, вытеснявшими противника с малых высот на средние, где его атаковали МиГ-21.

Вот как описывает воздушный бой с МиГ-21, произошедший 14 июня 1966 г., капитан Билл Швендер: «Во главе звена F-4C я вылетел с авиабазы Тахли. Вооружение моего самолета состояло из четырех «Спэрроу» и четырех «Сайдуиндеров», под крылом висело два бака, еще один был размещен под фюзеляжем. Дозаправившись над Лаосом от KC-135, мы встретились с тройкой «Тандерчифов», целью которых был аэродром в Плаг Йен (сопровождение этих самолетов являлось нашей

6 августа 1964 г. США начинают военные действия против Вьетнама.

Лейтенант Нгуен Ван Чи и инструктор офицер В.М. Привалов перед вылетом. Фото из журнала «Огонек».

задачей). Вскоре топливо в центральном ПТБ кончилось, и он был сброшен (пустой подфюзеляжный бак создавал сопротивление, что затрудняло совместный полет с F-105). Мы снизились и следовали на расстоянии 1000-1500 м от истребителей-бомбардировщиков, летчики которых вели между собой малопонятные переговоры о чем-то, касавшемся радиоэлектроники. Неожиданно ведущий группы «Тандерчифов» сообщил, что ему угрожает опасность (какая именно, я не успел разобрать). Решив, что речь идет о зенитных ракетах противника, я собирался облететь угрожаемый район справа. Однако после разворота на 180 градусов третий самолет моего звена сообщил: «МиГ, «восемь часов» (способ определения направления на цель, когда ее азимут уподобляется часовой стрелке), приближается к нам!» Быстро развернувшись влево, я оглянулся через плечо и увидел блеск анодированного металла стремительно пикирующего МиГа. Резко отвернув вправо, я сбросил подкрыльевые баки, приготовившись к атаке, однако противник исчез в плотной облачности. Вскоре в направлении «два часа» я увидел МиГ-21, приближающийся к «Тандерчифам». Сообщив о нем командиру группы истребителей-бомбардировщиков и продолжая правый вираж, я начал сближение с противником с таким расчетом, чтобы мой оператор, Дуан Баттел, смог провести его захват радиоприцелом. Вскоре Дуану это удалось, я нажал на гашетку, пустив УР «Спэрроу» и в тот же момент краем глаза заметив на экране РЛС исчезновение отметки цели. Раздался возглас оператора: «Слишком мала дистанция!» В течение считанных мгновений я переключил тип оружия и вновь нажал на гашетку, выпустив в противника «Сайдуиндер», хотя знал, что цель слишком близка, да и ракурс для атаки неподходящий. Ракета прошла над кабиной МиГа, не разорвавшись, но оповестив своим появлением противника о том, что он обнаружен. Вьетнамский летчик, включив форсаж, резко ушел вправо. Видимо, так и не разобравшись, где «Фантом», МиГ-21 стал стремительно набирать высоту, увеличивая дистанцию между нами. Вскоре он стал выглядеть как яркое светящееся пятно на фоне голубого неба – отличная мишень для ракет с ТГС. Запустив второй «Сайдуиндер», я от злости заскрежетал зубами, покаяв, что ракета идет мимо цели, но тут же взял себя в руки и произвел пуск третьей ракеты. МиГ, уклоняясь от ракет, волчком вертепся среди оставляемых им дымных шлейфов. «Дуан, мы снова промахнулись!» – крикнул я в отчаянии своему напарнику, но в этот момент на месте вьетнамского истребителя возник огромный огненный

шар. Уклоняясь от горящих осколков, среди которых падали и целые части крыльев, я отвернул вправо...» Как видим, американским летчикам удалось одержать верх благодаря тому, что они постоянно видели противника, а он не смог их своевременно обнаружить (сказался плохой обзор назад из кабины МиГ-21ПФ).

Всего на первом этапе воздушной войны, с апреля 1965 г. по ноябрь 1968 г., над Вьетнамом было проведено 268 воздушных боев, в ходе которых было сбито 244 американских и 85 вьетнамских самолетов. 46 боев произошло между МиГ-21 и «Фантомами», их итог оказался неутешительным для американских истребителей – потери составили 27 F-4 и 20 МиГ-21.

Убедившись в невозможности за короткое время добиться превосходства над истребителями противника, американцы сосредоточили основные усилия на совершенствовании боевого мастерства своих летчиков. ВВС США организовали специальные курсы переподготовки по программе «Ред Флэг», в ходе которой отрабатывали воздушные бои с эскадрильями «Агрессор», оснащенными истребителями «Нортроп» F-5, имитирующими самолеты МиГ-21. Для летчиков морской авиации по инициативе капитана Фрэнка Аулта в 1969 году также была организована «Школа истребительного вооружения ВМС», известная как школа «Топ Ган» (знакома нам по одноименному фильму с Томом Крузом в главной роли), где в течение пяти недель происходила интенсивная подготовка летчиков в условиях, максимально приближенных к боевым.

В июне 1971 года США возобновили налеты на Северный Вьетнам. Весной 1972 г. США, увеличив состав авиации на ТВД до 1000 боевых самолетов, провели широкомасштабную воздушную операцию «Лайнбэкер»-1, в ходе которой по северовьетнамским коммуникациям и аэродромам было нанесено в общей сложности около 40 хорошо спланированных, мощных бомбовых ударов, значительно ослабивших боевые возможности авиации ДРВ. Вновь разгорелись ожесточенные воздушные бои между «Фантомами» и МиГами.

16 апреля два МиГ-21ПФ вступили в бой с 12 «Фантомами» (оба вьетнамских самолета были сбиты).

27 апреля звено F-4 встретилось с парой МиГ-21 и в завязавшемся бою потеряло один самолет.

6 мая пара «Фантомов» перехватила два истребителя МиГ-17, пытавшихся атаковать штурмовики А-7, один МиГ удалось сбить.

В тот же день звено F-4 вступило в бой с четверкой МиГ-21, при этом по одному из МиГов было выпущено шесть ракет, однако ловкий вьетнамец сумел от них увернуться (лозунг «хочешь жить – умей вертеться» имеет непосредственное отношение к летчикам-истребителям!), последовавшим затем залпом еще трех американских ракет МиГ-21 все же был сбит, но летчик сумел благополучно катапультироваться.

Кульминацией борьбы в воздухе весной 1972 г. стало 10 мая, когда авиация ДРВ выполнила 64 боевых вылета, проведя 15 воздушных боев, в результате которых было сбито семь «Фантомов» (три на счету МиГ-21, три – J-6 и один – МиГ-17). При этом «Фантомам» удалось уничтожить два МиГ-21, два МиГ-17 и один J-6.

В ходе одного из боев 10 мая звено МиГ-17 подняли на деблокирование соседнего аэродрома. МиГи скрытно, на предельно малой высоте вышли на цель и с первой атаки сбили один «Фантом». Вторая пара звена втянулась в маневренный воздушный бой с четверкой F-4, закончившийся потерей одного МиГ-17. Однако втягивание «Фантомов» в воздушный бой позволило под-

нять в воздух с заблокированного аэродрома пару МиГ-21, которые «с горки» на высоте 2 км атаковали пару F-4 и сбили оба «Фантома», израсходовав лишь две ракеты Р-3С.

11 мая пара МиГ-21, игравшая роль «приманки», вывела четверку F-4 на «засаду», состоявшую из двух барражировавших на малой высоте МиГ-21. МиГи стремительно атаковали «Фантомов» и тремя ракетами сбили два самолета противника.

13 июня звено МиГ-21 перехватило группу «Фантомов». Вклинившись в боевой порядок американцев, два вьетнамских истребителя вызвали у противника панику: «Фантомы» нарушили строй и начали беспорядочно маневрировать. В это время вторая пара МиГов выполнила ракетную атаку и сбила два F-4.

18 мая вьетнамская авиация совершила 26 боевых вылетов и провела восемь воздушных боев, стоивших американцам четырех «Фантомов», вьетнамские истребители в тот день потерь не понесли. Во время одного из боев пара МиГ-21 перехватила звено «Фантомов». Ведущий вьетнамской пары, капитан Игы, с полупереворота атаковал и сбил F-4 одной ракетой.

Летом 1972 г. интенсивность воздушных боев пошла на убыль, столкновения в воздухе стали носить более эпизодический характер. Так, 12 июня звено «Фантомов» провело бой с парой МиГ-21 и потеряло один самолет. На следующий день произошло еще два боя, стоившие американцам еще двух F-4 (вьетнамская сторона потерь не понесла).

По американским данным, с июня по сентябрь 1972 года в воздушных боях над Северным Вьетнамом самолеты ВВС и ВМС США уничтожили 17 истребителей противника, в том числе 11 МиГ-21, 4 МиГ-17 и 2 J-6, потеряв при этом 11 «Фантомов» — 9 самолетов ВВС и 2 ВМС.

Причем наиболее результативными оказались, как ни странно, не новейшие F-4E, а более старые F-4D, на счет которых было записано 9 побед в воздухе (7 — над МиГ-21 и 2 — над J-6). F-4J сбили 1 МиГ-21 и 4 МиГ-17, а F-4E — 3 МиГ-21. Ракетами «Спэрроу» было сбито 8 МиГ-21, «Сайдуиндерами» — 3 МиГ-21, 2 J-6 и 4 МиГ-17.

У мемориальной стены с именами американцев, погибших во Вьетнаме.

В результате «воздушного наступления», предпринятого американцами весной и летом 1972 г., к осени на театре боевых действий 360-ти тактическим истребителям ВВС США и 96 истребителям ВМС, большую часть которых составляли «Фантомы» последних модификаций, противостояло лишь 187 истребителей ДРВ (МиГ-17, МиГ-21 и J-6), однако из этого числа только 71 самолет (31 МиГ-21 и 16 МиГ-17) являлся боееспособным.

Всего в 1972 г. между американскими и вьетнамскими самолетами произошел 201 воздушный бой, в результате было потеряно 54 вьетнамских истребителя (в том числе 36 МиГ-21, один МиГ-21УС, 12 МиГ-17 и пять J-6) и 90 американских машин (в том числе 74 истребителя F-4 и два разведчика RF-4C; МиГ-21 уничтожили 67 самолетов противника, на счету МиГ-17 и J-6, соответственно, 11 и 12 «американцев»).

Следует признать, что соперничество МиГ-21 и «Фантома» во Вьетнамском небе завершилось поражением американской машины: истребителям F-4 за весь период боевых действий с 1966 по 1972 г. удалось сбить лишь 54 самолета МиГ-21, за этот же период «двадцатьпервые» уничтожили 103 «Фантома». При этом нужно учесть, что потеря одного американского самолета, как правило, приводила к гибели или пленению двух членов экипажа. Кроме того, «Фантом» обходился американским налогоплательщикам в сумму, в несколько раз превышающую стоимость одного МиГ-21 (если сравнивать в сопоставимых ценах).

В целом самолетам F-4 приходилось решать во Вьетнаме не свойственные им задачи: создававшийся как тяжелый перехватчик, призванный оборонять ударные авианосные соединения от налетов скоростных бомбардировщиков и противокорабельных крылатых ракет, «Фантом» использовался в борьбе за завоевание господства в воздухе, противостоя более приспособленному для этой роли самолету МиГ-21. Поэтому поражение американцев объясняется не ошибками конструкторов фирмы «Макдоннелл-Дуглас», сумевших создать выдающийся для своего времени боевой самолет, а отсутствием у США специализированного легкого истребителя воздушного боя, способного на равных противостоять МиГ-21.

Однако в роли тактического ударного самолета F-4 проявил себя превосходно. «Фантомы» широко привлекались для ударов по особо важным объектам (мостам, электростанциям) и по железнодорожным транспортам противника. Самолеты непрерывно прочесывали коммуникации противника, местами полностью парализуя движение в светлое время суток.

Опыт вьетнамской войны оказал огромное влияние на военное авиастроение как в США, так и в СССР. Американцы отреагировали на поражение «Фантома» в воздушных боях созданием высокоманевренных истребителей четвертого поколения, призванных превзойти МиГ-21 в ближнем маневренном бою. В то же время «универсальный солдат» F-4 оказал влияние и на умы российских авиационных теоретиков, что нашло отражение в модификациях истребителей третьего поколения.

Американский летчик, сбитый над Саварным Вьетнамом.

... Я живу не ожиданием смерти в каждую ближайшую секунду; я живу воскресением, наступающим сразу вслед за секундой предшествующей... Я живу. Я жив. Я еще жив.

Антуан де Сент-Экзюпери «Военный летчик»

ВЬЕТНАМО-СОВЕТСКАЯ ДРУЖБА В ЦИФРАХ

Дружба навек?

Советский Союз для Вьетнама долгие годы являлся главным внешнеторговым партнером и иностранным инвестором, хотя для самого СССР связи с Вьетнамом не играли существенной роли.

До 1991 г. Советский Союз занимал ведущее место во внешнеэкономических связях СРВ (около 65%). На его долю приходились основные поставки во Вьетнам нефтепродуктов, 100% поставок хлопка-волокна, свыше 70% поставок минеральных удобрений, около 75% поставок проката черных металлов.

Доля Вьетнама во внешнеторговом обороте бывшего СССР составляла около 1,5%, однако поставки из СРВ занимали заметное место в общем импорте СССР отдельных товаров. Так, доля Вьетнама составляла 20% в общем импорте джута, 16% в общем импорте натурального каучука, 12% в общем импорте кофе в зернах, 15% в общем объеме импорта хлопчатобумажной пряжи, 9% в общем объеме импорта овощей и фруктов.

Российские специалисты на строительстве Дворца культуры профсоюзов в Ханое.

Производственные мощности, введенные в эксплуатацию при содействии СССР, составляют: по выработке электроэнергии – 1600 тыс. кВт, по производству угля – 7,9 млн. т в год, цемента – 1200 тыс. т, олова – 470 т, фосфорных удобрений и серной кислоты соответственно 320 и 180 тыс. т. Построены ЛЭП протяженностью свыше 2300 тыс. км, созданы и расширены существующие газоснабжающие предприятия по производству чая, кофе и других тропических культур на площади 100 тыс. га, сооружены ирригационные системы на площади 400 тыс. га, осуществлена закладка 90 тыс. га плантаций гевеи.

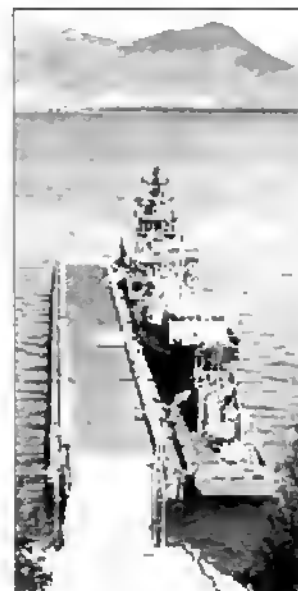
Объем выпускаемой продукции на предприятиях СРВ, построенных при техническом содействии СССР, в начале 90-х годов составлял в общем объеме промышленного производства: электроэнергии – 70,5%, угля – 71,4%, цемента – 45,4%, нефти, суперфосфата и апатитовой руды – 100%, олова – 42%, металлорежущих станков – 100%, чая – 46%, дизельных моторов – 31,7%.

За годы сотрудничества при содействии СССР было подготовлено свыше 190 тыс. вьетнамских специалистов. По разным источникам сейчас в России постоянно проживают от 60 до 80 тыс. вьетнамцев. Из них примерно 40 тыс. приехали в СССР в середине восьмидесятых для работы по контрактам и после истечения срока не вернулись на родину.

За весь период сотрудничества (с 1955 г.) Советский Союз предоставил Вьетнаму государственные кредиты на сумму 16,2 млрд. руб., из которых использовано 12,6 млрд. руб., погашено и рефинансировано основного долга около 2,8 млрд. руб. и списано основного долга на сумму 1,1 млрд. руб.

Общая задолженность СРВ бывшему Советскому Союзу по предоставленным кредитам составляла к моменту распада СССР 9,8 млрд. руб. и 128 млн. долл. Кроме того, за весь период сотрудничества Вьетнаму была предоставлена безвозмездная помощь на сумму около 400 млн. руб.

Вьетнам среди должников России – бывших стран – занимает третье место, уступая Монголии и Кубе. В исчислении на душу населения задолженность перед Россией по отношению к ВВП у Вьетнама равна 5%, а вся задолженность, включая Запад, превышает вьетнамский ВВП на душу населения в 1,2 раза.

Причал в порту г. Камрань, построенный по советскому проекту.

По материалам ИМЭПИ РАН

Ли Куанг Ю

Вьетнам: возвращение в современный мир

Отношения Сингапура с Вьетнамом, который объединился в 1975 году, начались с противостояния. Вьетнамцы ловко эксплуатировали опасения стран АСЕАН и их желание поддерживать дружеские отношения с Вьетнамом. Тон их радиопередач и газетных публикаций был угрожающим. Их лидеры казались мне невыносимыми людьми — они были полны чувства собственной значимости и сравнивали себя с «пруссакми Юго-Восточной Азии». Действительно, они пережили много страданий, вынеся на себе все ужасы, причиненные американской военной машиной, и, проявив огромную выносливость и замечательную изобретательность в использовании американских средств массовой информации в пропагандистских целях, победили американцев. Вьетнамцы были уверены, что смогут победить любую страну в мире, которая напала бы на них, даже Китай. К нам, маленьким государствам Юго-Восточной Азии, они не испытывали иных чувств, кроме презрения. Вьетнам заявил, что установит дипломатические отношения с каждой страной АСЕАН в отдельности, и отказался иметь дело с организацией в целом. Вьетнамские газеты критиковали Филиппины и Таиланд за наличие там военных баз США и говорили о существовании сговора в отношениях между Китаем и Сингапуром.

К 1976 году все более углублявшиеся разногласия в отношениях с Китаем вынудили вьетнамцев послать дипломатические миссии в страны АСЕАН. Во время поездки по странам региона министр иностранных дел Фан Хиен (Phan Hien) говорил о мире. Первоначально он исключил посещение Сингапура из программы своей поездки, но затем изменил свои планы и прибыл к нам в июле 1976 года. Он сказал, что Вьетнам не вмешивался во внутренние дела других стран, но провел различие между народом и правительством Социалистической Республики Вьетнам. По его словам, народ Вьетнама поддерживал справедливое дело народов Юго-Восточной Азии, боровшихся за независимость (под этим он подразумевал коммунистические мятежи), а правительство Вьетнама хотело установить двусторонние отношения с этими странами. Я ответил, что эта дипломатическая казуистика не позволяет нам избавиться от

впечатления, что такой двойной подход представляет собой вмешательство во внутренние дела других государств. Говоря о советской помощи Вьетнаму, я заметил, что великие державы знали, что непосредственно воевать друг с другом было опасно, так что они использовали третьи страны для расширения своего влияния. Разногласия же между странами АСЕАН разрешались внутри этой организации, так что ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты не могли использовать их в своих целях.

Год спустя премьер-министр Фам Ван Донг (Pham Van Dong) также первоначально не включил Сингапур в план своего визита по странам региона, вероятно, чтобы припугнуть нас. Мы не испугались — вьетнамцы пока что не могли причинить нам никакого вреда. Он прибыл 16 октября 1978 года и показался мне высокомерным и недоброжелательным человеком. Вьетнамцы были прекрасными режиссерами. Первым к нам приехал Фан Хиен, чтобы показать нам слащавое, улыбочивое лицо коммунистического Вьетнама. Теперь Фам Ван Донг, пожилой человек в возрасте 72 лет, приехал показать нам, что они были тверды, как сталь. Во время дискуссии, продолжавшейся два с половиной часа, мы расточали любезности и говорили иносказательно, а откровенный разговор между нами начался в машине по дороге из аэропорта.

Я начал с комплиментов по поводу желания Вьетнама работать вместе с нами для укрепления мира, стабильности и процветания. Тем не менее прослушивание передач «Радио Ханоя» и чтение газеты «Няндан» (Nhan Dan) порождало у меня некоторые сомнения: их тон был недружественным, даже угрожающим. Фам Ван Донг ответил, что Вьетнам — социалистическая страна, а он — коммунист, исповедующий марксизм-ленинизм. Он приехал в Сингапур, чтобы вести переговоры в качестве премьер-министра Социалистической Республики Вьетнам. Вьетнам внес свой вклад в дело революции и мира в Юго-Восточной Азии и во всем мире. По его словам, это не должно беспокоить Сингапур. Вьетнам — страна с населением в 50 миллионов человек; это мужественные и образованные люди; страна богата природными ресурсами. И США, и Япония говорили вьетнамцам, что их страна станет экономически сильной, а потому и США, и Япония будут нуждаться в развитии торговых и экономических отношений с Вьетнамом.

После такого уверенного вступления, отвечая на мои вопросы, он заявил, что Пекин подстрекал 140–150 тысяч этнических китайцев, проживавших на севере Вьетнама, покинуть Вьетнам и вернуться в Китай. Он сказал, что вьетнамцы не понимают, почему Китай делал это. Причиной возникновения этих проблем было отношение Китая к Вьетнаму после победы Вьетнама над Америкой. Он сказал, что Китай продолжает свою экспансионистскую политику в отношении Вьетнама. Пекин использовал «красных кхмеров» для организации нападений на террито-

Ли Куанг Ю — премьер-министр Сингапура, один из творцов «сингапурского экономического чуда». Публикуемый текст — фрагмент книги «Сингапурская история: из третьего мира — в первый».

рию Вьетнама и совершения ужасных преступлений. Кампания, развернутая китайским посольством в Ханое, привела к массовому отъезду из Вьетнама людей народности хоа, которые затем получали в Китае специальную подготовку с целью возвращения на вьетнамскую территорию. Китайцы зарубежья всегда чувствовали приверженность к своей родине — это искреннее и достойное уважения чувство, но Пекин играл на этих чувствах.

Я спросил его, станет ли Пекин проводить подобную политику в отношении Сингапура, если откроет в городе свое посольство. Фам Ван Донг ответил, что он так не думает, ибо в планы Китая не входило возвращение на родину всех китайцев, живших за рубежом. Китай предпочитал оставить их там, где они жили и использовать в качестве инструмента своей политики.

Многозначительно посмотрев на меня, он сказал, что проживающие за рубежом китайцы всегда будут поддерживать Китай, так же как проживающие за рубежом вьетнамцы всегда будут поддерживать Вьетнам.

После этого он перешел к экономическим взаимоотношениям, удивив меня заявлением, что Сингапур мог бы внести вклад в восстановление Вьетнама. Когда я мягко возразил, что мы должны получать что-то взамен за наши товары и услуги, он прямо сказал, что экономика Вьетнама была слаборазвитой, а возможности для торговли — ограниченными. В тот же вечер, когда мы прохаживались перед ужином, он снова сказал, что Вьетнаму было нечем торговать, но он нуждался в помощи. Поскольку Сингапур извлекал выгоду из войны во Вьетнаме, продавая американцам военные материалы и сырье, то нашим долгом было бы помочь Вьетнаму. Я был ошеломлен этим высокомерным и воинственным отношением.

Когда на следующий день мы ехали в машине по набережной, он увидел множество кораблей, стоявших в порту. Он снова подчеркнул, что мы извлекли огромную выгоду из войны во Вьетнаме и развивали Сингапур за их счет, так что нашим долгом было помочь им. Я не верил своим ушам и не мог понять, почему мы должны были помогать им, — только ли потому, что они обнищали в результате войны, которую мы не развязывали и в которой не участвовали? Я сказал, что основными военными материалами, которые мы поставляли американским войскам, были ГСМ (горюче-смазочные материалы), продававшиеся американскими и британскими нефтяными компаниями. Прибыль, получаемая Сингапуром от этой торговли, была ничтожна. Он посмотрел на меня скептически. Я сказал, что мы готовы торговать, а не предоставлять безвозмездную

Фам Ван Донг.

Укрепления на вьетнамско-камбоджийской границе.

помощь. Это ему не понравилось, и мы расстались вежливо, но холодно.

Оккупация Камбоджи Вьетнамом стала испытанием солидарности стран АСЕАН в период с 1978 по 1991 годы. После того как 25 декабря 1978 года Вьетнам напал на Камбоджу, министр иностранных дел Сингапура Раджа проявил инициативу и 12 января 1979 года созвал специальную встречу министров иностранных дел стран АСЕАН в Бангкоке. В совместном заявлении они осудили вторжение и призвали к выводу всех иностранных войск из Камбоджи. Приближение вьетнамских войск, наступавших в Камбодже, к границе с Таиландом сделало положение угрожающим, но китайская карательная экспедиция против Вьетнама в феврале 1979 года стабилизировала ситуацию. Вопрос теперь заключался в том, как предотвратить захват режимом Хенг Самрина (Heng Samrin), установленным вьетнамцами в Пномпене, места в ООН, которое занимало правительство «красных кхмеров». Геноцид, развязанный ими против своего собственного народа, привел к возмущению и неприятию правительства «красных кхмеров» во всем мире. Тем не менее если мы хотели помешать Вьетнаму добиться международного признания установленного им марионеточного режима, то у нас не оставалось иного выбора, кроме поддержки правительства «красных кхмеров».

Донесения нашей разведки, подтвержденные Таиландом, показывали, что вьетнамская оккупационная армия численностью 170 000 военнослужащих контролировала все основные населенные пункты и большую часть территории Камбоджи. Вооруженные силы Хенг Самрина, насчитывавшие 30 000 человек, страдали из-за низкого морального духа солдат и дезертирства. Сообщения о растущем сопротивлении населения вьетнамской оккупации поднимали нам настроение. Силы «красных кхмеров» отступили в гористый регион на западе страны, у границы с Таиландом. Для совместной борьбы с вьетнамцами с ними объединились некоммунистические группы сопротивления, которые раньше боролись с «красными кхмерами» под руководством командиров, преданных старому правительству Лон Нола. Наши официальные лица напряженно работали над тем, чтобы заставить принца Сианука и Сон Сена (Son Sann) сформировать с «красными кхмерами» коалицион-

Армия СРВ на марше.

ное правительство, но они оба боялись и ненавидели «красных кхмеров». Потребовался целый год, пока Китаю, Таиланду и Сингапуру удалось убедить Сианука и Сон Сена встретиться в Куала-Лумпуре с «красными кхмерами» для подписания формального соглашения о создании Коалиционного правительства демократической Кампучии (КПДК – Coalition Government of Democratic Kampuchea).

Для Вьетнама формирование КПДК было плохим известием, на которое они отреагировали ядовито, назвав это правительство «монстром, задуманным китайскими экспансионистами и американскими империалистами». Министр иностранных дел Вьетнама неоднократно заявлял, что ситуация в Камбодже являлась необратимой и не подлежала обсуждению. Китай не соглашался с этим, а США поддерживали Китай. По мере того как международная поддержка КПДК возрастала, всякая перспектива признания марionетного вьетнамского режима Хенг Самрина исчезла.

После того как в 1975 году вьетнамцы победили американцев и захватили Сайгон, страны «третьего мира» восхищались ими как героями. Теперь же, захватив своего маленького соседа, они бросили вызов международному сообществу и выступили в роли международных разбойников. Вьетнамцы оказались втянутыми в партизанскую войну, в которой они, как и американцы во Вьетнаме, не могли победить. Они пробыли в Камбодже еще семь лет, до полного вывода войск в сентябре 1989 года, но продолжали политическое вмешательство во внутренние дела страны до заключения Парижского мирного соглашения в октябре 1991 года. Набирая с каждым годом все больше и больше голосов в ООН, мы заставляли Вьетнам чувствовать растущую международную изоляцию. Дэн Сяопин предотвратил возможное нападение на Таиланд, напав на Вьетнам в феврале 1979 года, – цена была заплачена китайской кровью. В 1980 году, в Пекине, Чжао Цзыян (Zhao Ziyang) объяснил мне, что в результате военной операции, проведенной против Вьетнама в 1979 году, Китай вынудил Вьетнам держать 60% своих лучших войск вдоль китайско-вьетнамской границы. Если бы Вьетнам мог использовать эти войска для ведения войны в Камбодже, то следующая международная конференция

по мирному урегулированию проводилась бы уже в Таиланде, а не в Камбодже. Несмотря на огромную цену, которую Вьетнам платил на протяжении 13 лет оккупации Камбоджи, ему так и не удалось превратить ее в своего сателлита. Мы потратили много времени и ресурсов, чтобы сорвать планы Вьетнама в Камбодже, ибо в наших интересах было добиться того, чтобы агрессия никем не рассматривалась в качестве выгодного предприятия.

В 1990 году, на Всемирном экономическом форуме в Давосе, заместитель председателя правительства Вьетнама Во Ван Киет (Vo Van Kiet) попросил о встрече со мной. Он хотел оставить в стороне разногласия между нами и приступить к сотрудничеству. Я посоветовал на то, что, начиная с декабря 1978 года, из-за вьетнамской оккупации Камбоджи, было упущено столько времени. Я подчеркнул, что до тех пор, пока этот конфликт не будет разрешен, какие-либо межправительственные связи невозможны. Киет сказал, что Вьетнам – страна огромных возможностей и что правительство выдало более 100 инвестиционных лицензий зарубежным компаниям. Я ответил, что, независимо от того, выдадут ли вьетнамцы 100 или 1000 лицензий, вьетнамская экономика не начнет бурно развиваться до тех пор, пока США не одобряют выделение Мировым банком льготных кредитов на восстановление Вьетнама, а крупные американские банки не сочтут, что риск, связанный с инвестициями во Вьетнаме, является приемлемым. Тем не менее, как только Вьетнам выведет свои войска из Камбоджи, мы снова начнем с того же самого места, где мы остановились в 1978 году.

В октябре 1991 года Вьетнам и все заинтересованные стороны подписали в Париже соглашение о всеобъемлющем политическом урегулировании в Камбодже. Через неделю Во Ван Киет, теперь уже в качестве премьер-министра, посетил Сингапур. Хотя я уже не был премьер-министром, мы встретились на обеде, который дал в его честь мой преемник, премьер-министр Го Чок Тонг. Когда обед подходил к концу, Во Ван Киет поднялся, подошел ко мне и, пожав мои руки в типичном партийном рукопожатии, спросил, смогу ли я помочь Вьетнаму. Я поинтересовался, чем я могу помочь. Он сказал, что хотел бы предложить мне стать их экономическим советником. Я потерял дар речи. Я был мишенью их язвительных нападок с момента начала вьетнамской оккупации Камбоджи. Придя в себя от изумления, я сказал, что мой опыт был ограничен рамками государства-города и что у меня не было опыта управления такой большой страной, как Вьетнам, с населением 60 миллионов человек. К тому же страна была разрушена войной, в ней сохранялась коммунистическая система, которую следовало трансформировать в рыночную. Он про-

Встреча Во Ван Киета и сенатора Дж. Мак-Кейна. Ханой, 2000 г.

Улицный рынок в Ханое.

должал настаивать на своем и прислал мне два письма, в которых повторил свою просьбу.

После обмена письмами я согласился приехать во Вьетнам, но не в качестве советника, а только для участия в дискуссии и обмене взглядами о путях перехода Вьетнама к рыночной экономике. Когда я посетил Ханой в апреле 1992 года, отношения между нами полностью изменились. Заседания проводились в украшенном орнаментом зале, в центре которого стоял бюст Хо Ши Мина (Ho Chi Minh). Я провел целый день с Во Ван Киетом и командой его министров и официальных лиц. У них было пять основных вопросов, начиная с того, на производстве каких товаров следовало бы сосредоточиться Вьетнаму в ходе своей модернизации, с какими партнерами и на каких рынках работать. Я ответил им, что в самом вопросе отражался образ мышления, воспитанный долгими годами централизованного планирования, ибо они исходили из того, что какие-то определенные товары, рынки или торговые партнеры приведут к трансформации их экономики. Я предложил им изучить опыт Тайваня и Южной Кореи, которые сами преобразовали себя из аграрных государств в новые индустриальные страны. Я сказал, что хорошей стратегией было бы использование Южного Вьетнама, особенно Хошимина (бывший Сайгон), в качестве двигателя экономического роста для всей страны. Коммунистическая система существовала на севере на протяжении 40 лет, а на юге — только 16 лет. Люди на юге Вьетнама были знакомы с рыночной экономикой и могли легко вернуться к старой системе. Наилучшим катализатором развития были бы их эмигранты — вьетнамские беженцы, покинувшие страну после 1975 года, которые успешно занимались бизнесом в Америке, Западной Европе, Австралии и Азии. Я посоветовал пригласить их вернуться и запустить процесс экономического развития на юге Вьетнама, ибо они наверняка захотели бы помочь своим родственникам и друзьям. Мне показалось, что мое предложение понравилось Киету. Он был выходцем с юга, но другие, более высокопоставленные лидеры, хотели, чтобы развитие экономики шло равномерно, — как на юге, так и на севере страны. Невысказанными оставались опасения по поводу того, что эмигранты

принесли бы с собой подрывные идеи, а также могли бы оказаться связанными с иностранными спецслужбами, например с ЦРУ. После десятилетий партизанской войны они подозревали каждого.

Киет прилетел в Хошимин из Ханоя для заключительной встречи со мной. Он попросил меня приезжать ежегодно, сказав, что я оказался настоящим другом, ибо давал искренние и честные советы, как ни больно было подчас их выслушивать. Я пообещал приехать через два года. В течение этого периода времени я пообещал прислать команду специалистов для изучения недостатков развития их инфраструктуры и разработки рекомендаций по подготовке морских портов, аэропорта, дорог, мостов, средств связи и электростанций.

Наши сотрудники считали, что вьетнамцы хотели наладить контакты со мной, чтобы развивать более близкие отношения со странами АСЕАН и чувствовать себя в большей безопасности по отношению к Китаю. Сингапур был самым ярким оппонентом Вьетнама, так что если бы им удалось нормализовать отношения с нами, то зарубежные инвесторы относились бы к Вьетнаму с большим доверием. Мы решили оставить прошлое позади и помочь им приспособиться к рыночной экономике и стать более подходящими партнерами для стран АСЕАН.

В Ханое я попросил о встрече с Фам Ван Донгом. Хотя он уже ушел в отставку, мы встретились с ним в правительственном здании, каменном особняке постройки 1920-х годов, который когда-то был резиденцией французских губернаторов. Он встретил меня у дверей на самом верхнем пролете лестницы. Он был очень слаб, стоять прямо ему давалось с большим трудом, а к креслу, стоявшему поодаль, он подошел неуверенной походкой. Кондиционеры были выключены, так как он не мог переносить холода. Он был очень дряхлым, но говорил твердо и с глубоким убеждением. Он напомнил о нашей встрече в Сингапуре и сказал, что прошлое осталось позади, Вьетнам открывал новую страницу в своей истории. Он поблагодарил меня за дружеское отношение и согласие приехать, чтобы помочь Вьетнаму.

Вьетнамские лидеры впечатляли. Они были серьезными противниками, решительными и сильны-

«Вьетнамский BMW». Хошимин, 1998 г.

ми духом людьми. В своей докладной записке правительству я описал то ужасное состояние, в котором находился Вьетнам, несмотря на то что прошло уже 6 лет после того, как они открыли экономику страны. В 1975 году город Хошимин мог поспорить с Бангком, теперь же (в 1992 году) он отставал более чем на 20 лет. Я чувствовал, что народ утратил веру в своих лидеров, а лидеры утратили веру в свою систему. Тем не менее они были энергичными и образованными людьми, конфуцианцами до мозга костей. Я верил, что в течение 20-30 лет они смогут поправить дела. Каждая встреча начиналась и заканчивалась в точно назначенное время — вьетнамские лидеры были серьезными людьми.

И Киет, и бывший Генеральный секретарь Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Ван Линь (Nguyen Van Linh), которого я встретил в Хошимине, независимо друг от друга сказали мне, что им следовало переобучить свои кадры для работы в условиях рыночной экономики и освободиться от неверных марксистских идей. Из-за серьезной «утечки умов» вьетнамские власти испытывали нехватку подготовленных, обученных людей. Они рассматривали всех иностранцев как потенциальных врагов, о чьей деятельности вьетнамские служащие должны были доносить. Их подходы во многом все еще оставались коммунистическими. Мы обсудили проблему убыточных государственных предприятий. Они хотели приватизировать их или продать рабочим и другим лицам. Я объяснил им, что такой метод приватизации не дал бы им того, в чем они нуждались больше всего, — эффективного управления. Я порекомендовал им, чтобы они приватизировали свои государственные предприятия путем привлечения иностранных компаний, чтобы заполучить знания в области управления и иностранный капитал для внедрения новых технологий. Изменения в системе управления были жизненно необходимы, вьетнамцы должны были работать рука об руку с иностранцами, чтобы учиться в процессе работы. Приватизация предприятий внутри страны, путем продажи их акций собственным гражданам, ничего бы этого не дала.

Мы направили команду специалистов, подготовившую отчет о развитии инфраструктуры, который

Вьетнамские крестьяне. 1998 г.

был принят правительством Вьетнама. Мы создали Фонд помощи Индокитаю (Indochina Assistance Fund) в размере 10 миллионов долларов для технической подготовки их должностных лиц.

Генеральный секретарь КПВ До Мыой посетил Сингапур в октябре 1993 года. Он был поражен высоким качеством зданий и инфраструктуры. Когда он посетил универсам НКПС «Фэйрпрайс», то был впечатлен, как и премьер-министр СССР Николай Рыжков в 1990 году, разнообразием и изобилием потребительских товаров, доступных нашим рабочим. Когда месяц спустя я нанес ответный визит, то узнал от вьетнамских официальных лиц, что их ведомствам были даны указания учиться у Сингапура и везде, где только было возможно, отдавать предпочтение проектам, предложенным сингапурскими инвесторами. Тем не менее, несмотря на то что было подписано немало соглашений, наши инвесторы вскоре убедились в том, что они не выполнялись. Нижестоящие официальные лица использовали эти соглашения для того, чтобы заполучить еще более выгодные предложения от других бизнесменов.

До Мыой был самым влиятельным человеком во Вьетнаме. Крепкого сложения, с большим лицом, широким носом, темной кожей и прямыми волосами, зачесанными на пробор, он выглядел опрятно и аккуратно. В отличие от Киета, который носил пиджачные пары, он носил вьетнамскую версию костюма в стиле Мао. Он не был столь реформистски настроен, как Киет, но не был и столь консервативен, как президент, генерал Ле Дук Ан (Le Duc Anh). Он был арбитром, человеком, поддерживавшим равновесие между двумя крыльями партии.

Когда он спросил меня, как можно было бы увеличить объем инвестиций, я посоветовал ему отказаться от партизанских привычек. Проекты, осуществлявшиеся на юге Вьетнама, которые были одобрены властями Хошимина, затем подлежали одобрению официальными лицами в Ханое, которые мало что знали о местных условиях. Это была пустая трата времени. Затем проекты, одобренные правительством в Ханое, часто блокировались местными властями, исходя из унаследованного со времен партизанской войны принципа, согласно которому верховной властью обладал командир, находившийся на месте.

Встреча До Мыоя и сенатора Кэрра.

Он с болью говорил о тяжелом прошлом Вьетнама: тысяча лет войны с Китаем, затем еще 100 лет борьбы с французским колониализмом и империализмом, затем война за независимость после Второй мировой войны. На протяжении 140 лет вьетнамцы воевали за освобождение своей страны. Нанесенные войной раны были глубокими, промышленность — слабой, технология — отсталой, а инфраструктура — в прискорбном состоянии. Я отнесся к его словам с пониманием, сказав, что война была трагедией и для США, и для Вьетнама. Он вздохнул и сказал, что, не будь войны, Вьетнам был бы развитым, современным государством, как Сингапур. Я заверил его, что, в конечном счете, Вьетнам может добиться большего, чем Сингапур. Не существовало каких-либо причин, по которым мир и стабильность в регионе не могли бы продолжаться на протяжении длительного времени. В течение последних 40 лет Восточная Азия на горьком опыте убедилась, что воевать не имело смысла. В войнах в Корее, во Вьетнаме, в партизанской войне в Камбодже не было победителей — одни жертвы. До Мюи с грустью согласился.

Фактически Вьетнам добился прогресса. В результате расширившихся контактов с иностранцами, лучшей информированности о работе рыночной экономики министры и официальные лица стали лучше разбираться в том, как работает свободный рынок. Увеличилась активность на улицах, стало больше магазинов, появились иностранные бизнесмены и гостиницы — все эти признаки процветания в Хошимине и Ханое были налицо.

Налуганные социальными последствиями «политики открытых дверей» по отношению к внешнему миру, опасаясь потерять политический контроль над обществом, высшее руководство Вьетнама продолжало тормозить либерализацию. В отличие от Китая, в котором большинство мэров и руководителей провинций были молодыми людьми с высшим образованием, высшие руководители вьетнамских городов и провинций, все как один, были бывшими партизанскими командирами. Они были ошеломлены тем, что случилось в Москве и в Советском Союзе, и не одобряли тех социальных зол, которые поразили китайские прибрежные города. Это было не то, за что они воевали.

В 1993 году я предложил Во Ван Киету и его команде позволить молодым людям, предпочтительно имевшим опыт общения с Западом, заняться

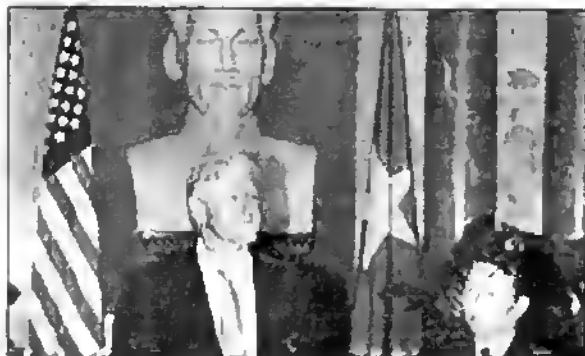

Студентки из Хошимина, 1998 г.

текущим руководством. Они нуждались в людях, которые понимали рыночную экономику и могли работать с иностранными инвесторами. Тем не менее ветераны, которые воевали и победили в войне, находились во главе страны и хотели вести страну по своему пути. Я верю, что, когда власть перейдет к молодому поколению руководителей, вьетнамская экономика станет развиваться быстрее. Важные перемены в руководстве произошли в сентябре 1997 года, когда вице-премьер Фан Ван Кхай стал премьер-министром, а вице-премьер Чан Дык Лыонг (Tran Duc Luong) сменил генерала Ле Дук Ана на посту президента. Это были шаги по передаче власти представителям молодого поколения руководителей, которые больше путешествовали и соприкасались с внешним миром и слишком хорошо знают, как далеко отстал Вьетнам от своих соседей.

В ноябре 1997 года я вновь посетил Хошимин. Страна находилась в подвешенном состоянии. Наши инвесторы в Хошимине и иностранные банкиры были ошеломлены введенным незадолго до того запретом на конвертацию вьетнамских донгов в иностранную валюту. Каким образом они должны были уплачивать свои долги в зарубежных банках, кредиты по текущим счетам, процентные платежи по кредитам, которые они получили в зарубежных банках, чтобы инвестировать во Вьетнаме? Как продолжать бизнес? Министерство торговли и промышленности решительно возражало против этой меры, которая, как оно знало, должна была обескуражить инвесторов, но ничего не могло поделать. Центральный банк Вьетнама и министерство финансов были встревожены валютным кризисом в регионе и беспокоились из-за своих незначительных валютных резервов.

Вьетнамцам потребуется некоторое время, чтобы сбросить с себя коммунистическую смиренную рубашку и начать двигаться свободно и гибко. Но я не сомневаюсь, что, как только это произойдет, вьетнамцы покажут, на что они способны. То умение, с которым они использовали советское оружие, изобретательность, с которой они преодолевали нехватку всего необходимого во время войны, и достижения вьетнамских беженцев в Америке и во Франции являются доказательством их значительных достоинств.

Визит Билла Клинтона во Вьетнам в 2001 г.

Там, где человек страдает, мы — его голос. Перед лицом насилия — мы обязаны возвысить свой голос. И самое важное — наше желание не молчать, но действовать.

Бертран Рассел

Джинетта САГАН, Стивен ДЕННЕЙ

ПЕРЕВОСПИТАНИЕ ВО ВЬЕТНАМЕ: ОДИНОЧЕСТВО, СТРАДАНИЕ И СМЕРТЬ

Необходимые замечания: эта статья, являющаяся сокращенным вариантом отчета, подготовленного Aurora Foundation, была написана в октябре-ноябре 1982 г. для очередного номера информационного бюллетеня «Indochina Newsletter». За прошедшие с тех пор годы многое изменилось. Как известно, большинство бывших южновьетнамских должностных лиц и офицеров было освобождено из лагерей перевоспитания, и многим удалось эмигрировать в США благодаря специальной программе «Humanitarian Operation». Но последствия испытаний, выпавших на их долю, еще долго будут сказываться. Мы надеемся, что эта статья позволит представить вам то, что испытали эти заключенные, а также, в каких условиях содержатся в заключении диссиденты в сегодняшнем Вьетнаме.

В начале 70-х по всему миру прошли демонстрации протеста против политических репрессий в Южном Вьетнаме.

В 1975 году коммунистические силы окончательно завоевали Южный Вьетнам. В июне того же года новый режим отправил за решетку сотни тысяч вьетнамцев, мотивируя это необходимостью их «перевоспитания». Многие из них и по сей день находятся в лагерях, но на этот раз мир глух к их страданиям.

Французские военнопленные в первых лагерях перевоспитания в Северном Вьетнаме. 1956 г.

Слово «перевоспитание» трактуется разными людьми по-разному.

Режимом Ханоя и его громогласными защитниками за рубежом «перевоспитание» считается положительным способом интегрировать прежнего врага коммунистического режима в новое общество. С точки зрения лидеров коммунистического Вьетнама, «перевоспитание» — это акт помилования, так как в лагерь отправляются те, кто заслуживает смертной казни или пожизненного заключения¹. Но с точки зрения бывших заключенных, «перевоспитание по-вьетнамски» имеет совсем другое значение.

«Перевоспитание», осуществляемое во Вьетнаме, является способом мести и изощренно разработанной техникой репрессий и идеологической обработки, которая была придумана и апробирована на Севере в течение нескольких лет и после коммунистического переворота 1975 года распространена на Юг. Но в значительной степени режим потерпел неудачу в попытке переделать личность, потому что идеология, на которой он базируется, недооценивает силу человеческого духа.

В процессе подготовки этой статьи мы взяли интервью более чем у восьмисот бывших заключенных вьетнамских лагерей перевоспитания и изучили всю доступную ханойскую и западную прессу о вьетнамских концлагерях. Картина, появившаяся в результате нашего исследования, — лагеря принудительного и тяжелого труда, в которых царят голод и болезни, где заключенные сурово наказываются за незначительные нарушения лагерных правил, постоянно подвергаются политико-идеологической обработке и принуждены писать длинные «признания» о своих и чужих прошлых «преступлениях».

Количество заключенных в лагерях перевоспитания колеблется в диапазоне от 20000 (по оценке правительства) до 200000².

Нам известно, по крайней мере, о 80-ти лагерях перевоспитания во Вьетнаме (хотя некоторые из них, возможно, были объединены после освобождения части заключенных) и о 100000 человек, все еще находящихся в концлагерях. Среди заключенных — офицеры и правительственные чиновники прежнего режима, врачи, религиозные и политические лидеры, художники, поэты, школьные учителя³.

В этой статье мы начнем с описания начальной системы перевоспитания в Северном Вьетнаме, а затем исследуем лагеря перевоспитания, организованные в Южном Вьетнаме начиная с 1975 г. Мы сосредоточимся на системе лагерей еще и потому, что о тюрьмах, которых гораздо больше, мы имеем гораздо меньше информации.

Прецедент на Севере

По словам Хоанг Сона (Hoang Son), представителя ханойского режима, использование лагерей перевоспитания началось в Северном Вьетнаме с 1961 г., когда Соединенные Штаты и южновьетнамское правительство Нго Динь Дьема (Ngo Dinh Diem) нарушили Женевские соглашения 1954 г. и попытались подстрекать к восстанию «контрреволюционные элементы» на Севере (особенно среди бывших чинов колониальной армии и профранцузского правительства). В числе действий, угрожавших общественной безопасности, Хоанг Сон назвал «экономический саботаж» и покушения на жизнь кадровых партийных работников.

Эти обстоятельства привели к тому, что правительство ДРВ (Демократической Республики Вьетнам) приняло 20 июня 1961 г. Постановление 49-NQTVQH, в котором была поставлена задача изоляции в концентрационных лагерях «контрреволюционных элементов, виновных в действиях, угрожающих общественной безопасности»⁴.

Методы осуществления задач, сформулированных в Постановлении 49, были определены в Циркуляре Совета Министров ДРВ №121-СР от 8 сентября 1961 г. «О концентрации для перевоспитания элементов, опасных для общества». В нем говорилось, что Постановление 49 должно применяться в отношении «всех упорных контрреволюционных элементов, угрожающих общественной безопасности». К «упорным контрреволюционным элементам», указывалось в Циркуляре, «относятся следующие группы:

1. Все бывшие сотрудники разведки и службы безопасности, все чины марионеточной армии и администрации, бойцы разведывательно-диверсионных групп, совершившие многочисленные тяжкие преступления, помилованные Правительством [Ханоя], но упрямо отказывающиеся перевоспитываться и представляющие угрозу для государственной безопасности;

2. Все члены оппозиционных партий и организаций, совершившие многочисленные тяжкие преступления, помилованные Правительством, но упрямо отказывающиеся перевоспитываться и представляющие угрозу для государственной безопасности;

3. Упорствующие элементы из эксплуататорских классов и иные контрреволюционеры, одержимые чувством мести к нашей системе и всегда находящиеся в оппозиции;

4. Все опасные контрреволюционеры, чей срок заключения подходит к концу, но которые отказываются исправляться.

В Циркуляре также была выделена категория «профессиональных негодяев», включавшая воров, сутенеров и «злых хулиганов», неоднократно «подвергавшихся исправлению», но продолжающих «идти по ложному пути»⁵. Очевидно, что термин «профессиональные негодяи» означает уголовных преступников, а термин «упорные контрреволюционные элементы» относится к политическим преступникам (с точки зрения

«Перевоспитание в послевоенном Вьетнаме» Эдуарда Митчелла, Хюен Ван Чина и Тран Ван Фука — фундаментальное исследование о вьетнамских концлагерях.

правительства), и заключенные в тюрьмы и лагеря на этом основании должны расцениваться как политические заключенные.

Следует обратить внимание, что к «профессиональным негодяям» не отнесены наиболее опасные преступники — убийцы. Система перевоспитания, применявшаяся в Северном Вьетнаме с 1961 г. и во всем Вьетнаме начиная с 1975 г., официально рассматривается вьетнамскими коммунистическими лидерами не как наказание, а как форма «восстановления и исправления», при которой вьетнамцы, не соответствующие нормам правительства, лишаются гражданских прав, пока не будет установлено, что они готовы вернуться в общество. Как заявлено в Постановлении 49, «лица, подвергнутые перевоспитанию, не должны рассматриваться как преступники, приговоренные к наказанию, но в период прохождения перевоспитания должны быть лишены всех гражданских прав и привилегий».

Система перевоспитания, согласно Постановлению 49, должна сочетать «производительный труд и политическое образование», и режим должен включать восемь часов «продуктивной работы» в день, два неполных рабочих дня отводятся каждую неделю для «политического образования» с культурными мероприятиями по вечерам. Те, кто нарушает лагерную дисциплину, говорится в Постановлении, в зависимости от серьезности нарушения, «должны подвергаться судебному или административному наказанию».

Постановление 49 определяет срок «перевоспитания» в три года, но с возможностью досрочного освобождения для тех, кто «искренне раскаивается», и увеличением срока для «отказывающихся перевоспитываться». По словам Хоанг Сона, к 1980 году все, кто был интернирован в начале 60-х годов для «перевоспитания», освобождены (но сколько из освобожденных были вновь арестованы?). «Однако, — сказал Хоан, — имеется еще незначительное количество контрреволюционных элементов, арестованных по Постановлению 49 с начала 70-х годов»⁶.

Вьетнамские коммунистические лидеры упорно доказывают, что система «перевоспитания» — гуманная альтернатива для тех, кто заслуживает наказания, но может быть «исправлен». Но из того, что мы сейчас узнали, различие между перевоспитанием и заключением не ясно. Основным отличием, как кажется, является то, что «перевоспитываемый» находится в неопределенном положении и на неопределенный срок, должен заниматься «производительным трудом» и подвергаться идеологической обработке. Если лагеря перевоспитания Вьетнама считаются более гуманными, чем тюрьмы, то это в прямом смысле «меньшее из двух зол».

Перевоспитание с 1975 года

Статья 11 Парижского соглашения 1973 г. гарантировала жителям Южного Вьетнама следующее:

1. Свобода от репрессий и дискриминации в отношении лиц, сотрудничавших с той или иной стороной в период войны.

2. Демократические свободы: такие, как свобода слова, печати, собраний, веры, организаций, места жительства и политических действий.

Парижское соглашение объявляло победу ДРВ и ФНО (Фронта национального освобождения), и пред-

ставители победителей заявили, что некоторые статьи соглашения, включая Статью 11, фактически идентичны заявлениям в декларациях НФО, включая заявление о его создании в 1960 г. Как истинные поборники свободы (несмотря на полицейское государство на Севере), объявив, что Статья 11 находится в полном соответствии с нормами международного права, включая Всеобщую декларацию прав человека, лидеры ДРВ и НФО решительно критиковали южновьетнамское правительство за неуважение к правам человека, упомянутым в Статье 11⁷.

Когда в 1975 г. ДРВ и ФНО начали весеннее наступление с целью захвата Южного Вьетнама, они объясняли это необходимостью «выполнения» Парижского соглашения. Но после установления контроля над Южным Вьетнамом новые лидеры не только не собирались соблюдать права и свободы, перечисленные в Статье 11, но всячески стремились уничтожить их при помощи «диктатуры пролетариата».

Сотни тысяч вьетнамцев, попавших в лагеря перевоспитания начиная с 1975 года, в основном разделяются на две категории:

1) кто был помещен в концлагерь за сотрудничество с врагом в период войны.

2) кто был арестован за попытки осуществить демократические свободы, перечисленные в Статье 11 Парижского соглашения.

Следовательно, действия в отношении обеих категорий заключенных находились в вопиющем противоречии со Статьей 11 Парижского соглашения и нормами международного права.

Регистрация и арест

В мае 1975 г. различным группам вьетнамцев было приказано зарегистрироваться в органах новой власти. Позже, в июне, новый режим выпустил распоряжение о том, чтобы лица, зарегистрировавшиеся в мае, прибыли в различные, определенные властями, места для «перевоспитания». Одни из них, например солдаты, младшие офицеры и мелкие чиновники южновьетнамского правительства, должны были 11-13 июня пройти трехдневную «программу исправления», находясь на пункте перевоспитания днем и возвращаясь на ночь домой⁸.

Другим было запрещено покидать место сбора в течение всего «периода перевоспитания». Однако это не внушало особых опасений, поскольку правительством было создано впечатление, что «перевоспитание» продлится не более месяца для чиновников и офицеров самого высокого ранга и десяти дней для чиновников и офицеров среднего звена.

Эта уверенность основывалась на том, что младшему офицерскому составу южновьетнамской армии (от мл. лейтенанта до капитана), младшим чинам полиции, работникам образования и творческой интеллигенции было приказано прибыть в места сбора, имея с собой «бумагу, письменные принадлежности, одежду, москитные сетки, личные вещи, продовольствие или деньги, достаточные для использования в течение 10 дней с момента сбора»⁹.

Высокопоставленные военные (от майора до генерала) наряду с представителями среднего и высшего чиновничества, члены исполнительных, судебных и законодательных органов, включая всех членов Палаты представителей и Сената, и, наконец, лидеры «реакционных» (т.е. некоммунистических) политических партий Южного Вьетнама должны были прибыть на пункты перевоспитания, имея «бумагу, письменные принадлежности, одежду, москитные сетки, личные вещи, продовольствие или деньги, достаточные для использования в течение месяца с момента сбора»¹⁰.

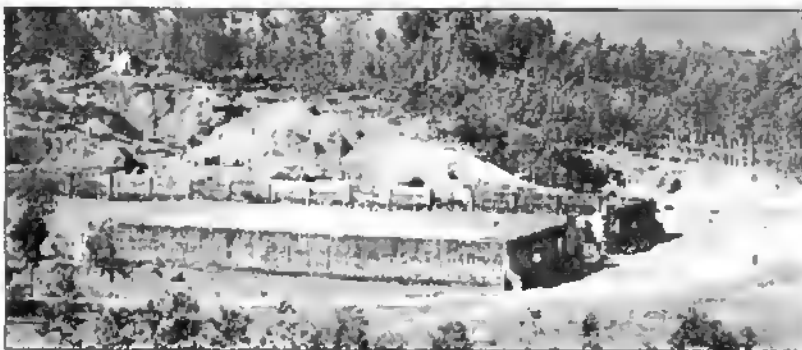
Доктор Тран Ксуан Нинь (Tran Xuan Ninh), педиатр, служивший как медицинский работник в вооруженных силах, был среди тех, кто должен был пройти десятидневный курс перевоспитания. «По сравнению с тем, что ожидалось, — сказал доктор Нинь, — это выглядело слишком хорошо: три дня для перевоспитания солдат южновьетнамской армии, десять дней для младших офицеров и мелких должностных лиц и месяц для высших офицеров и высокопоставленных чиновников».

Многие учителя изъявили добровольное желание пойти на «перевоспитание», понимая, что рано или поздно, так или иначе, им придется пройти через это. Больные люди также соглашались на «перевоспитание», поверив заявлениям властей (ложным), что в местах перевоспитания имеются врачи и средства лечения и ухода и что пациентам гарантируется заботливое обращение¹¹.

Мы увидим, что очень немногие из тех, кто был собран для «перевоспитания» на десять или тридцать дней, были отпущены в пределах этих сроков, а многие и сейчас, семь с половиной лет спустя (статья написана в 1982 г. — прим. пер.), продолжают находиться в лагерях в ужасающих условиях.

Режим Ханоя и его апологеты защищают лагеря перевоспитания, наклеивая на заключенных ярлык «военных преступников».

В Меморандуме Социалистической Республики Вьетнам к Международной Амнистии (Amnesty International) заявлено, что все, находящиеся в лагерях перевоспитания, были виновны в государственной измене, наказание за которую «Закон о контрреволюционных преступлениях» от 30 октября 1967 г. (принятый северовьетнамским правительством) в Статье 3 определяет от 20 лет до пожизненного заключения или смертной казни. Но поскольку режим настолько милосерден, то вместо этого разрешил заключенным пройти «перевоспитание без судебного разбирательства», которое «применяется во Вьетнаме как наиболее гуманная система и наиболее щадящая для нарушите-

Лагерь в провинции Нуу Лок Сон — один из немногих, открытых для посещения иностранными делегациями.

лей закона ... в соответствии с традицией великодушия и гуманизма Вьетнамской нации и самых высоких идеалов человечества»¹².

Таким образом, мы видим, что сотни тысяч вьетнамцев были отправлены в лагеря перевоспитания не за какие-либо конкретные преступления, а за сотрудничество с южновьетнамскими властями в период войны. Это относилось не только к высокопоставленным должностным лицам и военным прежнего режима, но и к обычным людям, типа врачей и медработников, призванных в армию (подобно доктору Ниню), обвиненных в том, что, ухаживая за больными и ранеными, они «укрепляли марионеточные силы».

Выпускники колледжей, в соответствии с законом проходившие военную школу офицеров запаса, были также отправлены в лагеря перевоспитания. Среди отправленных в лагеря в июне 1975 г. было около 400 писателей, поэтов и журналистов и более 2000 религиозных деятелей, включая 194 буддийских, католических и православных священника и монаха¹³. Даже лидеры южновьетнамской оппозиции, такие как Тран Ван Тюен (Tran Van Tuyen) (скончавшийся после трехлетнего заключения), были посланы в лагерь.

Международная Амнистия обратилась к Ханю с заявлением в защиту многих писателей, ученых, священников, правозащитников и других людей, не имевших никакой связи с режимом Тхьеу и не поддерживавших США, но арестованных «спустя месяцы и даже годы после окончания военного конфликта в апреле 1975 г.».

Международная Амнистия полагает, что многие из них были арестованы за «ненасильственное выражение критики коммунистического правительства»¹⁴. При существующей правовой системе во Вьетнаме власти, в случае политических дел, могут задерживать гражданина на срок до 12 месяцев для допроса, без предъявления обвинения или судебного разбирательства.

Некоторые вьетнамцы, например лидеры Объединенной Буддийской Церкви, арестованные в апреле 1977 г., были задержаны «для допросов» на гораздо больший, чем 12 месяцев, срок.

После окончания периода допросов заключенный может быть:

- 1) освобожден с формальным предупреждением,
- 2) отправлен в лагерь перевоспитания в соответствии с Постановлением 49 или
- 3) подвергнут судебному преследованию.

Если суд признает обвиняемого виновным, то согласно законам, принятым северовьетнамским правительством, он будет осужден на срок от двух до 12 лет тюрьмы «за пропаганду политики порабощения и развращенной культуры империализма», от трех до 12 лет — «за попытку бегства из страны» и от 5 до 15 лет — за «подрыв религиозной политики правительства» или «создание разногласий среди различных религий, между верующими и неверующими и между верующими и администрацией»¹⁵.

Би Динь Ха (Bui Dinh Ha), бывший солдат южновьетнамской армии, 25 июня 1981 г. был обвинен в продаже и распространении «реакционных и упадочнических книг». Он был приговорен к пожизненному заключению в соответствии со Статьями 4,7 и 8 Декрета 267, принятого Советом Министров Северного Вьетнама 15 июня 1956 г.¹⁷ (см. статью Стивена Деннея

«Культура и революция» в этом номере журнала — прим. ред.).

Совершенно ясно то, что правительство Ханоя предоставило себе самые широкие полномочия для ареста и заключения и что эти полномочия основаны не на правосудии, а на желании обеспечить безопасность тоталитарного правительства. Именно эти обстоятельства привели к тому, что так много вьетнамцев бежали из страны за последние годы.

Помещение для свиданий в одном из лагерей.

Условия лагеря

Нам известно, по крайней мере, о восьмидесяти лагерях перевоспитания в Северном и Южном Вьетнаме, хотя некоторые из них, возможно, были закрыты или объединены, так как заключенные, у которых мы брали интервью, были освобождены. Часть лагерей располагаются группами по три-четыре, на расстоянии от трех до пятнадцати миль друг от друга. На Юге лагеря располагаются в отдаленных областях джунглей или около «безопасных» деревень (поддерживавших ФНО до 1975 года).

Высокопоставленные военные и правительственные должностные лица прежнего режима Южного Вьетнама в 1976-77 гг. вместе с другими вьетнамцами, представлявшими, по мнению властей, наибольшую угрозу, были помещены в лагеря на Севере, недалеко от китайской границы, но в связи со вспышкой военных действий в 1978 г. отправлены вглубь страны.

По информации Международной Амнистии условия в лагерях меняются в зависимости от их местоположения, состава заключенных и характера администрации лагеря и других факторов¹⁸. В отчете Международной Амнистии за 1978 г. описаны четыре категории вьетнамских лагерей перевоспитания: а) места заключения в городах, где произведено первоначальное задержание; б) лагеря второй категории, где содержатся уголовные и политические преступники, принуждаемые писать признания о своих «преступлениях»; в) лагеря третьей категории, где заключенные содержатся согласно характеру их прошлых преступлений (действительных или мнимых) и г) лагеря для бывших высокопоставленных чиновников и сотрудников разведывательных служб, признанных «чрезвычайно опасными», которые были расположены главным образом к северу от Ханоя¹⁹. В отношении третьей категории лагерей совершенно очевидно, что размещение в них заключенных зависело не от совершенных ими преступлений, а от положения, занимаемого при прежнем режиме.

Так, большинство младших чинов офицерского состава было размещено в лагерях на Юге, в то время как высокопоставленные чиновники, высшие офицеры и должностные лица размещались на Севере страны.

Большинство бывших заключенных, опрошенных нами, сменили три-пять лагерей перевоспитания. По

нашему мнению, перемещение заключенных по лагерям производилось, чтобы скрыть от членов семей репрессированных местонахождение их родных и предотвратить возникновение дружеских отношений среди заключенных или между заключенными и некоторыми охранниками. Часть лагерей находится в ведении армии, часть – органов госбезопасности, некоторые – в совместном управлении.

Мы располагаем тремя источниками, сообщающими об условиях в лагерях перевоспитания:

- 1) официальные сообщения правительства СРВ,
- 2) сообщения иностранцев, посещавших лагерь,
- 3) сообщения бывших заключенных.

Необходимо использовать сведения из всех трех источников, но надо учитывать, что ценность двух первых источников ограничена. Статьи из официальной ханойской прессы, обнаруженные нами, оказались весьма полезны, поскольку в них демонстрировалась система требований, которые предъявляются ханойскими властями к заключенным и их семьям, а также отношение властей к заключенным, но статьи «для иностранного потребления» отличаются недобросовестностью и пропагандой.

Когда иностранные делегации посещают лагерь, заключенных специально предупреждают о том, что следует говорить посетителям.

Имелись случаи, когда около половины заключенных лагеря отправлялась на поля или в джунгли, чтобы избежать их контакта с посетителями. Нам известен случай, когда перед проверяющими роль заключенных «играли» сотрудники органов госбезопасности²⁰.

Также нам стал известен факт сурового наказания заключенного, прочитавшего проверяющей комиссии подготовленное администрацией лагеря заявление по бумаге, а не по памяти²¹.

Однако подобные случаи, как правило, не афишируются большинством подобных делегаций, и это не случайно, поскольку они осматривают только специальные, образцовые лагеря. И так как эти посетители идеологически предрасположены к поддержке режима Ханоя, стремятся улучшить отношения между коммунистическим режимом и Западом, то они, естественно, стараются представить лагерь в лучшем свете – так, словно типичный лагерь – это школа перевоспитания, а не тюрьма. Защищая лагерь перевоспитания, эти посетители поощряют режим Ханоя продолжать свою политику и потому несут ответственность за страдания политических заключенных Вьетнама.

Однако не все комиссии, посещавшие лагерь перевоспитания во Вьетнаме, были настолько близоруки, насколько это было нужно ханойским властям. Среди исключений была комиссия Международной Амнистии, посетившая Вьетнам в декабре 1979 г., и выдающийся ирландский адвокат Дермот Кинлен, работавший во Вьетнаме в апреле 1980 г. Делегация Международной Амнистии, посетив три лагеря перевоспитания и одну тюрьму, отметила, что не может сделать общую оценку условий в лагерях на основании этих посещений²².

Дермот Кинлен отметил, что лагерь, посещенный его комиссией, «были точно теми же, что и осмотренные несколькими месяцами ранее Международной Амнистией». Жаль, что только три лагеря доступны для осмотра». Во всех лагерях, которые комиссия посетила, писал Кинлен, «отсутствовала большая часть зак-

люченных, находившихся, как нам сообщили, на полевых работах». Кинлен также писал, что «как адвокат с тридцатилетним стажем и специалист по пенологии (пенология – наука о наказании. Термин введен юристом Ф. Либбером в 1838 г. – прим. пер.) я убежден, что имеются массовые нарушения прав человека во Вьетнаме. Задержание большого количества людей по сомнительным причинам без судебного разбирательства, принудительный труд и постоянная идеологическая обработка, лишение их поддержки родных и контактов с семьей и друзьями, отсутствие медицинской помощи и неадекватное применение медицинских препаратов, запрещение совершения религиозных обрядов, подмена интеллектуальной деятельности заучиванием специально отобранных текстов пропагандистского характера – все это противоречит правам человека»²³.

Лагерная практика

Хотя, как мы выше писали, условия в лагерях могут несколько отличаться, нам удалось выделить несколько «универсальных» способов подавления личности, характерных для всех лагерей перевоспитания.

Это – постоянная идеологическая обработка и принуждение к написанию «признаний» на ранних стадиях перевоспитания, тяжелый и зачастую опасный физический труд, широкое распространение болезней, вызванных недостатком питания и медицинского обслуживания.

Отличия главным образом касаются различных форм физических издевательств над заключенными, но даже здесь имеются общие моменты, например размещение наказываемых заключенных в оставшихся от американской армии вертолетных металлических грузовых контейнерах или в лишенных света подземных камерах.

На ранних стадиях перевоспитания, длившихся от нескольких недель до нескольких месяцев, заключенные подвергались интенсивной идеологической обработке, в процессе которой «изучались» такие темы, как «эксплуатация американским империализмом рабочих в других странах», «спаса труду», «неизбежная победа Вьетнама, во главе с Коммунистической партией, над США» и «великодушные нового правительства к мятежникам» (т.е. к тем, кто сражался на стороне противника). Всего насчитывалось девять курсов различной продолжительности. Каждый курс начинался с лекций кадрового партработника, продолжавшихся один-два дня, после чего заключенные делились на группы, в которых в течение следующих пяти-семи дней обсуждали прослушанный материал и писали «эссе», суммирующие тему. По свидетельству Нго Трунг Тронга (Ngo Trung Trong), бывшего заключенного лагеря для младших чинов южновьетнамской армии, обсуждения длились четыре часа у-

В лагерном бараке. Рисунок заключенного. Страница отчета Фонда «Аврора».

ром и четыре часа днем. На дневных занятиях от заключенных требовалось повторять содержание лекций²⁴.

Интенсивная идеологическая обработка, включавшая в себя девять «курсов», продолжалась примерно два летних месяца 1975 г.

Идеологическое «промывание мозгов» продолжалось и позднее, но с меньшей интенсивностью. Бывший заключенный южновьетнамского лагеря Ксуен Мок (Хуен Мос) свидетельствовал, что дальнейшая идеологическая обработка состояла в том, что заключенных разделяли на небольшие группы, которые после рабочего дня должны были заниматься взаимной критикой и самокритикой. Подобные «разборы» велись заключенными только в присутствии контролирующей охраны и тут же прекращались, как только заключенные оставались одни²⁵.

Другой особенностью начальной стадии перевоспитания (впрочем, продолжавшейся и в течение всего срока заключения) являлось принуждение узников к написанию «добровольных признаний» в совершенных преступлениях. Отвечая в марте 1981 г. на меморандум Международной Амнистии, правительство СРВ утверждало, что «во всех случаях, касавшихся людей, отправляемых в лагерь перевоспитания, компетентные вьетнамские органы формировали судебный архив, в котором сохранялись запротоколированные сведения о совершенных ими преступных деяниях»²⁶.

Эти «судебные архивы» формировались из полученных под принуждением показаний, в которых заключенный был вынужден обвинять себя и других.

Такие «признания» использовались ханойским правительством в качестве оправдания решений о заключении в тюрьмы и лагеря сотен тысяч вьетнамцев. На них ссылались, как в случае с Международной Амнистией, как на факты признания своей вины самими заключенными.

Конечно, подобные «доказательства» вряд ли способны убедить многих людей за пределами владений Вьетнамской компартии, поскольку ясно, что сложившаяся в стране ситуация дает властям чрезвычайно много возможностей для психологического или физического принуждения заключенных с целью получения «признания».

От всех заключенных в лагерях требуют письменных признаний, независимо от того, насколько тривиальны поступки, объявляемые преступлениями. Почтовым работникам, например, инкриминировалась помощь «марионеточной военной машине» посредством рассылки почты, а деятелей церкви обвиняли в «создании душевного комфорта и моральной поддержке войск врага»²⁷. Офицеру запаса, преподававшему вьетнамскую литературу в средней школе, было предъявлено обвинение в том, что он «ввел в заблуждение целое поколение невинных детей»²⁸.

Помимо «признаний», заключенные должны были регулярно писать автобиографии с обязательным рассказом об имущественном положении. Как сообщил один бывший заключенный, «мы должны были написать историю своей жизни, включая жизнеописание отца, деда, детей, что они имели, включая телевизор, радиоприемник, кинокамеру и т.п. Автобиографии должны были заново писаться каждые две недели, как в тюрьмах, так и в лагерях. Если в них обнаруживались несоответствия, заключенного ждали большие непри-

ятности. В этом случае от заключенного требовали писать биографию по несколько раз в день. Каждая автобиография должна была быть не менее 20 рукописных страниц»²⁹.

После письменных признаний организовывались общественные признания, во время которых заключенные каялись в своих преступлениях перед властями лагеря и другими заключенными.

Лагерная администрация активно поощряла «критику» рассказаний одних заключенных другими. «Это был очень эффективный способ заставить нас ненавидеть друг друга», — рассказывает бывший заключенный. Заключенный, признававшийся в большом количестве «преступлений», удостоивался похвалы властями лагеря как «прогрессивный перевоспитывающийся».

Непрерывное психологическое давление часто приводило к нервным срывам и состоянию невменяемости у многих заключенных. Бывший заключенный, ранее работавший врачом, рассказывал, что неоднократно был свидетелем того, как человек начинал внезапно громко бессвязно вопить. Несмотря на его медицинский опыт, ему запрещали оказывать помощь в подобных случаях³⁰.

Целью этих «признаний» было не только создание чувства вины у заключенного и накопление судебного архива против него, но и выявление тех военных и гражданских лиц, которые еще не попали в систему перевоспитания.

Слава труду

Особое место в лагерях перевоспитания занимал так называемый «производительный труд». По мнению члена ЦК КПВ Хоанг Сона (Hoang Son), такой труд был «абсолютно необходим» для перевоспитания, поскольку «при прежнем режиме они [заключенные] представляли верхние слои общества, разбогатевшие благодаря поддержке США. Они презирали рабочий класс. После свержения прежнего социального порядка и после того, как они закончат процесс перевоспитания, им предстоит зарабатывать на жизнь собственным трудом и жить в обществе, где работа в чести»³¹. Таким образом, «производительный труд» является в глазах вьетнамских правителей необходимым условием изменения социального статуса. Но рассмотрение условий, в которых этот труд осуществляется, свидетельствует о явном присутствии элемента мести.

Лагерный труд — это главным образом тяжелая физическая работа, зачастую очень опасная, например расчистка минных полей. При этом заключенным не полагается никакого оборудования или инструментов, и в результате многие были убиты и искалечены взрывами мин. Другая работа включает корчевание деревьев, посадку кукурузы и корнеплодов, очистку джунглей, рытье коподцев, отхожих мест и мусорных ям, строительство бараков в пределах лагеря и заборов вокруг него. Заключенные организовываются во взводы и бригады, в которых они должны соревноваться друг с другом за лучшие показатели в работе.

Отчет Фонда «Аврора» 1982 г., впервые рассказавший о лагерях перевоспитания.

Это приводило к нервному и физическому истощению, поскольку, по словам бывшего заключенного, «каждый заключенный и бригада должны были перекрыть или, по крайней мере, выполнить нормы, установленные властями лагеря, а в противном случае они квалифицировались как «ленивые» и направлялись на «компенсационные работы» в воскресенье³². Заключенные, систематически не выполнявшие норму, заковывались в цепи и отправлялись в одиночные камеры³³.

Продолжительность работы составляла восемь часов в день, шесть дней в неделю, что кажется не столь уж плохим, если не учитывать того, что заключенные, которых плохо содержат и которые не получают никакого медицинского обслуживания, работают под палящим тропическим солнцем. Слабое здоровье в сочетании с изматывающей работой, идеологической обработкой и принудительными признаниями делают жизнь заключенного во Вьетнаме крайне тяжелой, о чем свидетельствует высокий уровень смертности в лагерях перевоспитания.

Продовольствие и медикаменты

«Мои идеалы, моя слава, мои мечты, моя любовь. Все это теперь — далекие и абстрактные понятия! Реальны только мы, голодные заключенные. Только мечты, чтобы нас кормили так, как кормят скотину. Почему? Все человеческие мечты, увы, уже умерли. Те мечты привели нас в тюрьму. Теперь лишь четыре вещи значимы для нас на земле: рис, маниока, батат, кукуруза. Эти четыре вещи терзают и мучают нас. Они никогда не оставят нас в покое»³⁴.

Как подтвердил в 1980 г. представитель вьетнамского правительства Хоанг Сон, поскольку бедность является серьезной проблемой во Вьетнаме, «ни продовольственное снабжение, ни условия размещения в некоторых лагерях не могут рассматриваться как удовлетворительные». Однако Сон утверждал, что подобные условия «в равной мере разделяются и заключенными, и охраной»³⁵. Бывшие заключенные используют более сильные выражения, характеризуя недостаток продовольствия в лагере, и отрицают существование «равного разделения». Они уверены, что власти преднамеренно держат заключенных впроголодь, чтобы ослабить их способность объединяться и сопротивляться политике лагеря, так как все их мысли будут только о пропитании³⁶.

Поскольку тем, кто направлялся на перевоспитание в 1975 году, разрешалось иметь с собой запас продовольствия на 30 дней, то условия питания можно было назвать нормальными лишь в течение первых нескольких недель, затем они начинали резко ухудшаться. Заключенные, у которых мы брали интервью, сообщили, что в 1976-77 годах типичный рацион заключенного состоял из одной-двух чашек риса без мяса и овощей в день³⁷. В дальнейшем рацион стал еще более скудным, рис был заменен кукурузой и корнеплодами (как правило, маниокой, крахмалистым корнеплодом с низкими питательными свойствами, способным лишь на короткое время заглушить чувство голода). Не считая соли и воды, общий вес продовольствия на одного заключенного составляет от 400 до 500 граммов в день, и к тому же многое из продовольствия — испорчено.

Полностью отсутствуют в рационе животные белки, за исключением редких случаев два-три раза в год (в честь дня рождения Хо Ши Мина, Лунного Нового года или Дня Независимости), когда рацион дополняется несколькими крошечными кусочками мяса³⁸. В подобных условиях все усилия заключенных направлены на поиски пропитания, как это описано в письме, тайно вывезенном из страны:

«В принудительно-трудовом лагере основное — непрекращающееся чувство голода. Единственное, о чем мы в состоянии думать, — это еда!

В первые дни сезона урожая нам позволяют почти насыщаться маниокой и кукурузой. Но это продолжается только несколько дней. В течение этих дней в лагере можно даже увидеть улыбки и сияющие глаза. Но очень быстро администрация лагеря сокращает паек. Улыбки исчезают. Мы вновь чувствуем себя голодными, голодными настолько, что не можем думать ни о чем другом, кроме еды. Многие из нас ловят ящериц для еды, чтобы обеспечить себя белком. Но очень скоро ящерицы истребляются. Я знаю о заключенном, который ночью поймал многоножку на потолке, спрятал под циновкой, а утром изжарил на костре и съел. Он говорил, что это было похоже на жареную креветку. Некоторые придумывают всевозможные приспособления для ловли мышей и птиц, если им удастся что-нибудь поймать, они жарят и едят это, в то время как другие с завистью наблюдают. Другие ловят кузнечиков и сверчков. Если кому-то повезет поймать змею — это праздник. Когда мы разговариваем между собой, то говорим только о еде. Когда мы не говорим о еде, мы думаем о еде. Когда заканчивается завтрак, мы начинаем думать об ужине, ожидающем нас после работы. Чтобы растянуть крохотные порции, мы жуем их очень медленно. Но все равно, мы чувствуем себя еще более голодными. Даже наши сны наполнены мечтами о еде. Некоторые даже шумно жуют во сне...

Мыши, крысы, птицы, змеи, кузнечики должны ловиться и съедаться тайно. Это запрещено, и если охрана прознает об этом, заключенные будут наказаны»³⁹.

Недостаток продовольствия приводит к ослаблению сопротивления организма различным болезням. Наиболее часто в лагерях встречаются малярия, берберии и дизентерия⁴⁰. Широко распространен туберкулез. Медикаменты и медицинское обслуживание практически отсутствуют в лагерях, как правило, в медпун-

«В поисках глотка свежего воздуха». Рисунок заключенного.

ктах работают плохо обученные санитары и иногда – заключенные, ранее работавшие врачами. Результат – высокая смертность от болезней. Заключенный лагерь Дам Дуонг в провинции Ханаминь, например, засвидетельствовал двадцать смертных случаев, включая три смерти от кишечного кровоизлияния, когда заключенные умерли от отсутствия плазмы⁴¹. В лагере Тун Хоа около тридцати заключенных (из пяти тысяч) умерли от болезней только за три месяца 1978 года⁴². Некоторым тяжелобольным заключенным было разрешено обратиться в больницы вне лагеря или вернуться к семьям. Но многие умерли в лагерях, вдали от близких, которых даже не уведомили о смерти. И это несмотря на то, что в Декрете Временного правительства Южного Вьетнама № 02/CS-76 было объявлено, что неизлечимо больным будет разрешено вернуться к семьям. В докладе Международной Амнистии сообщается о нескольких таких заключенных, которым было отказано в возвращении. Одним из них был Труонг Ван Труок (Truong Van Truoc), «скончавшийся в августе 1980 г. от рака желудка в лагере для интернированных лиц 90А TD63/ТС, Doi 11, Тхань Хоа». Другой заключенный, упомянутый в докладе Международной Амнистии, – писатель Хо Хюу Туонг, болевший в течение нескольких месяцев, но отправленный в больницу только 2 июня 1980 г. «Он умер через три недели, а разрешение вернуться к родным было получено им лишь за несколько дней до смерти»⁴³.

Правила и наказания

В приложении к своей книге «Красный Ад, моя любовь» Люсьен Тронг, бывший заключенный одного из лагерей для младших чинов южновьетнамской армии, опубликовал список правил, разосланный, по его словам, во все лагеря. Опрошенные нами другие бывшие заключенные подтвердили, что такие же правила действовали в их лагерях. Поскольку власти стремятся установить полный контроль над мыслями заключенных, то категорически запрещают хранить и читать книги или журналы прежнего режима, упоминать в беседах о жизни «на империалистическом и марионеточном Юге», петь песни старого режима, обсуждать политические вопросы (в отсутствие уполномоченных), а также скрывать «реакционные» мысли и суеверия.

Также запрещено проявлять неуважение и грубость по отношению к властям лагеря, и это правило открывало большие возможности для злоупотреблений, поскольку даже малейшее непочтение к властям лагеря расценивалось как грубость и влекло за собой тяжелые наказания.

Нарушение этих правил ведет к применению различных форм наказания, включающих всевозможные способы связывания в мучительных позах, помещение в тесные контейнеры или камеры без доступа света, дополнительные принудительные работы или уменьшение продовольственного пайка. Многих заключенных избивают, некоторых до смерти, или подвергают изощренным формам наказания из-за садистских наклонностей некоторых должностных лиц лагеря или охранников. Наибольшей жестокостью отличаются охранники лагерей, расположенных в дельте реки Меконг, очевидно, полностью уверенные в своей безнаказанности⁴⁴.

Контейнеры, используемые для наказания, имеют различные размеры, в некоторые плотно заталкива-

лось по несколько заключенных. Часть контейнеров сделана из дерева, но в основном они металлические. Под жарким солнцем контейнеры сильно нагреваются, и находиться в них становится невыносимо, заключенные теряют сознание и даже умирают⁴⁵.

Камеры-одиночки также широко распространены в лагерях, так, например, в лагере Джиа Рей заключенные попадали в них на десять дней за незначительные провинности, на пятнадцать за «реакционные заявления» и на один год (или до смерти) за попытку к бегству. Заключенные в таких камерах вынуждены есть, спать и справлять физиологические потребности, будучи прикованными к стене⁴⁶. Заключенным в одиночках лагеря Хам Там (провинция Тьянхай) на ноги надевались тяжелые деревянные колодки.⁴⁷ В лагере, расположенном в Нге Тинь, района Тханчунг провинции Нге-тинь, некоторым заключенным в одиночных камерах настолько сильно связывали веревками руки и ноги, что у них начиналась гангрена, приводившая к потере конечностей и смерти⁴⁸.

В качестве мест наказания используются ловчие ямы и заброшенные колодцы. Заключенный лагеря Лонг Кхань (южный лагерь для офицеров и чиновников) был брошен в высохший колодец за то, что пел в Сочельник 1975 года песенку «Тихая ночь»⁴⁹. В лагере Бен Гиа глубокие рвы, вырытые заключенными, назывались «живыми могилами». Брошенные в эти рвы узники получали в день одну чашку риса или сорго и одну чашку воды⁵⁰.

О других формах пыток свидетельствовал бывший заключенный лагеря Дам Дуонг, в котором находилось около 1000 узников, в том числе 200 монтаньаров (вьетнамских горцев):

1. «Хонда»: заключенного подвешивают к потолку за связанные вместе руки и ноги, лицом вниз, и, сильно раскачивая, бьют палками, пока заключенный не начнет извергать рвоту.

2. «Автомобиль»: большие пальцы рук заключенного связываются за спиной, причем одна рука вывернута поверх плеча, другая – от пояса. В другой «версии» этой пытки пальцы ног заключенного привязываются к двум средним пальцам вытянутых рук. Заключенный мог быть оставлен в таком положении на несколько недель и даже месяцев.

3. «Самолет»: заключенный привязывался к деревянному колу, стоящему вертикально, или укладывался на цементный пол, на срок от нескольких дней до нескольких недель, в зависимости от тяжести «проступка». После окончания подобного наказания большинство заключенных долго не могли передвигаться самостоятельно⁵¹.

Случай применения пытки «самолет» описал в своей книге «Воля Небес» Нгуен Нгок Нган. Этот случай произошел в мае 1977 г. в лагере Бу Джиа Мап, расположенном недалеко от камбоджийской границы.

Различные способы пытки связыванием. Страница отчета Фонда «Аврора».

Заключенный по имени Тру, увидев, что охранники используют государственный флаг Южного Вьетнама как половую тряпку, пришел в негодование и, вырвав из рук охранника флаг, возмущенно протестовал против его осквернения. На следующий день Тру предстал перед «народным судом», состоявшим из руководства лагеря. Но вместо ожидаемого «раскаяния» Тру продолжал восхвалять флаг и ругать коммунистов. Возбешенный начальник лагеря приказал привязать Тру к врытому в землю деревянному столбу под открытым небом на три месяца. Заключенному заткнули рот и, стянув руки за спиной телефонным проводом, тем же проводом привязали к столбу. К концу первого дня провод глубоко врезался в распухшее тело. Вынужденный находиться целыми днями с непокрытой головой под жарким солнцем и без укрытия холодными ночами, мучимый москитами, к концу второй недели Тру тяжело заболел малярией. Через месяц, во время визита вышестоящего начальства, Тру был отвязан от столба, и ему был предоставлен еще один шанс раскаяться. Но Тру от раскаяния отказался и на следующий день был увезен из лагеря в неизвестном направлении⁵².

Случаи насилия над заключенными подтверждает и Ханой, хотя утверждает, что эти отдельные случаи не показательны для общей политики перевоспитания⁵³. Со своей стороны, бывшие заключенные сообщают о частых случаях избиения за незначительные проступки, например за невыход на работу по болезни. В некоторых случаях заключенные избивались до смерти, например полковник Фам Би Хам. Обвиненный в помощи при организации побега других узников, он был жестоко избит палками перед строем заключенных и оставлен без медицинской помощи, что привело к его смерти⁵⁴.

Другой узник, бывший офицер южновьетнамской армии, находясь в горячечном бреду, оскорблял лидеров КПВ и был насмерть забит цепями⁵⁵.

Заключенные, пойманные при попытке к бегству, как правило, подвергались смертной казни. В некоторых случаях пойманные заключенные представляли перед «народными судами», а затем были публично казнены на глазах у других узников⁵⁶.

Самоубийства являются довольно частым событием в лагерях. В одном из лагерей бывший фармацевт закончил свое письмо к жене просьбой молиться за его освобождение. Письмо, попавшее в руки начальника лагеря, было прочитано перед всеми заключенными, а сам автор — подвергся издевательствам и

ночным допросам, пока не покончил с собой. Его семье не было сообщено о смерти⁵⁷.

Заключенные и их семьи

Посещения заключенных родными и близкими важны не только для моральной поддержки находящегося в заключении, но и потому, что члены семьи могут приносить продовольствие своим родственникам в лагерях. Сообщалось, что заключенные не могут выжить в лагерях без продуктовых передач⁵⁸. Однако правительство не разрешает частых посещений. С 1980 года, согласно официальной инструкции, заключенные в лагерях имеют право на одно посещение в три месяца⁵⁹.

Продолжительность посещения незначительна и длится от 15 до 30 минут⁶⁰. Кроме того, заключенный может быть лишен свидания, если администрация лагеря сочтет, что он нарушает правила, также было объявлено, что только семьи, доказавшие свою лояльность новому режиму, имеют право на посещение заключенного родственника⁶¹.

В своем Меморандуме правительству СРВ Международная Амнистия выразила беспокойство по поводу того, что право заключенного на свидание зависит от его поведения и «прогресса в перевоспитании», и подчеркнула, что «права заключенного на свидание и переписку должны быть неприкосновенны и не ограничены условиями, кроме случаев серьезных нарушений лагерной дисциплины, и только на определенный срок»⁶². Там же отмечено, что если заключенному «не позволены свидания с адвокатом или родственниками, то тюремное руководство чувствует безнаказанность при грубом обращении с заключенным, зная, что никто не сможет обнаружить признаков физического или умственного ухудшения»⁶³.

Считается, что семьи заключенных ответственны за его действия до 1975 года. Согласно ханойскому представителю Хоанг Сону, 1,3 млн. вьетнамцев были частью военного или административного аппарата Южного Вьетнама, членами «так называемых» политических партий или массовых организаций, которые, по словам Сона, контролировались американцами. На основании этой оценки, а также исходя из расчета, что в среднем вьетнамская семья состоит из пяти человек, Сон заключает, что около 6,5 млн. вьетнамцев «скомпрометировали себя» связями с антикоммунистическим режимом Южного Вьетнама⁶⁴.

В результате такой логики не только заключенные, но и члены их семей испытывают дискриминацию в доступе к здравоохранению, занятости и высшему образованию⁶⁵.

Одним из способов «искупления» членами семей заключенных их прошлых поступков было написание многочисленных писем в лагеря с призывами к близким «активно заниматься программой перевоспитания, отдавая себя целиком»⁶⁶. Также семьи заключенных в лагеря перевоспитания постоянно подвергались давлению с целью вынудить их, для подтверждения лояльности, переезжать в «новые экономические зоны»⁶⁷. Некоторым семьям не продлевали продовольственные карточки до тех пор, пока они не давали согласия на переезд в эти зоны⁶⁸.

Официально было объявлено, что новые экономические зоны организуются с целью увеличения про-

Камера-одиночка, вырубленная в скале. Лагерь Зам Нуг.

изводства продовольствия, но фактически это были гетто, расположенные в малярийных районах джунглей, с землей, не пригодной для сельского хозяйства.

Жизнь в этих зонах мало чем отличалась от пребывания в лагерях перевоспитания с их изолированностью и тяжелыми условиями.

Тысячи вьетнамцев бежали из новых экономических зон обратно в города, превращаясь в бомжей, которым не полагалось от государства ни продовольствия, ни работы, ни жилья. В 1980 г. в одном только Сайгоне насчитывалось от 15-ти до 20-ти тысяч таких бесправных людей⁶⁹.

Чтобы добиться освобождения родных из лагерей, властями было рекомендовано членам их семей передать все свое имущество государству и активно работать сверхурочно⁷⁰.

Политика освобождения

Политика освобождения заключенных из лагерей перевоспитания во Вьетнаме — это длинная череда нарушенных обещаний.

Само существование подобных лагерей — нарушение 11 Статьи Парижского соглашения, со всей определенностью запрещающей подобные действия.

Другим нарушенным обещанием стал отказ в освобождении через 30 дней тех, кто был отправлен на «перевоспитание» в июне 1975 г., как это было сообщено Временным революционным правительством. В одном из своих последних постановлений в июне 1976 года ВРП объявило о продлении срока перевоспитания до трех лет. Но и это обещание было нарушено.

По утверждению вьетнамского правительства, около миллиона вьетнамцев было перевоспитано и «возвращено обществу», начиная с 1975 г.

Однако это противоречит другому официальному сообщению Ханоя, в котором говорится, что 40000 вьетнамцев прошло через лагеря с 1975 г. и 26000 еще находилось в лагерях к 1980 году⁷¹.

Так что если мы примем эти цифры всерьез и попытаемся их согласовать, то должны предположить, что один миллион — это общее количество «перевоспитываемых», включая тех, кто проходил перевоспитание днем, возвращаясь на ночь домой, а число 40000 относится к отправленным в отдаленные лагеря на длительные сроки. В отношении последних мы должны учесть, что, по оценке иностранных наблюдателей, число содержащихся в лагерях с 1975 года немного выше и составляет примерно 300 тысяч человек⁷². По нашим оценкам, (в 1982 году) около 100000 вьетнамцев все еще находится в лагерях. К сожалению, мы даже приблизительно не можем оценить количество диссидентов, находящихся в многочисленных тюрьмах Вьетнама.

По сообщениям официальной вьетнамской прессы можно предположить, что массовые освобождения заключенных начались уже в конце 1975 года: 6 января 1976 года правительственная газета «Сайгон Джай Фонг» («Saigon Giai Phong») («Освобожденный Сайгон»), издаваемая в Хошимине, объявляя об освобождении сотен заключенных, писала: «Это уже 21 случай, когда обучающая секция Комитета военного управления позволяет тем, кто делает успехи в перевоспитании, возвращаться к их семьям». Предположив, что в каждом из этих случаев освобождались «сотни заключенных», грубо можно оценить количество освобож-

денных в конце 1975 г. в пределах от 4000 до 10000 человек.

В статьях, опубликованных «Сайгон Джай Фонг» в августе, сентябре и декабре 1975 года, перечислялись категории заключенных, в отношении которых могло быть применено освобождение. В номере за 24 августа сообщалось, что право на освобождение имеют заключенные, чьи близкие родственники (родители, супруги, родные братья и сестры) являются профессиональными революционерами или «людьми, активно способствовавшими делу революции», а также «научно-технические специалисты, не совершившие тяжких преступлений» и не являющиеся членами антикоммунистических партий и организаций. 7 сентября в статье, напечатанной в той же газете, добавлялось еще несколько категорий заключенных, имеющих право на освобождение: старики, тяжелобольные люди и беременные женщины. Однако, как и в отношении других категорий, подчеркивалось, что прежде всего заключенные должны продемонстрировать «прогресс» в перевоспитании и раскаяние «в прошлых ошибках», а также не совершать «преступных действий» против революции в период до 1975 года⁷³. Подобные расплывчатые формулировки не давали никаких гарантий на освобождение любой из вышеперечисленных категорий заключенных.

В Заявлении от 25 мая 1976 года № 02/CS-76, подписанном Президентом Хюнь Тан Фатом, утверждалось, что дела 95% граждан, из тех, кто проходил процесс перевоспитания, «закончены рассмотрением и им восстановлены их гражданские права», чтобы они могли принять участие в апрельских выборах. Поскольку

Бывшие офицеры южновьетнамской армии, освобожденные из лагеря. Хошимин, 1999 г.

ранее в официальных сообщениях фигурировало число в один миллион «перевоспитываемых», то можно сделать вывод, что около 50-ти тысяч человек к лету 1976 года продолжали оставаться в лагерях.

В том же Заявлении было сказано, что оставшиеся в лагерях будут находиться в них в течение трех лет, но могут быть освобождены раньше, если будет установлен «реальный прогресс в их перевоспитании и активное признание своих преступлений и действий». Также сообщалось, что ряд граждан будет подвергнут судебному преследованию, в том числе те, кто дезертировал из отрядов ФНО в годы войны, те, кто имеет «долг крови», и те, кто «бежал за рубеж вместе с американскими хозяевами»⁷⁴.

Насколько нам известно, никаких судебных разбирательств не проводилось или о них не сообщалось. При этом заключенные в лагерях не были освобождены по прошествии трех лет. Основанием для этого вьетнамские власти считают обострение отношений с Китаем, а также то, что вместо Декрета Временного правительства Южного Вьетнама от 1976 г. ныне действует Решение № 49 1961 года, устанавливающее срок заключения в лагерях более чем на три года. По словам Хоанг Сона, Решение 49 устанавливает новый трехлетний срок заключения для тех, кто недостаточно перевоспитался в течение первых трех лет⁷⁵. Мы можем предположить, что многие заключенные отбывают уже третий трехлетний срок с момента своего первоначального ареста.

По мнению Международной Амнистии, «основанием для длительного заключения этих людей являются не их прошлые преступления, а ложно понятые принципы национальной безопасности. То, что происходит с ними, — это административный арест без судебного разбирательства»⁷⁶.

Поскольку отсутствуют ясные критерии для освобождения, то естественно, что взятки и «телефонное право» надежнее обеспечивают освобождение, чем «правильное» поведение заключенного.

Освобожденные из лагерей в период прохождения испытательного срока (длящегося от 6-ти месяцев до года) не имеют никакого официального статуса, не имеют права на выездные визы, на гарантированный государством продовольственный паек (карточки) и обучение детей в школах⁷⁷. Если «социальный прогресс» бывших заключенных будет оценен как неудовлетворительный, они могут быть уволены с работы, помещены под усиленное наблюдение еще на полгода или отправлены обратно в лагерь⁷⁸. Как свидетельствует высокопоставленное вьетнамское должностное лицо, приблизительно 60% освобожденных были вновь арестованы⁷⁹.

Международная Амнистия обратилась к Ханю с просьбой об отмене Решения 49 и системы лагерей перевоспитания во Вьетнаме. Нет сомнений в том, что подлинный мир и согласие во Вьетнаме не могут быть достигнуты путем принуждения людей к восхвалению коммунистического режима или к «раскаянию» в том, что они были в оппозиции к КПВ. Нельзя не согласиться со словами лидера Фронта национального освобождения Вьетнама Нгуена Ван Тхиеу (ныне министра культуры СРВ), сказанными им в 1973 году: «...Демократические свободы, фундаментальные права человека являются горячими устремлениями всех социальных слоев, всех политических и религиозных сил на Юге

Вьетнама. Только полное и всеобщее осуществление демократических привилегий может служить основанием для реализации национального примирения и согласия, урегулирования внутренних дел на Юге Вьетнама и осуществления права южновьетнамского народа на самоопределение»⁸⁰.

Мы призываем вьетнамское руководство сделать эти слова реальностью во Вьетнаме сегодня.

Источники

¹ Ответ правительства СРВ Международной Амнистии (март 1981 г.), опубликован в Докладе МА о миссии во Вьетнаме, июнь 1981 г., с. 42.

² Far Eastern Economic Review, August 6, 1982.

³ См. ежегодные отчеты, публикуемые Международной Амнистией.

⁴ «Какие права человека?». Ханой, 1980, с. 86.

⁵ Перевод этого документа опубликован в приложении к докладу о правах человека во Вьетнаме, подготовленном Стивенном Янгом для Нью-Йоркской Ассоциации юристов, 1978 г.

⁶ Там же.

⁷ См. Indochine Newsletter No. 1 (октябрь 1979 г.).

⁸ 6/10/75 Saigon-Gia Dinh, Коммюнике Военного Управления.

⁹ 6/20/75 Saigon-Gia Dinh, Коммюнике Военного Управления.

¹⁰ 6/11/75 Saigon-Gia Dinh, Коммюнике Военного Управления.

¹¹ Из выступления доктора Нинха на конференции Международной Амнистии, сентябрь 1982 г.

¹² Ответ правительства СРВ Международной Амнистии, (март 1981 г.), опубликован в Докладе МА о миссии во Вьетнаме, июнь 1981 г., с. 42.

¹³ Nguc Tu Lao Dong Vietnam, Париж 1977, цитируется Стивенном Янгом в докладе к Нью-Йоркской Ассоциации юристов, 1978 г.

¹⁴ Amnesty International Report 1981 г., p. 272.

¹⁵ AI Report on Mission to SRV, p. 9.

¹⁶ Закон о контрреволюционных преступлениях, (статьи 9, 12, 15), первоначально принятый правительством Северного Вьетнама в 1967 г., стал законом для всего Вьетнама после 1976 г.

¹⁷ Материалы процесса над Бу Динь Ха опубликованы в правительственной газете Saigon Giai Phong 11, 25 и 26 июня 1981 г.

¹⁸ Amnesty International Annual Report 1978, p. 196.

¹⁹ Там же.

²⁰ Интервью с бывшими заключенными. (Сведения о всех заключенных, у которых мы взяли интервью при подготовке этого материала, сохраняются в тайне в целях их безопасности).

²¹ Newsweek, 26 июня, 1978.

²² AI Report on Mission to SRV, p. 13.

²³ Report on the Re-education Camps and Prisons in Vietnam, by Dermot Kintlen, June 1981, pp. 4, 6.

²⁴ Курсы идеологической обработки были описаны бывшим заключенным Нго Тунг Тронгом в его неопубликованной рукописи «Вьетнамский лагерь перевоспитания», а также бывшим заключенным Нгуенан Нгок Нганом в его книге «Воля небес» (Dillon, 1982, p. 123, и «Вашингтон Пост», 4/30/78, «Нью-Йорк Таймс», 8/29/78 и заключенными, у которых мы брали интервью).

²⁵ New York Times, 8/14/81.

²⁶ Report of AI Mission to SRV, p. 42.

²⁷ Washington Post, 4/30/78.

²⁸ Nguyen Ngoc Ngan «The Will of Heaven», p. 112.

²⁹ «They Were US, Were We Vietnamese», by Theodore Jacquenay, Worldview, April, 1977.

³⁰ Там же.

³¹ Хоанг Сон «Лагерь перевоспитания и права человека» в книге «Какие права человека?», Ханой, 1980, с. 97.

³² Washington Post, April 30, 1978.

³³ Анонимное интервью.

³⁴ Nguyen Chi Thien, поэма «Tu Chuong Tren Doi».

- ¹⁵ «Какие права человека?», Ханой, 1980, с. 99.
¹⁶ См., например, статью «Пытка голодом» Као Нгок Фуонг, члена Вьетнамской буддийской мирной делегации в Париже. Госпожа Фуонг считает, что пытка голодом начала применяться в Северном Вьетнаме уже с 1956 г.
¹⁷ New York Times, 11/11/76, 2/12/77; Worldview, April, 1977; Christian Science Monitor, 5/4/77.
¹⁸ Анонимное интервью.
¹⁹ «A Form of Torture: Food Deprivation», by Cao Ngoc Phuong.
²⁰ Washington Post, 4/30/78.
²¹ Анонимное интервью.
²² Там же.
²³ Report of AI Mission to SRV, p. 38.
²⁴ Анонимное интервью.
²⁵ Анонимное интервью.
²⁶ Анонимное интервью.
²⁷ Анонимное интервью.
²⁸ Анонимное интервью.
²⁹ The Will of Heaven, pp. 137-142.
³⁰ Анонимное интервью.
³¹ Анонимное интервью.
³² The Will of Heaven, pp. 240-246.
³³ «Какие права человека?», с. 98.
³⁴ The Times, 10/25/78.
³⁵ Из выступления доктора Ниня на конференции Международной Амнистии, сентябрь 1982 г.
³⁶ См. пример такого судебного разбирательства в «The Will of Heaven» pp. 116-118.
³⁷ Из выступления доктора Ниня на конференции Международной Амнистии, сентябрь 1982 г.
³⁸ New York Times, 8/14/81.
³⁹ Report of AI Mission to SRV, p.14.
⁴⁰ The Oregonian, 12/6/77; The New York Times 8/14/81.
⁴¹ The Oregonian, 12/6/77.
⁴² Report of AI Mission to SRV, p.14.

- ⁴³ Там же.
⁴⁴ «Какие права человека?», с. 81.
⁴⁵ Сообщения Государственного департамента Конгрессу США относительно прав человека. 2 февраля 1981 г.
⁴⁶ Gial Phong, 6/11/75..
⁴⁷ Saigon Gial Phong, June 16 & 18, 1975.
⁴⁸ New York Times, 2/12/77.
⁴⁹ The Asian Wall Street Journal Weekly, Hong Kong, 6/16/80 and 6/23/80.
⁵⁰ Анонимное интервью.
⁵¹ Использованы данные, предоставленные Международной Амнистии в декабре, в Дермоту Кинлену — в апреле 1980 г.
⁵² В Докладе Международной Амнистии 1979 г. утверждает-ся, что число политических заключенных «гораздо выше», чем официальное количество в 50000, и сообщается, что, по оценкам иностранных источников, количество заключенных во Вьетнаме составляет «от 50000 до 80000» (Le Monde, 4/19/78); 150000 (Reuter); «от 150000 до 200000» (Washington Post, 12/20/78) и 300000 (France Presse, 2/12/78).
⁵³ PRGRSV No. 02/CS-76.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ «Какие права человека?», с. 90.
⁵⁶ AI Report on Mission to SRV, June 1981.
⁵⁷ Far Eastern Economic Review, August 6, 1982.
⁵⁸ PRGRSV No. 02/CS-76.
⁵⁹ Хоанг Бич Сон, министр иностранных дел СРВ.
⁶⁰ «Парижское соглашение по Вьетнаму. Основные юридические проблемы». Ханой, 1973, с. 128.

Перевод с английского:
Владимир ХОЛМОГОРСКИЙ

Эжен ИОНЕСКО

ПРОТИВОЯДИЕ ПРАВДЫ

В парижской газете «Монд» можно прочитать репортаж специального корреспондента этой газеты во Вьетнаме. Речь идет о лагерях, но не концентрационных, а *перевоспитания*. В них направляются и содержатся (некоторые с июня прошлого, 1975-го, года) чиновники бывшего режима, офицеры, младший командный состав, партизаны, американцы.

Ответственные лица, как подчеркивает корреспондент «Монд», утверждают, что в этих социалистических лагерях «особое внимание уделяют тому, чтобы не унижать достоинство заключенных», последние же пребывают в бодром настроении и охотно участвуют в учебном процессе. Журналист вроде бы задавал вопросы заключенным. Один из них, офицер высокого ранга, отвечал на вопросы «свободно» и утверждал, что доволен условиями содержания.

Заключенных, или скорее *воспитуемых*, ибо они как бы и не являются заключенными, в этих лагерях насчитывается около 200000, сообщает редактор «Монд». Читая репортаж внимательно, можно заметить, что там есть еще тысяча сто человек, итого 300000.

Я рассказываю об этой статье Г. С., приехавшему из Германии. Он отвечает, что в немецкой социал-демократической или левой прессе видел репортажи, подобные

этому, да плюс к тому еще и фотографии, на которых воспитуемые все улыбаются, вид имеют здоровый и одеты все чисто и «достойно».

Я помню, как во время войны мы в оккупированной Франции читали очень похожие репортажи и видели на картинках иллюстрированных журналов того времени концентрационные лагеря, в которых были интернированы евреи и бойцы Сопротивления. На них можно было увидеть чистые здания, парк с цветочными клумбами и улыбающихся заключенных, «одетых чисто и достойно».

В подтверждение того, что все вьетнамцы довольны, мы узнаем, что официальные кандидаты нового режима были избраны более чем 99 процентами голосов. Как в России, как в Германии во времена нацизма.

Против средств информации у нас нет средств анти-информации. Сомневаться во всем и всех подозревать просто невозможно. В конце концов, так или иначе мы всегда попадаемся на удочку, даже если и думаем, что от этого у нас есть иммунитет.

Я испытываю чувство горького удовлетворения от того, что не стал жертвой обмана. Человек может пытаться спрятаться от трудностей, от подлинной жизни. Но если он поверит, что нашел укрытие за пределами правды, значит, он попал в ловушку и живет в тюрьме.

1976 г.

КОНЦЛАГЕРЯ ВЬЕТНАМА

Более милли-
она вьетнам-
цев прошло за
25 лет комму-
нистического
режима через
лагеря пере-
воспитания.
Многие тыся-
чи — до сих пор
находятся в
заключении.

Нгуен Чи ТЬЕН

Бывший заключенный концлагеря

ОТ ОБЕЗЬЯНЫ ДО ЧЕЛОВЕКА, ОТ ЧЕЛОВЕКА К ЖИВОТНОМУ

От обезьяны до человека
— путь в миллионы лет.

Вы думаете, обратный путь —
так же долго пройти?

Если б весь мир увидел
в дремучих джунглях Вьетнама
тайные концлагеря,

Где голые заключенные
гнут спины в тяжком труде,

Где грязной воды не хватает
на всех, чтобы помыться,

Где по ночам терзают
их тела вши и москиты,

Где воздух мокр и зловонен,
где дерутся за жесткий корень
и убьют — за гнилой батат.

Скованные цепями,
изломанные ударами,
по прихоти злобной охраны
тела их станут добычей
вечно голодных крыс.

Они подобны животным,
только слабы и неловки.

От голода, что их терзает,
они тоньше тростинки.

О, если бы мир увидел!

От обезьяны до человека —
путь в миллионы лет?

Но разве вы не знаете,
что в моей стране
власть творит чудеса?

Перевод с английского:
Владимир ХОЛМОГОРСКИЙ

Всех крюком зацепили, по полу протаскивали, все за столы, за тубареты цеплялись, все истощно вопили, когда на лечение-то их забирали... Не-е-ет! — дескать, — не на-а-ада-а-а!..

А как же не надо-то — ведь сказано: книг дома не держать, а кто держит — не прятать, а кто прячет — лечить.

Татьяна Толстая «Кысь», 2001 г.

Стивен ДЕННЕЙ

КУЛЬТУРА И РЕВОЛЮЦИЯ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕПРЕССИЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Эта статья была написана в январе 1982 года для издаваемого мной в то время информационного бюллетеня «The Indochina Newsletter».

Разумеется, с тех пор многое изменилось, но, как мне кажется, этот материал продолжает сохранять исторический интерес.

Как показало развитие событий, усилия коммунистических лидеров Северного Вьетнама по «очистке» Юга от «неоколониальной культуры» были обречены на поражение.

Культурная революция во Вьетнаме — одна из трех революций, о которых так часто говорят вьетнамские коммунистические лидеры: революция в технологии и промышленности, классовая революция в производственных отношениях и культурная революция. Марксистские лидеры хотят превратить Вьетнам из сельскохозяйственного общества, основанного на мелком производстве, в коллективное общество, основанное на крупном индустриальном и сельскохозяйственном производстве под управлением пролетариата. Чтобы достичь этой цели, необходимо создать «нового социалистического человека». Как сказал Хо Ши Мин (Ho Chi Minh), «для строительства социалистического общества необходимо иметь социалистических людей».

Существуют различные аспекты культурной революции, которые имеют непосредственное отношение к проблеме политических репрессий. Они включают кампанию по уничтожению «неоколониальной» культуры Юга, создание лагерей перевоспитания, политику СРВ в области религии.

В этой статье мы покажем, как руководство СРВ уничтожает «неоколониальную» культуру Юга.

Порой кажется, что марксистские лидеры Вьетнама считают культурное воздействие Соединенных Штатов в период войны более опасным, чем физическое воздействие (бомбежки, использование гербицидов и т.д.).

Один из членов Союза писателей Вьетнама (СПВ) сказал, что в течение войны «миллиарды долларов были потрачены на вербовку авторов и переводчиков, публикацию, распространение, импорт и размножение литературного мусора и наркотиков» («Южный Вьет-

нам в борьбе», издание СПВ, 30/6/75). Министр культуры СРВ Нгуен Ван Хиеу (Nguyen Van Hieu) дал следующее определение культуры «неоколониализма»: «Это, по существу, — антикультура, инструмент агрессии в руках американского империализма, которая причиняет не меньший вред и даже более опасна, чем американские действия в военных, политических и экономических областях» (Vietnam News Agency, Ханой, 14/1/78).

Уничтожение «американской неоколониальной культуры» стало основным делом коммунистов после того, как они заняли юг Вьетнама. В решениях IV съезда Вьетнамской коммунистической партии, состоявшегося в 1976 г., идеологическая и культурная задача нового режима описана так: «...обучение социалистической идеологии, борьба с буржуазной идеологией и остатками феодальной идеологии, критика мелкобуржуазной идеологии и уничтожение влияний идеологии и культуры неоколониализма на Юге». Мы видим, что в то время как другие формы некоммунистической культуры рассматриваются как объект для критики, культура «неоколониализма» подлежит уничтожению. Это подтвердил и Ха Ксуан Труонг (Ha Xuan Truong), замминистра культуры и информации СРВ, который сказал: «В то время как, борясь с буржуазной и феодальной культурами, мы должны придавать значение наследованию полезных сторон этих культур, то есть тех их аспектов, которые близко связаны с людьми, с развитием нации, то единственное, что мы можем делать с культурой неоколониализма, — уничтожить, потому что она полностью реакционна» (Tap Chi Cong San, Ханой, март 1978).

В действительности, однако, различие между культурой «неоколониализма» и другими формами некоммунистической культуры во Вьетнаме никогда не было четко определено коммунистическими властями. Начиная с установления контроля над Югом в 1975 г., официальное определение культуры «неоколониализма» использовалось для объяснения репрессий против любой идеологической или культурной тенденции, не устраивавшей правительство.

В первый же день «освобождения» юга Вьетнама, 1 мая 1975 г., Комитет военного управления (КВУ) выпустил коммунике, объявляющее временную приостановку распространения «всех видов книг, газет,

журналов и другого печатного материала, находящегося в собственности в течение периода войны» (Saigon Domestic Service, 1/5/75).

Комитетом военного управления были организованы молодежные команды для конфискации всей «реакционной» литературы и газет. Феноменальное количество материалов было собрано в течение короткого времени. Например, «Южный Вьетнам в борьбе» (6/30/75) с гордостью писал: «В Сайгоне, только в одном районе, меньше чем за неделю люди вернули 482460 экземпляров развратной литературы и 3000 килограммов реакционных газет, изданных врагом». Там же был упомянут один книжный магазин в Натранге (Nha Trang), городе в центральном Вьетнаме, который сдал 35530 «реакционных книг». Радио Освобождения Ханоя сообщило 30 июня 1975 г., что жители города Бак (Bac) области Лю (Lieu) «передали революционной администрации более 3000 романов и песенников и сотни пластинок и магнитофонных лент реакционного содержания и ядовитых для молодежи».

КВУ организовал в 1975 году специальный отдел для тщательного исследования и классификации книг, распространенных в период «марионеточного режима». 26 октября 1975 г. Управление внутренних дел Сайгона сообщило, что отдел закончил первую стадию исследования и «после многих месяцев изучения» определил «56 авторов и 489 книг как пособников вражеской антикоммунистической психологической войны».

Ле Фуонг (Le Phuong), министр информации и культуры Временного Революционного правительства Южного Вьетнама, возглавивший отдел, который классифицировал книги и другие произведения, объяснил систему классификации в статье, опубликованной в сайгонской газете «Giai Phong» 21 и 22 января 1976 г.

Публикации и другие произведения культуры, имевшиеся на юге Вьетнама перед «освобождением», были разделены на шесть категорий. Первые две категории: А — открыто антикоммунистические и проамериканские произведения и В — «произведения, являющиеся провокационными и ядовитыми, поощряющие упаднический распущенный образ жизни, восхваляющие преступления и расовую дискриминацию», — были полностью запрещены.

По словам Фуонга, «фактически все книги в первом списке запрещенных книг, недавно обнародованном Министерством информации и культуры, принадлежат к категориям А и В».

Категория С была определена как «произведения, вводящие в заблуждение, вызывающие отрицательные, нереалистичные и антивоенные мысли, смешивающие правильное и неправильное и тем эффективно помогающие империалистам». Она включала «желтые (эстрадные — прим. пер.) песни, романтические поэмы, мрачные сентиментальные романы, истории о призраках, а также произведения, написанные с феодальной и мелкобуржуазной точек зрения, произведения, распространяющие скептицизм и отвлекающие от конкретной работы, борьбы и т.д.».

Ле Фуонг рекомендовал, чтобы книги категории С были включены в очередной список запрещенных публикаций, но «категория С должна быть ограничена очень вредными книгами, которые являются близкими к книгам категории А и В, и вопрос о всех других произведениях прошлого, не имеющих прямого отношения к действительности, должен изучаться и будет решен позднее».

Ниже мы увидим, что публикации категории С и эстрадные песни стали объектами преследования режима в последующие годы.

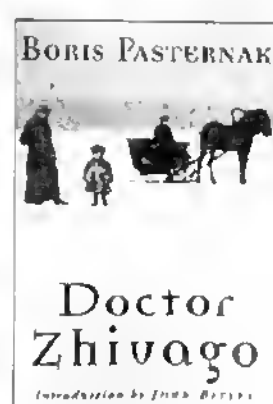
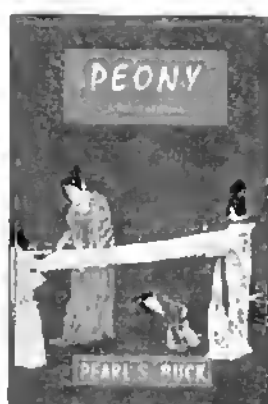
Категория D была составлена из «полезных» публикаций, не антикоммунистических или непристойных, но также и не поддерживающих борьбу с США в период войны.

Произведения категории E «имеют реалистическое, критическое содержание, и хотя ограничены по причине абстрактного идеализма, но ценны в осуждении феодальных колониалистов и преступлений старого режима».

Ле Фуонг сказал, что категории D и E имеют некоторые отрицательные стороны, но можно разрешить им временно оставаться в обращении.

Научным, техническим и иностранным книгам и книгам, имеющим дело «исключительно с религией, типа молитвенников, теологических книг», можно также позволить временно циркулировать, писал Фуонг.

По мнению Фуонга, категория F — самые лучшие произведения, потому что они имеют «национально-

Запрещенные во Вьетнаме как «антикоммунистические и проамериканские» книги писателей-лауреатов Нобелевской премии.

демократическое содержание, поддерживают освободительную борьбу и были созданы авторами и художниками в массовом движении к освобождению».

Хо Труонг Ан (Ho Trouping An), вьетнамский писатель, работавший в отделе, возглавляемом Ле Фуонгом, описал систему классификации в статье, которая появилась в лондонской публикации журнала «Досье на цензуру» (Index on Censorship) (июль – август 1978).

В категорию А, осужденные как антикоммунистические, были включены произведения иностранных авторов, таких, как: Андре Жид (Andre Gide), Борис Пастернак, Вирджил Георгиу (Virgil Georgiu)*, Артур Кестлер (Arthur Koestler), Александр Солженицын, Перл Бак (Pearl Buck)** и вьетнамские авторы Нгуен Ман Кон (Nguyen Manh Con), Доан Куок Сы (Doan Quoc Sy), Нгием Ксуан Хонг (Nghiem Xuan Hong), Ву Кхак Хоан (Vu Khac Khoan), Нха Ка (Nha Ca), Ван Кванг (Van Quang), Дьен Ан (Duyen Anh), Нхат Туан (Nhat Tuan), Ле Кханг (Le Khanh), Нго Ким Ту (Ngo Kim Thu) и другие.

В категорию В (упаднические произведения) включены книги таких иностранных авторов, как Генри Миллер (Henry Miller), Элиа Казан (Elia Kazan), Франсуаза Саган (Francoise Sagan), Кристина Рошфор (Christiane Rochefort)***, Д. Г. Лоуренс (D. H. Lawrence), Эрскин Колдуэлл (Erskin Caldwell), Герман Гессе (Hermann Hesse), «и авторы, принадлежащие к экзистенциалистской школе во Франции: Жан-Поль Сартр (Jean-Paul Sartre), Симона Бовуар (Simone Beauvoir), Альберт Камю (Albert Camus)».

Среди вьетнамских авторов, выделенных в эту категорию, была «группа авторов журнала "Санг Тао" (Sang Tao)». «Санг Тао» – литературное обозрение, организованное в 1956 году Май Тао (Mai Thao) вместе с другими вьетнамскими авторами, такими, как Нгуен Сы Те (Nguyen Sy Te), Доан Куок Сы (Doan Quoc Sy), Ву Кхак Хоан (Vu Khac Khoan), Тран Тхань Хиен (Tran Thanh Hien), Тханг Там Тюен (Thanh Tam Tuyen) и Хы Оань (Huy Oanh), интересовавшимися новыми философскими течениями на Западе, такими, как экзистенциализм и новый гуманизм. Они преследовались коммунистическим режимом, который обвинял их в отравлении умов, в том, что, пропагандируя иностранные философские школы, они заставляли людей забыть революционный дух, даже если при этом сами авторы открыто не выступали против революции.

Категория С, романтические произведения, включала книги таких иностранных авторов, как Эрик Сигал (Erich Segal)****, Сомерсет Моэм (Somerset Maugham) и Роберт Натан (Robert Nathan)*****, а также книги авторов XIX века: Александра Дюма, Альфонса Ламартина, Рене Шатобриана, Жорж Санд и Теофиля Готье. Вьетнамские авторы в этой категории были представлены теми, кто воспевал красоту природы и романтику чувств, подобно Донг Хо (Dong Ho), Банг Ба Лану (Bang Ba Lan), Бюй Кхан Дану (Bui Khanh Dan), Монг Тьету (Mong Tuyet), Дао Ван Кханю (Dao Van Khanh), Кью Хуонгу (Quy Huong), Юен Хуонгу (Uyen Huong), Тие Нга (Tie Nga) и Ню Хиену (Nhu Hien).

Категория D включала в себя работы по философии и религии.

Произведения, перечисленные в категориях А и В, были изъяты властями на ранних стадиях культурной революции на Юге Вьетнама.

Позднее произведения, отнесенные к категории С, особенно «желтая» музыка, стали активно преследоваться режимом. Музыка критиковалась властями, потому что, как считалось, являлась аполитичной, выражающей двойственное отношение, ощущение «искусство для искусства».

Музыка вообще считалась поводом для грусти, «песней потерянной любви», заставляющей слушателей смотреть на жизнь с меланхолией, вместо того чтобы видеть позитивные действия партии. Такая музыка служит тому, чтобы «создать антагонизм между индивидуумом и коллективом, что постепенно ведет к пессимизму и неудовлетворенности и в конечном счете к оппозиции коллективу» [«Ханой Тхань Ниен» (Hanoi Thanh Nien), июль-август 1980 г.].

Официальную точку зрения на эстрадную музыку выразила Фам Тюен (Pham Tuyen) (известная вьетнамская певица – прим. пер.), которая писала, что музыка «создает в слушателях чувство красоты, беззаботности, не связанное с какими-либо политическими идеями; по существу, это гипнотизирует слушателей и отвлекает от проблем национальной и классовой борьбы» (там же). Очевидно, что «желтая музыка» является очень широким термином, применимым к любым стилям музыки, которые не восхваляют правящую идеологию. Таковыми являются, по словам Тюен, «все европейское и американское бесстыдство в выражении чувств, использование элементов музыки феодального общества, пронизанного враждебным религиозным дурманом и славящего бога».

«Провоцирование сексуальных желаний – вот что характеризует все эти старые песни», – пишет далее Фам Тюен. И даже религиозная музыка: «Одни [песни] посвящены мужской и женской физиологии, довольно явно описывают радостные чувства и привлекательные особенности женщин. Другие более осторожны и иногда даже упоминают Господа, Создателя, воскрешение и т.д., но их лирика и манера, в которой они исполняются, возбуждают вредные сексуальные чувства». Вредные – для кого?

Кампания устранения культуры «неоколониализма» имела ограниченный успех, поскольку многие вьетнамцы, в том числе и жившие на Севере, и даже кадровые партработники находили запрещенную культуру более привлекательной, чем культуру, поддерживаемую правительством. Запрещенные произведения часто оказывались в руках чиновников и солдат, которые, возвращаясь на Север, брали их с собой.

Уже 15 декабря 1975 г. появилась статья в «Куан Дой Нян Дан» (Quan Doi Nhan Dan), официальной

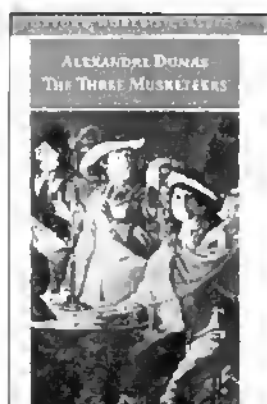
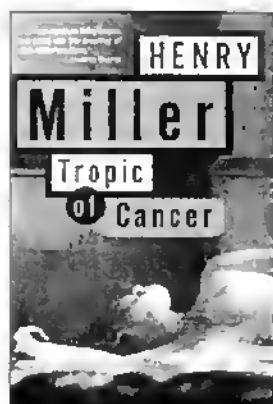
*) Вирджил Георгиу (1916-1992) – румынский франкоязычный писатель. с 1948 г. жил во Франции, с 1963 г. – православный священник.

**) Перл Бак (1892-1973) – американская писательница, лауреат Нобелевской премии за 1938 г.

***) Кристина Рошфор (1917-1998) – французская писательница-феминистка.

****) Эрик Сигал (р. 1937) – американский писатель, автор повести «История любви».

*****) Роберт Натан (1894-1985) – американский поэт и новеллист.

Книги, признанные «упадническими, отвлекающими сознание и отвлекающими от труда и борьбы».

армейской газете, издаваемой в Ханое, возмущенно писавшая о группе моряков, которые, возвращаясь в ДРВ, взяли с собой некоторые запрещенные книги и музыкальные записи.

Чем шире трактовалось понятие запрещенной культуры, тем активнее правительство наращивало кампанию по ее уничтожению.

Например, 1 апреля 1976 г. Культурно-информационное управление в Хошимине (ранее – Сайгон – прим. пер.) выпустило распоряжение, требующее от издательств, книжных магазинов и уличных книготорговцев прекратить рекламу и продажу всех книг, газет и иных произведений культуры, опубликованных до 30 апреля 1975 г.

С этого момента книжные магазины должны были получать специальное разрешение на деятельность [«Saigon Giai Phong» («Освобожденный Сайгон»), 4/4/76; также сообщено Агентством France Presse в «New York Times», 4/4/76].

После года правления Временного правительства Южного Вьетнама (фактически управляемого Севером) Вьетнам был официально повторно объединен по итогам формальных выборов, проведенных 25 апреля 1976 г., и стал называться «Социалистическая Республика Вьетнам».

Летом того же года Национальное собрание провело свою первую сессию. Нгуен Конг Хоан (Nguyen Cong Hoan)*, участвовавший в «выборах» 1976 г. как кандидат от Центрального Вьетнама, был членом Комитета культуры Национального собрания с июня 1976 до своей отставки в марте 1977. После отставки он рассказал репортеру «New York Times» (18/5/77) о своей работе депутата Национального собрания.

Конг Хоан рассказал, что руководство Комитета культуры было обеспокоено распространением культуры «неоколониализма» на Север и пришло к заключению, что поскольку культура Юга Вьетнама была полностью прозападной, то она должна быть ликвидирована.

К этому моменту все семьи на Юге получили распоряжения, в которых требовалось представить полные списки своих домашних библиотек местному комитету партии. Чтобы избежать этого, рассказывал Хоан, молодые люди передавали книги, которые они хотели сохранить, тем своим друзьям, родители которых были партийными функционерами, надеясь, что эти дома не будут обыскиваться.

Привлекательность запретной культуры не только среди молодежи, но и в северных армейских частях продолжала создавать проблемы для правительства. Статья в «Quan Doi Nhan Dan» 14 августа 1977 г. жаловалась на «опасную заразу» в нескольких северо-вьетнамских армейских частях, размещенных на юге Вьетнама. Отмечалось, что «во многих частях имелись случаи чтения вредных книг, прослушивания провокационной музыки или подражания отсталому образу жизни». Другая статья в том же номере армейской газеты сообщала, что одна армейская часть «выполнила осмотр оборудования в двух казармах и конфисковала 119 реакционных, упаднических книг. Один солдат имел 84 записи желтой музыки».

Армия, наряду с силами безопасности и молодежью, организованной в боевые отряды, была ответственна за конфискацию запрещенных произведений культуры.

7 марта 1978 г. сайгонская газета «Тян Зан» (Tin Sang) опубликовала решение сайгонской Муниципальной постоянной партийной комиссии (МППК) о «начале множества кампаний» с текущего момента и до конца 1978 г., «призванных решительно нападать и уничтожить следы неоколониальной культуры».

Решение призвало к проведению встреч с молодежью в школах и университетах, «чтобы критиковать и глубоко анализировать опасный яд этой упаднической и реакционной культуры».

МППК призвала к созданию «культурных армейских частей, при использовании активной молодежи из окрестных деревень, предприятий и т.п. для пополнения этих революционных культурных армейских единиц». «Должны иметься один или два взвода в каждом округе, с жесткими требованиями и соответствующими полномочиями для наблюдения, контроля и обеспечения немедленного напоминания людям о новом культурном образе жизни».

* Нгуен Конг Хоан (1903-1977) – писатель, один из родоначальников вьетнамской реалистической прозы.

Основной целью этой кампании было воздействие на молодое поколение.

Вероятно, марксистские лидеры слабо надеялись на то, что смогут очистить умы и души старшего поколения, выросшего в некоммунистической культуре. Но они были чрезвычайно обеспокоены воздействием запрещенной культуры на тех, кто рос в условиях социалистического общества. Об этом свидетельствует опубликованная в «Тян Зан» 16 декабря 1978 г. редакционная заметка, подписанная «Городской житель»:

«Если человек пропитан определенной культурой, ему очень трудно резко отказаться от нее. Даже если он лишен возможности услышать старую песню, то он все равно будет помнить ее очень долго. Старая песня умирает только тогда, когда ее никто уже не помнит и не может спеть. И наиболее важный фактор в достижении этой цели — человек, слушающий эту музыку. Если мы отвергнем песню, потому что считаем ее упаднической, и если никто не станет ее слушать, песня не сможет жить долго, даже если ее кто-нибудь будет петь. Однако это верно только в отношении взрослых, зрелых людей, умеющих самостоятельно мыслить. Сложнее с подростками и молодежью. Упаднические песни, исполняемые день за днем, сильно воздействуют на эти возрастные группы. Поэтому конфискация и запрет на распространение записей упаднической музыки необходимы, чтобы защитить чистые души нашей молодежи, подростков и детей и дать им возможность с готовностью принять прогрессивную культуру и музыку нашей нации и других социалистических стран».

В реальности достижение этой цели оказалось весьма трудной задачей для коммунистического режима.

В статье Тан Ана (Thân An) «Книги, сбивающие с пути», опубликованной в «Тян Зан» 28 сентября 1978 г., автор с возмущением описывал юношу, сидящего среди друзей и читающего книгу: «Какую ужасную вещь он читает, забыв обо всем вокруг? Эта толстая, растрепанная, изодранная книга, явно прошедшая через многие руки, — роман, название которого я не хочу называть, потому что оно ясно указывает на ядовитое и упадническое содержание и злые намерения автора». Далее Тан Ан спрашивает: «Почему это в то время, когда большинство наших молодых людей стремятся стать силой эпохи и отдать свой пот и кровь на благо родины, все еще имеется некоторое количество (хотя и чрезвычайно малое) бездельников, равнодушных к жизни общества, ищущих удовольствие в приключенческих, любовных и скандальных книгах, давно выброшенных на свалку истории?»

Вьетнамцы продолжали находить способы обойти правительственные ограничения и наслаждаться запрещенной культурой. Об этом свидетельствует, например, распоряжение по 1-му округу Хошимина, опубликованное в «Тян Зан» 31 января 1978 г., запрещающее использование или продажу «упаднических и реакционных товаров». Оно указывало, что «в местах, где осуществляется продажа магнитофонов и записей, для проверки работы оборудования должна использоваться только революционная музыка, не нарушающая общественного порядка (это также касается кафе

и ресторанов)». В распоряжении также сказано, что «нарушители будут строго преследоваться по суду и им будет предъявлено обвинение в «преднамеренном распространении упаднических и реакционных товаров, отравляющих умы людей и разрушающих социальный порядок и мир».

Другая статья в «Тян Зан» (16 декабря 1978 г.) приводила пример того, как некоторые вьетнамцы использовали официальную политику репрессий для получения запрещенных музыкальных кассет.

В статье рассказывалось, как некоторые группы молодежи, выдававшие себя за отряды, посланные Управлением культуры и информации, совершали набеги на магазины и кафе, изымая записи запрещенной «упаднической» музыки, так же как и «прогрессивной» музыки, «тем самым лишая конфискацию смысла».

Статья в «Тян Зан» от 26 апреля 1978 г., написанная ее редактором Нго Конг Дуком (Ngo Cong Duc), писавшим под псевдонимом Ту Бьен Трой (Tu Bien Troi), возмущалась тем, что некий вьетнамец выбрасывал старые книги, ноты и пластинки в мусорные баки, вместо того чтобы передать их властям. «Несколько маленьких детей, живших по соседству, вытащили ноты из мусора и развесили их по всему округу; это было ужасно!» В статье отмечалось, что «некоторые граждане продолжают искать способы скрывать и сохранять старые упаднические пластинки или старые романы, надеясь использовать их позднее. Девочка-католичка в одном из округов прятала множество реакционных и упаднических изданий и тайком предоставляла их друзьям, говоря, что это для исследования». В статье говорилось, что граждане не должны самостоятельно сжигать или выбрасывать «реакционные и упаднические» издания, а должны передавать их местным властям, которые определяют, имеют ли издания ценность «для исследования» или должны быть отправлены в переработку, «как сырье для бумажного производства».

Запрещенные произведения искусства продолжали распространяться по всей стране в течение следующих нескольких лет — и на Севере, и на Юге. Тем временем экономика страны продолжала угрожающе падать, приводя миллионы вьетнамцев на грань голода. Чтобы преодолеть эту тенденцию и попытаться спасти положение, режим осенью 1979 года замедлил процесс коллективизации и разрешил восстановление мелкого частного бизнеса.

В дополнение к этому граждане, эмигрировавшие из Южного Вьетнама, получили возможность присылать родственникам в СРВ большое количество подарков и вещей, некоторые из которых были проданы на легальном или на широко процветавшем черном рынке. В результате этого в обращении появилось довольно много «запрещенных произведений», что ошибочно было расценено некоторыми иностранными визитерами как проявление либерализации в культурной политике режима.

Но большинство иностранцев, посещавших СРВ, отмечали рост недовольства вьетнамцев коммунистическим режимом, как на Севере, так и на Юге.

Активное распространение культуры «неоколониализма» свидетельствовало о все более расширявшейся пропасти между вьетнамским народом и пра-

вительством. Это во многом ощущалось и вьетнамским руководством, пытавшимся свалить большую часть вины за внутреннее инакомыслие на коммунистический Китай.

В попытке преодолеть эту проблему передовая статья, опубликованная «Тап Чи Конг Сан» — теоретическим журналом компартии Вьетнама — призвала активно продвигать «решение задач, сформулированных четвертым съездом КПВ: теснее координировать идеологическую и организационную работу, превращать идеи в действие через организационные меры, глубже внедрять идеологию марксизма-ленинизма в массы, чтобы сделать ее образом жизни нашего общества». Статья призвала «объединить наши идеологические органы, мобилизовать и развернуть силы, отвечающие за идеологическую работу, улучшать идеологическую работу, создать систему управления идеологией» и т.д.

Возникло большое противоречие между резко наращиваемой, после китайского вторжения 1979 года, милитаризацией страны и быстрым ростом «неоколониальной» культуры, особенно заметным в городах, даже в Ханое. Весной 1981 года коммунистические лидеры решили ликвидировать это противоречие, проводя самое резкое с 1975 года подавление культуры «неоколониализма».

Как и ранее, основное внимание властей было направлено на произведения, обращенные к молодежи, такие, как «упадническая музыка» или детские книги.

На митинге, посвященном празднованию Первого мая, Во Ван Кьет (Vo Van Kiet), один из высокопоставленных коммунистических лидеров, возмущался молодежными песнями, которые «наполнены множеством элементов, объединяющих их с молодежной музыкой марионеточного режима, угождают эгоцентричным вкусам остатков старого общества, пытающимся овладеть сознанием молодежи. Эти мелодии призывают слушателей уклоняться от общественных обязательств, отрывают их от реальности, оталекают от жизни и борьбы нашего народа, сожалеют о прошлом и проповедуют империализм».

Позже, в сентябрьском выпуске «Тап Чи Конг Сан» (Tap Chi Cong San), Трюонг Куок Мин (Truong Quoc Minh)

в статье под заголовком «Борьба на культурном и идеологическом фронте в Хошимине» констатировал, что хотя молодежные музыкальные группы «были рождены движением масс к здоровой литературе и искусству», но постепенно отклонились от правильного пути и «стали добычей торговцев культурой, копируя сумасшедшие стили американской поп-музыки». Вместо воспевания милитаристского духа коммунистического режима эти группы исполняли песни, которые «вызывали у молодежи романтические чувства, создавали ощущения, далекие от правды жизни».

Министр культуры СРВ Нгуен Ван Хиеу (Nguyen Van Hieu) выражал беспокойство, что «во многих семьях еще продолжают хранить и использовать вредные произведения, отравляющие сознание детей. Это явление распространено и во многих школах» (Hanoi Domestic Service, 31/5/81). Как «вредные произведения» были запрещены книги, которые по официальному определению «являются иллюстрированными историями или песнями, не указывающими автора или издательство, но имеющие загадочные или скандальные названия, возбуждающие детское любопытство, типа «Лучший в мире фехтовальщик», «Возвращение из Мира Извне», «Очаровывающая флейта», «Две волшебных капли крови» и т.п.» (Hanoi Domestic Service broadcast, 27/5/81).

«Некоторые дети тайно читают эти книги во время учебы в классе», говорится далее в сообщении, «и дома многие из них слишком поглощены чтением, вместо того чтобы делать домашнюю работу или помогать семье по хозяйству».

В официальном сообщении говорилось, что «беспокойные родители горячо требуют, чтобы эта эпидемия была уничтожена на корню и чтобы те, кто пытается отравить невинные умы детей, были наказаны». Согласно Трюонг Куок Миню (Truong Quoc Minh) «от четырех до пяти миллионов экземпляров книжной хaptуры проникли в семьи и школы, заражая детей и подростков, не говоря уже о сотнях политических, культурных, религиозных и гадательных книг реакционного характера, изобилующих непристойностями, суеверием и мистикой, которые были открыто отправлены из капиталистических империалистических стран» («Tap Chi Cong San», 9/81).

Книги по философии, религии и истории, запрещенные во Вьетнаме.

Коммунистическая печать часто повторяла обвинения в адрес вьетнамских эмигрантов, злоупотреблявших «исключительно терпимой» политической режимом, позволявшего отправлять подарки или гуманитарную помощь родственникам или знакомым, живущим в СРВ. Согласно официальной прессе запрещенные материалы, посланные в страну, включали «десяtkи тысяч запросов о покровительстве» и «уведомлений об одобрении» (т.е. документы, позволяющие родственникам легальную эмиграцию), нелегальные политические и религиозные издания, включая эмигрантские журналы, «реакционные и упаднические» музыкальные кассеты и даже футболки с лозунгами типа «Let Me Go» или «I Will Live» («Van Nghe Thanh Pho Ho Chi Minh», 19/7/81).

Распространению запрещенных произведений способствовали некоторые кадровые партийные работники, те, кто «стали опасно развращенными, выродившимися и инакомыслящими. Они получали незаконные деньги, сотрудничая со спекулянтами, помогая восстановить упадническую культуру» («Tap Chi Cong San», 9/81).

Некоторые кадровые партработники были даже вовлечены в показ запрещенных кинофильмов. «Во многих учреждениях, предприятиях и школах сотрудники культурных управлений организовывали показ запрещенных кинофильмов, якобы с "исследовательскими" целями, но фактически ради денег. Из 1200 случаев таких нарушений 58 были организованы кадровыми партийцами. Из 107 человек арестованных 11 были кадровыми партийцами, из 73 дел, дошедших до суда, по трем были привлечены кадровые партийцы» («Tap Chi Cong San», 10/81).

Имеются также сведения о книгах и других запрещенных материалах, нелегально печатавшихся во Вьетнаме. Согласно официальной статистике «проверка 1804 мест в Хошимине показала, что до 66,5% из них были вовлечены в реализацию, хранение и распространение реакционных и упаднических изданий, включая 507 мест, в которых хранились и реализовывались эти книги, и 205 — в которых осуществлялся незаконный печатный бизнес» (там же). Среди тех, кто был арестован за участие в этом бизнесе, были Вин Су (Vinh Su) и Хоанг Куок Ху (Hoang Quoc Huu), обвиненные в изготовлении и распространении книг различных жанров: «приключений, детективов, романов успеха, книг о ковбоях, бандитах, призраках, любовных романов, реакционных и упаднических» («Saigon Giai Phong», 27/4/81). У них было конфисковано 53000 книг.

Наибольшую известность получил публичный суд над Бу Динь Ха (Bui Dinh Ha), 29-летним продавцом книг из Хошимина, у которого были обнаружены 232 «книги и плаката, каждый из которых имел реакционное, вредное и аморальное содержание, а также другие запрещенные произведения» («Saigon Giai Phong», 26/6/81). Представший 25 июня 1981 г. перед «народным судом» Динь Ха был признан виновным в преступлениях по статьям 4, 7 и 8 декрета 267/SL, принятого Советом Министров ДРВ 15 июня 1956 г., и приговорен к пожизненному заключению. Трудно понять, почему так сурово поступили с бывшим солдатом вьетнамской армии, не представлявшим серьезной идеологической угрозы режиму. Возможно, правительство решило

использовать его в качестве примера для запугивания других.

Обычно наказание за подобные «преступления» было не столь сурово.

По статье 15 Закона СРВ «О контрреволюционных преступлениях» (опубликованного в «Нян Дан» в октябре 1979 г. и переданного Радио Ханоя 23 октября), «пропаганда колониальной политики и развращающей культуры империализма» или «создание, публикация, распространение или сокрытие книг, периодических изданий, картин, фотографий или любых других материалов с контрреволюционным содержанием и целями» наказываются тюремным заключением от 2 до 12 лет.

Весной 1981 г. состоялось также несколько публичных судов над владельцами кафе. 24 апреля трое владельцев кафе: Тран Тхи Дью Тиен (Tran Thi Dieu Tien), Танг Тхи Тюэт (Tang Thi Tuyet) и Дао Тхи Май Нгок (Dao Thi My Ngoc) — предстали перед «народным судом» 1-го округа Хошимина по обвинению в «нарушении закона о хранении и распространении реакционных, упаднических произведений и незаконное предпринимательство». Как писала «Saigon Giai Phong» 29 апреля 1981 г., приговор им был вынесен «на основании статьи 6 Закона 03/SL 76, датированного 15 марта 1976 г., и статьи 2 Постановления премьер-министра № 76-CP, датированного 8 апреля 1974 г., а также на основании Распоряжений № 148 Городского управления культуры и информации и № 572 Народного комитета 1-го округа». Танг Тхи Тюэт получил 18 месяцев тюремного заключения, двое других осужденных получили каждый по 12 месяцев тюрьмы.

Представшие перед «народным судом» 6-го округа Хошимина 30 июня 1981 г. Бу Тхи Лонг (Bui Thi Long) и Бу Тхи Дьен (Bui Thi Duyen) обвинялись в «использовании упаднической музыки, а также в сопротивлении и оскорблении сотрудников при исполнении ими служебных обязанностей».

Как сообщала «Saigon Giai Phong», «14 мая 1981 г., в 20.00, отряд управления культуры и информации 6-го округа, отвечавший за уничтожение упаднических произведений, обнаружил, что в баре 20-го района, принадлежавшем Бу Тхи Лонгу, исполняется запрещенная музыка. Когда отряд выполнял свою административно-инспекционную задачу в соответствии с законом, Тхи Лонг яростно сопротивлялся и оскорблял исполнителей закона».

Тхи Лонг получил 24 месяца тюрьмы, а Бу Тхи Дьен «был приговорен к 16 месяцам в тюрьме за соучастие в преступлении».

Но, как правило, случаи ареста известных писателей, поэтов, художников и журналистов не разглашались властями режима.

Известно, что многие из них были арестованы вскоре после коммунистического переворота 1975 года и содержались в тюрьмах или лагерях перевоспитания без предъявления обвинения и судебного разбирательства.

В Заявлении, опубликованном в феврале 1981 г. Вьетнамской Лигой прав человека и Комитетом защиты политических заключенных во Вьетнаме, общее количество творческой интеллигенции, до сих пор находящейся в заключении, оценивается приблизительно в 500 человек.

«Идеологически правильные» образцы вьетнамского искусства – патриотические плакаты.

Ниже мы публикуем данные официальной статистики о результатах изъятия запрещенных произведений, помещенные в журнале ЦК КПВ «Tap Chi Cong

Sap» (октябрь 1981 г.). Как пишет автор статьи, эта статистика отражает данные только за первую половину 1981 г.

Города и провинции	Книги	Аудиокассеты	Картины	Фильмы	Кинопроекторы
г. Ханой (Hanoi)	167	1216		29	16
г. Хошимин (HCM City)	151200	41723	53751	631	93
г. Хайфон (Haiphong)	290	6			
Хайхун (Hai Hung)	500	2259	18		
Ханамнин (Ha Nam Ninh)	32				
Бинтритьен (Binh Tri Thien)	129725	239	4252	57	
Куанг (Quang)	25079	3734	115	316	32
Фукхан (Phu Khanh)	1858	1467	19		
Туанхай (Thuan Hai)	1618	2388	1260	34	
Донгнай (Dong Nai)	2800	283	1864		
Кулонг (Cuu Long)	422	1358	100		

В примечании к статье указано, что в Хошимине имеется приблизительно еще около 60 тонн запрещенных книг и журналов, которые «еще не рассортированы».

Итак, мы видим, что огромное количество произведений литературы и искусства было конфисковано только в первой половине 1981 года.

Обилие конфискованных произведений показывает, как нетерпимое отношение вьетнамского правительства к чуждой идеологии, так и огромное желание миллионов вьетнамцев приобщиться к культуре, противостоящей идеям, внедряемым и поддерживаемым коммунистическими властями.

Перевод с английского: В. ХОЛМГОРСКИЙ

От редакции:

Автор этой статьи – сотрудник Калифорнийского университета Стивен Данней (Stephen Denney) – один из организаторов и бессменный руководитель «Международного Центра по изучению Индокитая», крупнейшего в мире собрания документов (на английском языке) по Вьетнаму, Лаосу и Камбодже. Этот архив, еженедельно пополняемый сотнями страниц переводов документов, газетных и журнальных статей, записей радиопередач, открыт для изучения всем желающим. Адрес Центра: campus et 6701 San Pablo Avenue, Oakland, California 94608; телефон: (510) 642-6539; e-mail: sdenney@uclink.berkeley.edu; <http://www.lib.berkeley.edu/SSEAL/SoutheastAsia/sealindocenter.html>

...Мы передадим книги из уст в уста нашим детям, а наши дети, в свою очередь, передадут другим. Много, конечно, будет потеряно... Но у человека есть одно замечательное свойство: если приходится все начинать сначала, он не отчаивается и не теряет мужества, ибо он знает, что это стоит усилий.

Рэй Брэдбери «451° по Фаренгейту», 1953 г.

От редакции:

Роман, фрагмент которого мы публикуем в этом номере журнала, критика считает одним из лучших литературных произведений, созданных во Вьетнаме после 1975 года. Среди книг, повествующих о жизни в заключении, — и в мировой литературе, и, тем более, во вьетнамской — «Рассказ 2000-го года», написанный Буи Нгок Таном, отличается наиболее полным описанием так называемых «каи-тао» (точная копия китайских «лаогаи»)* и их обитателей.

1 июля 2001 года Буи Нгок Тану была вручена премия Хеллман/Хэммета международной организации Хьюман Райтс Вотч за мужество и вклад в борьбу за права человека. Были представлены несколько его произведений, лучшим из которых является «Рассказ 2000-го года». (Лауреатом премии Хеллман/Хэммета за 2001 год стал также российский журналист Григорий Пасько — прим. пер.)

Шестистраничный роман повествует о жизни Туана, северовьетнамского журналиста, лишённого права публикаций и незаконно заключённого в лагерь. При содействии Монреальской ассоциации за демократию во Вьетнаме фрагменты книги были изданы на французском и английском языках.

Буи Нгок Тан родился в 1934 году в Хайфоне в Северном Вьетнаме. Работал корреспондентом в северовьетнамской армии, боровшейся против французской колонизации.

В 1954 году начал писать эссе и статьи для ханойской газеты «Тьен Фонг» (Tiên Phong) и «Хай Фон Кьен Тьет» (Hai Phong Kien Thiet), издававшихся в Хайфоне.

В 1968 Буи Нгок Тан был арестован по доносу и заключён в лагерь на 5 лет без суда и следствия за якобы имевшуюся связь с участниками политического движения «Резистанс» против Вьетнамской коммунистической партии.

Выйдя на свободу в 1973 году, он еще 20 лет подвергался преследованиям и дискриминации. Сотрудники органов безопасности неоднократно обыскивали его дом и конфисковали несколько тысяч страниц рукописей.

Только в 1993 году увидел свет его первый после освобождения рассказ, опубликованный в хайфонском журнале «Куа Биен» (Cua Bien).

Начиная с 1990 года, Буи Нгок Тан пишет книгу о рабском положении заключённых во вьетнамском ГУЛАГе, созданном коммунистическим режимом. Эта книга — «Рассказ 2000-го года» — не только биографическое описание пяти тюремных лет писателя, но и двенадцать судеб других заключённых из разных слоев общества.

Буи Нгок Тан

Лишь через десять лет, в феврале 2000 года, он смог издать эту книгу, но уже в марте она была запрещена вьетнамским Министерством культуры и информации, отдавшим распоряжение на «запрет, конфискацию и уничтожение».

Буи Нгок Тан и редактор издания Доан Лам Люен (Doan Lam Luuën) были вызваны на допрос в органы госбезопасности. Доан Лам Люена уволили с должности редактора в хошиминском издательстве.

В апреле 2000 года, через Интернет, копия книги стала доступной для вьетнамцев за границей.

В июле того же года Буи Нгок Тан избран почетным членом канадского ПЕН-клуба.

«Рассказ 2000-го года» — выдающееся произведение вьетнамской литературы не только по причине мастерского владения пером, но и потому, что рассказывает о людях, которые в нечеловеческих условиях не утратили достоинства, верности, сострадания и любви.

Попытка автора издать роман во Вьетнаме была очень смелым поступком. Неизвестно, что стало бы с писателем без вмешательства международного сообщества. Сейчас, несмотря на запрет, Буи Нгок Тан пишет новую книгу.

Буи Нгок ТАН

РАССКАЗ 2000-ГО ГОДА

Из предисловия переводчицы Монреальской ассоциации за демократию во Вьетнаме:

...Мы не искажаем ключевую тему книги, но мы не утверждаем, что передали всю красоту и уникальность ее стиля, что невозможно сделать в любом случае. Мы просим, чтобы автор и читатели простили нам нашу вероятную неуклюжесть и ошибки в этом переводе. Мы взяли за эту трудную задачу с намерением внести вклад в защиту прав смелых и честных людей, которым не дают слова в их странах.**

Часть IV. СТАРЫЙ ДО

Он стоит там, тихо наблюдая за семейством Туана, собравшимся на завтрак.

Он стоит так уже давно, стесняясь войти. Многие из прежних друзей Туана по лагерю приходили повидаться с ним, но никто не делал этого так, как Старый До.

Все, что у него есть, он носит с собой, потому что ему просто негде поставить свой мешок.

Он бездомный.

Старый До не изменился. Лицо в морщинах. Эти глубокие морщины придают ему своеобразный вид, который должен нравиться фотографам. Борода скрывает шею и грудь. Брови, жесткие и густые, затеняют маленькие глаза, измученные, тревожные, несчастные, но все еще пронзительные. Можно сказать, что его седая борода, волосы, брови окружают маленький остров иссеченной морщинами кожи. На его лице нет радости, которую должен чувствовать только что освобожденный из тюрьмы человек.

С первого взгляда Нгок узнает в госте Старого До. Муж рассказывал о нем. Но только теперь она видит, что он действительно находится в отчаянном, безвыходном положении, таком же, как у Ми и Ду, приезжавших сюда в прошлом году. Нгок быстро доедает рис и встает. Ее

* См. статью К. Лозиньского «Архипелаг Лаогаи» в журнале «Карты» № 22-23 — прим. ред.

** Нам, переведшим фрагмент книги Буи Нгок Тана с английского на русский, остается только присоединиться к словам канадских коллег и выразить надежду, что настанет время, когда «Рассказ 2000-го года», полностью переведенный с вьетнамского, займет в сознании российских читателей место рядом с книгами Солженицына и Шаламова. — прим. пер.

жилище переполнено, здесь нет лишней комнаты для гостя. Туан как-то пошутил: «Мы живем в роскоши: столовая, кухня, наша спальня, детская спальня». Все это — на двадцати квадратных метрах.

Туан за руку приводит в комнату Старого До, провожаемого жалостливыми взглядами Нгок и детей — Хьепа и Фунга: еще один неудачник, осужденный на несчастливую жизнь. Только малыш Дуонг радостно удивляется его внушительной белой бороде, показывая рукой, как ему хочется ее погладить.

Нгок приносит Старому До чай. Потом уходит вниз по лестнице, чтобы оставить их с мужем одних. На сачом деле, у нее много дел: набрать воды в бочки, постирать, купить овощи для ужина. Она решила пригласить Старого До поужинать этим вечером вместе с семьей. Нгок настроена решительно и поэтому должна купить множество вещей: несколько кубиков тофу*, чтобы приготовить помидоры (которые были бы еще вкуснее с маслом), чашку соленого овощного супа, зеленого лука. Надо постараться купить два утиных яйца, чтобы сделать омлет. Со всем этим в корзине она возвращается на кухню, жестами зовет туда главу семьи и шепчет ему несколько слов, которые, кажется, делают его счастливым. Он несколько раз кивает, соглашаясь.

В комнате остался малыш Дуонг и два друга, два бывших заключенных, которые вместе провели так много ночей в тюрьме.

Старый До приехал вчера. Это значит, что он на свободе уже два дня. Все те же порядки: он узнал об освобождении только утром, когда получил приказ на разводе остаться в лагере и не ходить на работу.

Когда он добрался до Ханоя, то ночевал на вокзале Ханг Ко.

— Вы видели Ду? Он спит на той же станции.

— Я не знал. Там ночует много людей.

— А вчера вечером где Вы спали?

— Здесь, на вашем вокзале. Но здесь не так, как в Ханое. Я один был такой, и меня выгнали.

Он вздыхает. Очевидно, Старый До не имеет представления, что с ним будет, и беспокоится даже сильнее, чем прежде. Пока плохого больше, чем хорошего.

Он теребит фуфайку, что когда-то отдал ему Туан. На нее нашиты две полоски серой ткани, скрывающие лагерные номера — один на спине, другой на груди. Эти заплатки вырезаны из штанов другого заключенного. Фуфайка не по сезону теплая, но без нее он мерзнет. Старый До вынимает из мешка пачку чая.

— В лагере у меня было жалование 42 цента. Я купил для Вас чай.

Подарок говорит о том, что Старый До ничего не забыл.

— В этом мешке — не так много вещей. Одежду, которое Вы мне дали. Миски, которые Вы дали Ду, а он — мне. Котелок. Пара штанов и майка.

Туан ставит миски и котелок на стол. Они будят в нем воспоминания о лесе, вкусе листьев маниоки, чае, кипящем в котелке на костре.

И снова раздастся удар гонга, как будто звонят по улопшему или призывают вспомнить предков.

Туан понимает, что эти вещи (котелок, миски, фуфайка, одежда) будут сопровождать старика до самой смерти. Разве накопленных тридцати ланстров хватит ему на оставшуюся жизнь? Он слышит, как Старый До говорит:

— Это была большая ошибка.

На ханойском рынке.

Он снова повторяет то, о чем непрестанно думает. С той же интонацией. Туан много раз слышал это в лагере. (Большой ошибкой было поверить коммунистической пропаганде и покинуть Марсель, где остались его жена, дочь, его ресторан, и возвратиться, чтобы помогать восстанавливать страну.)

— Теперь Вы можете быть спокойны, — улыбается Туан. — Мы уже не умрем в тюрьме.

Туан помнит, что эта мысль всегда пугала Старого До. На похоронах каждого заключенного Старый До шептал ему на ухо: «Мы не позволим себе здесь умереть».

И правда, тюремные похороны были путающими: без музыки, плакальщиц, родственников, чтобы проводить мертвых в последний путь. Только могильщики.

Туан пожимает руку Старого До. Старик печально говорит:

— Мое положение отличается от Вашего. Не знаю, как буду справляться.

Теперь Старого До больше волнует не где он умрет, а как он будет жить.

Это подвиг — продолжать жить, когда нет семьи, нет защиты, даже мешок поставить негде. Это тяжело и для обычного человека, а для бывшего политического заключенного много тяжелее. Жизнь — как темный туннель без выхода.

Туан не может ему помочь, он сам в нужде: нет достаточных заказов на сигареты, даже в сезон (он подвозит сигареты для продавцов в городе).

Эта работа позволяет ему покупать немного риса и овощей. Летом, когда жарко, заказов нет, потому что у людей нет желания курить. Надо ждать зимы. Прошлым летом, после многих унижений, Туану удалось получить работу — шить мешки в одной государственной компании. По три цента за мешок. Если работать день и ночь, можно шить 10 мешков, но заказов немного.

Нет нужды рассказывать это. Старый До и так знает, что его жизнь будет нелегка.

Он делает большой глоток воды и подходит к стулу Туана в крайнем смущении:

— Я хотел бы сказать Вам кое-что...

Старый До замолкает, выпрямляется и беспокойно водит глазами по столу.

Почему он не решается говорить? Наверное, для него это очень важно.

Старый До еще некоторое время оглядывает комнату, перед тем как заговорить снова:

— Ну, все-таки я скажу. Если Вы не согласитесь, скажите об этом прямо.

* Сыроподобная соевая паста, используемая во многих блюдах индокитайской кухни — прим. пер

— О чем Вы, мой друг?

Старый До смотрит несчастными глазами. Его судьба зависит от того, что ему ответит Туан, и хотя ему не хочется просить, у него нет другого выбора. Туан читает вопрос в его глазах и спрашивает себя: чем он может помочь Старому До?

— Я хочу сказать Вам... Это касается не только Вас, но и Вашей жены... Это совсем ненадолго... Здесь вокзал совсем не такой, как в Ханое, меня выгоняют...

Туан уже слышал это, и повторение помогает ему догадаться...

— Я должен попытаться найти работу, но не могу это сделать с мешком за плечами.

Старый До собирает всю свою храбрость и смотрит прямо на Туана:

— Спросите Вашу жену, позволит ли она мне ночевать у вас? Я знаю, что Вам это очень неудобно, но я буду приходить только ночью и сам находить себе еду.

Туан не может отказать, глядя в глаза Старого До, даже при том, что нет больше места в его доме. Они потеснятся, хотя и нарушится привычный семейный уклад. И еще есть опасные соседи, находящие радость в их нищете. И, наконец, есть власти, агенты госбезопасности. Туан не совершил никакого преступления, и все же они посадили его в тюрьму как элемент, опасный революционному правительству. Что власти сделают с ним теперь — бывшим политическим заключенным, дающим прибежище другому политическому заключенному? Если раньше Туан и не был «реакционером», то теперь станет им точно.

Он знает человека, отец которого был застрелен по ошибке во время так называемой «аграрной реформы». Тот человек все еще подозревается в «вынашивании планов мести революционному правительству». Старый До угадывает мысли Туана по выражению его лица. Он шепчет, как будто про себя:

— У меня нет выхода. Если вы согласитесь, я не буду вас долго беспокоить.

Туан тихо говорит:

— Да, действительно, нам будет трудно, но ведь это временно, пока не устроитесь. Моя жена пряд ли будет против. Оставайтесь, пообедайте с нами. Мы долгое время не обедали вместе.

Туан кладет Дуонга в кровать, потому что тот крепко заснул, и приглашает Старого До умыться. Выглядывают любопытные соседи. Вид Старого До привлекает всеобщее внимание, так как он напоминает старого Виталиса из французского романа «Без семьи»*. Два друга беседуют, готовя обед. Нгюк сказала им, что делать, пока она не вернется. Она все понимает и очень тепло относится к друзьям ее мужа по заключению. Ни одного из них она не прогнала, когда они оказывались в подобной ситуации.

Без колебаний Нгюк разрешает Старому До остаться на ночь. Она ведет себя как верующий человек, неважно какой религии следующий: христианской, буддийской или даже коммунистической, главное — основанной на моральных принципах: «Если вы любите всех людей, делайте добрые дела, и ваши дети будут пользоваться плодами вашего великодушия». Туан восхищается женой и следует ей во всем. Она добра, думает о других прежде, чем о себе, и никогда не отказывается помочь в беде.

Старый вьетнамец.

Туан понимает, что тот человек, которого Нгюк знала юным студентом, добровольцем антифранцузского Сопротивления, исчез навсегда. Сам Туан тоже должен был исчезнуть, его смерть — последовать за «смертью» того студента, но он не хочет умирать. Он должен бороться. Он должен жить. И писать.

Цель его жизни состоит в том, чтобы писать. Писать о том, что он любит и что ненавидит. Воссоздать светлые дни своего детства, память о которых не дает ему покоя. Тот, кто положил конец этому счастливому времени, должен быть прикован к своим преступлениям навсегда. Каждая из его поэмы станет веревкой для палачей.

Жаль, что это только мечта. Придет ли тот день, когда он снова будет писать? Так много проектов и идей были предложены правительству, но были отклонены и «испарились без следа». Это выражение Биня.

Он единственный человек, которому Туан может довериться. Бинь сказал ему однажды: «Мы помогли создать этот режим. Мы гордились им сначала. И теперь, несмотря на все усилия, я ничего не могу изменить. Мы несем личную ответственность за эту страну». Бинь хотел бы встретиться со Старым До, но тот приходит домой очень поздно. Его вещи в углу похожи на осколки разбитой жизни.

Старый До подходит к лестнице тихо, как кошка. Он так поворачивает ручку, что не издает ни звука, открывает дверь и проскальзывает в комнату со старой кожаной сумкой, подаренной Нгюк. Внутри — две миски и котелок. Ручки сумки Нгюк связала платком.

Когда он входит, mosquitoные сетки уже натянуты, но на столе в центре комнаты еще горит масляная лампа. Ее свет приглушает самодельный абажур из пластикового мешка для удобрений. Иногда Хюп, старший сын, еще сидит за уроками. Иногда Туан припозднится с работы. Нгюк заканчивает уборку, и Туан ждет Старого До пить чай. Иногда — это свежий чай, иногда — нет. Старый До

* Бродячий артист, персонаж популярного во Вьетнаме романа французского писателя Гектора Мэла «Без семьи», впервые опубликованного в 1878 г. — прим. пер.

берет чашку и идет к своему углу, где расстелена циновка со скатанным одеялом. Он дует на горячий чай, пьет его с удовольствием, но всегда один. Потом ставит чашку на стол, на цыпочках пересекая комнату, возвращается к циновке, закутывается в одеяло и затихает.

Если он приходит, когда все уже спят и лампа потушена, то покорно направляется прямо в свой угол. Неплохо бы выпить чашку горячего чая, но он довольствуется теплом комнаты, нагретой спящими людьми. Тихо лежит, борясь со сном. Туан знает, что он не спит, потому что во сне Старый До обычно стонет.

Хотелось бы узнать, что он делает весь день и ест ли он что-нибудь. Но Старый До избегает вопросов, как только приходит — идет в свой угол и закутывается в одеяло с ног до головы. А утром его уже нет, только свернутая циновка в углу. Так же, как и в тюрьме.

Он покидает дом, когда еще темно, тихо открывает дверь, по-кошачьи спускается с лестницы и выходит на улицу. Ледяной ветер дует навстречу. Но большая фуфайка, к которой он сам пришел завязки, хорошо его защищает. Он открывает уличный кран, умывает лицо и споласкивает рот, потом связывает платком ручки сумки и уходит. Старый До ведет себя так, будто спешит, преследуя важную цель или выполняя неотложное поручение, на самом же деле двигаясь по кругу. Туан обнаруживает это однажды, поднявшись после того, как Старый До ушел. Дважды он видит его, пересекающего центр города. Может быть, никто в окрестности и не догадывается, что старик живет в его доме.

Старый До возвращается только после того, как заканчивается программа общественного радио. Утром он уходит задолго до утренней гимнастики, которой предшествуют только позывные. Хорошо, что сейчас долгие ночи. Люди рано ложатся и поздно встают.

Туан задерживается подольше, чтобы подождать Старого До. Радио замолчало. Дети спят под одеялами за москитной сеткой. Медленно поворачивается дверная ручка. Входит Старый До. Туан жестом показывает, чтобы он подошел. Нгок скрывается за сеткой. Старый До настораживается.

Туан наливает чай и тихо спрашивает:

— Как проводите дни?

Старый До отвечает, не задумываясь, потому что давно придумал ответ на этот вопрос:

— О! Понемножку.

От старика исходит запах уличного мусора и помойки.

— У нас есть горячая вода. Вы хотели бы умыться?

Старый До кивает. С чайником горячей воды в руке Туан провожает его вниз. Они спускаются очень тихо. Туан размешивает воду, стараясь не шуметь. Старый До снимает фуфайку и тщательно моет лицо и руки. Туан знает, что доставляет ему удовольствие. Он приготовил еще один сюрприз, который ждет Старого До в комнате, — ошпаренная маниока, сваренная в слегка подсоленной воде. Она уже остыла, но все равно очень вкусная. Старый До ест. Он не отказывается, как обычно. В первый раз он принимает угощение, когда возвращается ночью. Он думает, что у Туана хорошие новости. Туан смотрит на Старого До и тихо говорит:

— Такое случается нечасто?

Старый До кивает:

— Конечно.

Только Старый До знает, чем он сыт. Наполняются ли когда-нибудь его миски?

Он лег, не закрываясь москитной сеткой.

Туан заснул, но скоро был разбужен громкими ударами в дверь и криком:

— Откройте дверь! Проверка прописки!

Туан ждал этого обыска. Он уже подготовил ответы на все возможные вопросы. Он зажигает свет и открывает дверь. Жилищный инспектор и работник домоуправления.

Они будят людей среди ночи, чтобы проверить прописку, без всяких сожалений по поводу причиненного беспокойства. Фактически это провокационное действие, которое они, может быть, и не желают, но обязаны выполнять во имя революции, и это уменьшает их совесть на 99%.

Данная процедура должна вызывать у жертвы ощущение страха и унижения.

Уполномоченные молча оглядывают комнату. Они пересчитывают.

— Кто это?

Их взгляд направлен на груды одеял в углу, рядом с маленьким Хяепом. Одеяла начинают шевелиться, и оттуда появляется морщинистое лицо Старого До со спутанными волосами и длинной бородой. Он мигает от яркого света.

Проверяющие смотрят на Туана. Тогда поднимается Нгок, поправляет одежду, приглаживает волосы и выходит вперед:

— Это друг моего мужа.

— Он имеет временную прописку?

— Еще нет.

Тишина. Инспектор пожимает плечами.

— Дайте мне домовую книгу.

Нгок ищет регистрацию.

— Где еще один ребенок?

— Моя дочь уехала в деревню.

— Вы сообщили властям о ее временном отсутствии?

— Она поехала к бабушке с дедушкой.

— Это значит, что вы не сообщили о ее временном отсутствии, так?

Туан молчит. Нгок тоже.

— У гостя есть документы?

Старый До откидывает одеяло, роется в мешке и вещах и наконец находит какие-то бумаги. Это — справка об освобождении.

Инспектор берет лист, читает. Поворачивает другой стороной — удостовериться, что не подделка, потом говорит — угрожающе и с намеком:

— Завтра вы оба и ваш гость должны явиться в полицию и зарегистрироваться.

После ухода Туан пытается услышать шум других проверок. Все тихо. Они прибыли, чтобы проверить только его жилище. Дети возвращаются за москитную сетку и закутываются в одеяла. Старый До подходит к столу, чтобы все обсудить, но Туан говорит:

— Уже поздно. Давайте немного поспим. Если хотите, поговорим завтра утром.

Все ложатся, но как можно спать? Туан не хочет привлекать внимание, включая ночью свет, и нельзя говорить в саду: шепот могут услышать.

Боль. Волнение. Они отнимут мою прописку? И справку об освобождении Старого До? Еще одно беспокойство: они осматрели только его комнату, потому что давно следят за ней и знают, кто приходит сюда, даже если уходит очень рано и приходит очень поздно. Теперь Старый До будет винить себя за неприятный инцидент, но Туан понимает, что эта проверка была направлена против него. Нгок тоже. Они поняли истинную подоплеку происшедшего и чувствуют себя загнанными, как на охоте.

Следующим утром Старый До остался. Нгюк приготовила корни лопуха под рыбным соусом и накрыла на стол. Семейный завтрак — большое удовольствие для Старого До. Туан настаивает, чтобы он съел две чашки.

После завтрака Старый До попросил Нгюк сесть и поговорить с ним. Он смотрит на пято на столе, щурится, и морщинки сбегают к углам его глаз. Говорит медленно, торжественно.

— Я действительно нахожусь в очень трудной ситуации. Вы оба помогли мне, и я не знаю, как вас благодарить. Сначала я думал остаться на три или пять дней, а прошло уже две недели, и это слишком даже для вашего безграничного терпения. Так дальше продолжаться не может. Ваша комната очень мала и для вашего семейства, не говоря уж про меня. Дети растут, им нужно место для игр и занятий. И еще эта проверка ночью. Я очень сожалею, что воспользовался вашей добротой.

То, что он говорит — правда. Туану очень трудно давать приют Старому До.

Даже на четыре-пять часов в день. Даже если он занимает маленький угол у задней стены. Даже если он появляется и исчезает, как тень. Даже если он свел все свои нужды к минимуму, отказавшись от чая, табака, от всего. Жизнь жестока. Всем помочь невозможно.

— Сегодня я вас покидаю. Я не знаю, куда пойду, но не могу остаться у вас больше. Вы должны меня отпустить.

Он выглядит решительно, но вдруг с волнением спрашивает:

— Они отнимут вашу прописку? И мою справку?

Он дает понять, что считает себя виноватым. Прописку и справку вернули, но с условием, что «нарушители» раскаются. Они должны проявлять уважение к желтым мундирам*. У Туана аллергия на этот цвет, но он не считает ни людей в форме, ни Старого До виновниками несчастия в своей жизни. Чиновники лишь выполняют приказ, даже такие, как начальник Лам в лагере VQ. Туан боится желтого цвета, потому что он неразрывно связан с тем временем, когда его жизнь была похожа на жизнь животного.

Старый До прощается с Нгюк, которая уже идет за велосипедом, чтобы ехать на работу. Он целует Дуонга, самого младшего сына Туана. Только сегодня тот понимает, что старики с замечательной длинной бородой спал рядом с его кроватью. Теперь, на руках у Старого До, он может играть с этой бородой сколько захочет. Дуонга не отталкивает неприятный запах от одежды старика, он нежно гладит его бороду от подбородка до груди. Старик подносит его руку к лицу и вдыхает запах детства, который возвращает его в недостижимое прошлое, к семье.

Его глаза туманятся от слез. Видя, что Старый До плачет, Дуонг отнимает руку, тогда старик быстро встает, скидывая на плеч свой мешок с вещами.

— Все, я ухожу.

Туан провожает его вниз.

Позже, вспоминая Старого До, Туан понимает, что эти воспоминания — самые тяжелые в его жизни. Он чувствует себя виноватым. Он вел себя как эгоист, он соучастник преступления против Старого До. Конечно, Туан понимает, что эти обвинения необоснованны и несправедливы, но продолжает раскаиваться, не в силах стереть из памяти уход Старого До.

Месяцем позже Старый До вернулся. Он выглядел все тем же одиноким Виталсом с мешком, в ветхой одежде с запахом нищеты. Но отличие было: несмотря на несчастный и усталый вид, в глазах появился лучик надежды.

Старый До спрашивает:

— У вас есть карандаш и бумага?

Его очки сломаны, и он не может писать. Прибегает Дуонг погладить его бороду.

Старый До тихо говорит:

— Иди, поиграй где-нибудь еще, дедушка пока занят делом.

Дуонг направляется к папе. Теперь он может только смотреть на бороду.

Старый До протягивает карандаш Туану:

— Вы сможете написать за меня?

Туан показывает, что готов. Старый До диктует:

— Демократическая Республика Вьетнам. Независимость. Свобода. Счастье**.

Служба госбезопасности. Минуточку... Может быть, лучше писать в управление лагеря VQ?

— О чем Вы говорите?

— Я прошу снова поместить меня в лагерь, откуда был освобожден.

Туан ошеломлен. Он опускает карандаш и смотрит на Старого До.

— Я думал об этом, мне лучше в лагере. У меня нет семьи, поэтому мне все равно.

Туан понимает. Прелесть жизни легче для Старого До. Но тогда он умрет там. Он же боится умереть в неволе?

— Я больше так не могу.

Он прав. Та жизнь, какую он ведет сейчас, еще страшнее, чем в лагере.

— Тогда Вы должны сделать запрос в Службу госбезопасности. Лагерь для интернированных лиц примет Вас только по ее распоряжению. В тот лагерь, где мы работали. Вас не пустят.

— Вы правы. Пишите, пожалуйста.

Туан пишет. Старик терпеливо ждет. Через некоторое время Туан говорит:

— Я Вам прочитаю.

«Демократическая Республика Вьетнам.

Независимость. Свобода. Счастье.

Прошу о возобновлении заключения в лагере перевоспитания».

Старик качает головой: «Да, да...»

— Подпишитесь здесь.

Он подписывается. Потом надежда на его лице уступает сомнению. Он грустно говорит:

— Они могут не согласиться...

Это был последний раз, когда Старый До приходил к Туану. Его просьба так и не будет удовлетворена.

Начиная с того дня он роется в кучах мусора перед ресторанами и гостиницами.

Подбирает остатки супа из чашек. Собирает крошки хлеба. Он преследует две цели: первая — утолить голод, вторая — осуществить свой план: они могут арестовать его, как бродягу, и послать в лагерь для перевоспитания. Правда, на сей раз он будет уже уголовным преступником, как тот старый француз, с которым он сидел в лагере, обвиненный в краже обедов в государственных ресторанах.

Но Старый До неудачлив. Раньше проводились кампании («crystalizing campaign») по зачистке города от бродяг. Теперь город уже чист, как кристалл, или не совсем чист,

* Мундиры сотрудников вьетнамской госбезопасности — желтого цвета — прим. пер.

** Лозунг на всех официальных документах ДРВ/СРВ до сегодняшнего дня — прим. пер.

но они не считают нужным «кристаллизировать» его еще больше.

Кампания закончена, результаты зарегистрированы, и теперь это — история.

У старика нет другого выбора, как остаться в городе. Фуфайка стала совсем велика и приобрела неопределенный цвет. Однажды Туан встретил его, доставляя сигареты к центральному универмагу. Старый До напоминал мешок ваты, он перерывал кучу мусора на другой стороне улицы. Это было весной 1975 года, в середине сезона дождей, спустя 2 года после того, как Туан вышел из тюрьмы.

Северная Армия начала наступление в Южном Вьетнаме на Баметхуот, шла кампания за воссоединение страны.

Туан окликнул старика, но тот не ответил, полностью сосредоточенный на своем занятии. Туан подошел. Старика в зашлепавшей фуфайке окружал сильный запах, который висел в воздухе, распространяясь дальше по улице. Он посмотрел на Туана, как на незнакомца, и продолжил свои поиски, не сказав ни слова. То ли он не узнал Туана, то ли утратил память. Возможно, решил оборвать все связи с окружающим и остаться в одиночестве, которое необходимо, чтобы забыть, кто ты такой, и жить в своем мире.

Время от времени люди видели старика, окруженного детьми. Маленький старичок с густой длинной бородой. С мешком за плечами. Он ходит по дворам, чтобы украсть какую-нибудь одежду, сохнувшую на веревке, или пару сандалий, оставленных перед домом. Но его все никак не арестовывают. Даже когда поймают на месте преступления, не осуждают, не ругают и не бьют его. Никто не вызывает полицию, но даже если в полиции узнают, то не отправят его в лагерь. Его план никого не интересует! Зато он сам всегда интересен детям. Когда старик входит в переулочек, где много веревок для сушки, они шумно приветствуют его. Дети искренне ему рады, где бы он ни появился. Видя любовь детей, взрослые жалуют старика и не сообщают о нем в полицию.

Так он не попадет в лагерь никогда.

Дети из пригорода Сайгона.

Католический храм в Контуме, после 1975 г. используемый как склад.

Однажды он забрел на улицу, где живет Бинь. Дети спрятались за углом и тихо выглядывали оттуда. Как только старик взялся за рубашку на веревке, они, смеясь, выпалили на улицу. Их радость непосредственна (они так же рады уполномоченным, приходящим в их дома для проверки). Веселый смех останавливает старика. Он опускает руку и уходит, покачиваясь, из переулка. Дети подбегают к нему, окружают и дразнят. Он улыбается им снисходительно. Другие дети ждут его в других переулках и будут очень огорчены, если старик не зайдет. Он радует детей, как Санта Клаус, но Санта бессмертен, а Старый До доживает последние дни.

Когда он ел последний раз? Он не помнит. Что он ел в тот день? Он больше не голоден.

Шагает, как лунатик. Ему легко, он не чувствует, как касается земли.

Приходит день, когда он уже не может идти. Его душа свободно парит в мечтах.

Это очень приятное ощущение, он раньше такого не испытывал. Нашлось и место, где можно лечь и мечтать: разрушенный храм. После Женевских соглашений 1954 года* этот храм был переделан в скотобойню. Свиней привозили туда в грузовиках из деревни, закалывали и увозили мясо на рынок. Здесь было много суеты и шума: урчание грузовиков, визг свиней, скрип телег, на которых подвозили рис, чтобы обменять на саянкой помет, используемый как удобрение, бульканье в котлах с кипящей водой, чтобы готовить корм свиньям.

Война вынудила людей оставить город и искать убежища в сельской местности, поэтому храм больше не используется как скотобойня. Он пришел в полный упадок. Нет больше богослужений, никаких следов свиного помета. Можно увидеть только летучих мышей. Это — идеальное место для грез. Никто не тревожит Старого До.

Эйфория. Он ничего не помнит, только чувствует, что плывет по воздуху.

Старый До не умер в тюрьме, его желание сбылось. Он больше не придет к детям, которые его ждут.

Сначала они будут по нему скучать.

Потом начнут забывать.

И забудут совсем.

Перевод с английского:
Ирина и Владимир ХОЛМОГОРСКИЕ

* 21 июня 1954 г. в Женеве были подписаны соглашения, согласно которым Вьетнам был разделен по 17-й параллели на ДРВ и Южный Вьетнам — прим. пер.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ВО ВЬЕТНАМЕ

Из отчета Human Rights Watch. 2002 год

Из отчета организации по правам человека следует, что в 2001 году наблюдались значительные нарушения прав человека во Вьетнаме, особенно в области свободы вероисповедания.

В феврале силами безопасности, в ответ на неоднократные протесты по поводу права на землю в Центральной Горной местности, арестованы многие вьетнамцы, принадлежащие к этническому меньшинству монтаньяров (*вьетнамских горцев народности дегар — прим. ред.*). Среди задержанных, арестованных или преследуемых — многие религиозные лидеры и политические диссиденты, члены запрещенной во Вьетнаме Объединенной Буддийской Церкви, приверженцы буддийской секты Хоа Хао, католики, люди, отказавшиеся от членства во Вьетнамской коммунистической партии, ветераны войны и партии, критикующие политику партии.

Избрание в апреле 2001 года на IX съезде партии нового Генерального секретаря КПВ Нонг Дук Маня (Nong Duc Manh), известного как сторонника контактов с Западом, давало надежду, что Вьетнам форсирует проведение реформ. Эти надежды развеялись уже к октябрю.

...

В феврале 2001 года беспрецедентные массовые протесты вспыхнули в провинциях Джилалай (Gia Lai), Даклак (Dak Lak) и Контум (Kon Tum) в Центральной Горной местности. Тысячи монтаньяров (многие из которых — христиане) собрались, чтобы потребовать права на землю и свободу вероисповедания. В ответ власти послали войска в регион, полиция произвела тщательный розыск подозреваемых лидеров, арестовав в феврале, по меньшей мере, двадцать человек. Несколько арестованных во время ареста и в течение допроса были избиты полицейскими или подвергнуты пыткам электричеством. Во многих горных областях правительство запретило собираться группами более четырех человек. Введены ограничения свободы передвижения, усилены преследования протестантов-монтаньяров и наблюдение за ними. Внешняя и внутренняя телефонная связь в регионе была отключена в течение нескольких недель. Дипломаты и иностранные средства информации не имеют доступа в область, кроме поддержанного правительством пресс-тура в середине марта и четырехдневной поездки американского посла в июле.

Более тысячи монтаньяров бежали в Камбоджу, чтобы избежать ареста. В сентябре народные суды в провинциях Даклак и Джилалай приговорили четырнадцать монтаньяров к тюремному заключению сроком от шести до двенадцати лет по обвинению в нарушении государственной безопасности, согласно статье 89 Уголовного Кодекса. По крайней мере, десять человек были приговорены на нескольких районных судах, без

огласки проведенных в Даклаке и Джилалае в октябре, что доводит общее количество осужденных к ноябрю 2001 г. до двадцати четырех человек.

Human Rights Watch получила сообщение о поджогах органами госбезопасности протестантских церквей в Центральной Горной местности. 10-го марта солдаты и вооруженная полиция с электрическими дубинками провели облаву в деревне Плейлао (Plei Lao), округ Чусе (Chu Se) провинции Джилалай, где несколько сотен сельских жителей народности джарай (Jarai) проводили ночной молебен. Когда полицейские арестовали одного молодого крестьянина, собравшаяся толпа попыталась вытащить юношу из полицейского джипа. Полиция и солдаты бросали в толпу гранаты со слезоточивым газом, а затем открыли огонь. Многие были избиты и ранены, и, как минимум, один крестьянин, по имени Рмах Блин (Rmah Blin), был убит. Впоследствии сотрудники органов безопасности сожгли деревенскую церковь дотла. Четверо из арестованных пробыли в тюрьме в Плейку (Pleiku) до октября. В сентябре один из жителей деревни Плейлао (Plei Lao), Сию Бок (Siu Boc), был приговорен судом в Джилалае к одиннадцати годам заключения в тюрьме.

В начале июня местные власти провели несколько массовых акций, во время которых монтаньяры, участвовавших в февральской демонстрации, вынуждали признаваться в предполагаемых проступках и отказываться от христианства перед жителями нескольких деревень, а в скрепление клятвы заставляли пить ритуальное рисовое вино, смешанное с кровью жертвенного козла.

Повсюду во Вьетнаме методично проводится кампания запугивания и слежки за известными политическими диссидентами. 9 февраля академик Ха Си Фу (Ha Sy Phu) был помещен под административный арест на два года в Далате (Dalat) по подозрению в сотрудничестве с «враждебными силами» за границей. В том же самом месяце демократ-активист Ву Као Кван (Vu Cao Quan) был несколько раз вызван в полицию после того,

Демонстрация вьетнамцев в Канаде перед зданием парламента в Оттаве в знак протеста против ареста во Вьетнаме преподавателя Сун Хуен Куана и Сун Куан До. 1 октября 1995 г.

как организовал встречу для обсуждения демократических реформ в Хайфонге. 24 апреля, через десять дней после встречи в Ханое с другими активистами-демократами, Ву был арестован. 26 апреля группа ханойских полицейских явилась в дом другого известного диссидента Хоанг Минь Чиня (Hoang Minh Chinh) с требованием явиться в полицейский участок. Хоанг Минь Чинь отказался и в течение года находился под надзором полиции.

В июне тайная полиция задержала в Хошимине наиболее влиятельного вьетнамского диссидента, Тран До (Tran Do), и конфисковала черновики его мемуаров. Впоследствии Тран До обратился к лидерам партии и Союзу писателей Вьетнама с письмом, в котором требовал вернуть изъятые произведения.

Правительство усилило преследования в сентябре, когда в Ханое были задержаны пятнадцать диссидентов, включая Фам Кью Донга (Pham Que Dong), Хоанг Тиена (Hoang Tien), Хоанг Минь Чиня (Hoang Minh Chinh), Тран Ван Кхюе (Tran Van Khue), Нгуен Ву Биня (Nguyen Vu Binh) и Нгуен Тхан Джанга (Nguyen Thanh Giang). Второго сентября, как раз перед арестом, Фам Кью Донг и Тран Ван Кхюе представили на рассмотрение правительства запрос о формировании независимой организации против коррупции. 9-го октября Тран Ван Кхюе был официально помещен под домашний арест на срок до двух лет, в соответствии с Постановлением 31/СР. В феврале и в июне 2001 г. Фам Кюе Дуонг и другие диссиденты подписали обращение к руководителю КПВ с призывом отменить постановление 31/СР, который разрешает заключение до двух лет без суда.

Полиция неоднократно в течение года вызывала на допрос буддийского монаха Тич Кванг До (Thich Quang Do), второго по рангу служителя запрещенной Объединенной Буддийской Церкви Вьетнама (ОБЦВ). Четвертого февраля Тич Кванг До был арестован и обыскан тайной полицией после посещения им Высшего патриарха ОБЦВ Тич Нгуен Кванга (Thich Nguyen Quang), который находится под домашним арестом в Квангнае (Quang Ngai) с 1982 года. В июне Тич Кванг До был помещен под административный арест на два года в своей пагоде после того, как он объявил, что намеревается сопроводить Тич Нгуен Кванга в Хошимин для лечения. В то же самое время были задержаны три других монаха ОБЦВ — Тич Кхонг Тань (Thich Khong Tanh), Тич Кванг Хью (Thich Quang Hue) и Тич Тан Ан (Thich Tan An). Второго сентября 2001 г. Хо Тан

Вьетнамский христианин
То Дин Трунь в тюрьме.
1998 г.

Ань (Ho Tan Anh), лидер запрещенного Движения Буддийской Молодежи (ДБМ), входящего в ОБЦВ, совершил акт самоубийства в Дананге (Da Nang), в знак протеста против отсутствия религиозной толерантности во Вьетнаме. В течение последующих месяцев полиция неоднократно производила обыски в домах лидеров ДБМ.

Как и в прошедшие годы, правительство позволяло религиозную дея-

тельность только официально признанным церквям и организациям. В апреле 2001 года Государственное бюро по религии признало Евангелистскую Церковь Вьетнама, предоставив законный статус приблизительно трем сотням отдельных церквей на

Епископ Нгуен Ван Ли во время суда. Октябрь 2001 г.

Юге, игнорируя при этом более многочисленную протестантскую общину. Христиан этнических меньшинств ущемляли в правах, заставляя отказываться от веры не только в Центральной Горной местности, но и в северных провинциях Лайчау (Lai Chau), Лаокай (Lao Cai) и Хагианг (Ha Giang). По меньшей мере, шестнадцать представителей народности хмонг (Hmong) находятся в тюрьме в провинциях Лайчау, Вуньфук (Vinh Phuc) и Траньха (Thanh Ha) с октября. В апреле и июне полиция Хошимина запретила службы, проводимые меннонитским пастором Нгуен

Хонг Квангом (Nguyen Hong Quang), а 17 августа его избили и арестовали по причине работы в школе «без официального разрешения».

В январе Ха Хай (Ha Hai), генеральный секретарь запрещенной церкви Хоа Хао, был приговорен к пяти годам тюрьмы за нарушение домашнего ареста и «злоупотребление демократическими правами». 17 марта Куанг Лиём (Quang Liem), председатель центрального совета буддийской церкви Хоа Хао, был арестован в Хошимине. Двумя днями позже член этой церкви Нгуен Тхи Тху (Nguyen Thi Thu) в знак протеста покончила с собой в провинции Донгтап (Dong Thap). В течение года были вынесены приговоры другим членам Хоа Хао: Хо Ван Тронгу (Ho Van Trong) и Труонг Ван Дуку (Truong Van Duc).

Несмотря на июньский визит делегации Ватикана во Вьетнам, установление дипломатических связей между Вьетнамом и Ватиканом продвигается с трудом. Вьетнамское правительство продолжает настаивать на участии в назначении одобренных Ватиканом епископов, приняв в июне три кандидатуры и отклонив три другие. Однако власти Вьетнама разрешили католикам посещать ежегодную праздничную мессу в честь Богородицы в древнем храме Ла Ванг (La Vang Church) в провинции Куангтри (Quang Tri). В марте епископ Нгуен Ван Ли (Nguyen Van Ly) был помещен под домашний арест в Хюэ (Hue) и подвергся осуждению государственных средств информации, после того как обнародовал отчет Американской Комиссии по Международной Религиозной Свободе. 17 мая он был арестован после богослужения, на котором, предположительно, распространял листовки. Нгуен Ван Ли был обвинен в нарушении домашнего ареста и в подстрекательстве общественных беспорядков. В октябре он был приговорен народным судом в провинции Туатьен-Хюэ (Thua Thien-Hue) к пятнадцати годам тюремного заключения за «подрыв политики национального единства» и нарушение испытательного срока (статьи 87 и 269 Уголовного Кодекса).

По меньшей мере, три члена Католического Братства Богородицы Искупиельницы (Catholic Congregation

Раненный полицией участник демонстрации протеста перед тюрьмой Чамой 7 декабря 2000 г.

of the Mother Co-Redemptrix), заключенных в тюрьму в 1987 г. за проведение курсов обучения и распространение книг религиозного характера, до сих пор находятся в неволе.

Свобода организаций остается очень ограниченной. Создание независимых ассоциаций, профсоюзов или неправительственных организаций по-прежнему запрещено. Правительство разрешило несколько не-

больших демонстраций и «сидячих забастовок» против захвата земли и коррупции. В марте состоялась необычно большая демонстрация протеста в Ханое: пятьсот человек из северной провинции Сонла (Son La) собрались около мавзолея Хо Ши Мина, для того чтобы отстоять права на землю. Полиция, разрешившая представителям делегации встретиться с должностными лицами, быстро выставила на площади заградительный кордон. В конце концов премьер-министр запретил общественные протесты в Ханое, объясняя это соблюдением мер безопасности для IX съезда партии.

Забастовки, до этого редкие, участились в течение года. Главным образом они были направлены против иностранных и частных компаний. В течение первого полугодия произошло более двенадцати забастовок в Хошимине против компаний с иностранными инвестициями. В августе бастовали более четырехсот хошиминских рабочих легкой промышленности с требованием выплатить заработную плату и протестом против случаев избиения беременных работниц на предприятии, принадлежащем южнокорейской компании.

Все средства массовой информации по-прежнему принадлежат государству и жестко контролируются. Нет ни одной частной газеты или телекомпании. Иностранным средствам информации требуется заранее получить разрешение Министерства иностранных дел для всех поездок вне Ханоя и стирать все интервью с вьетнамскими гражданами по прошествии четырех

дней. В июле вступил в силу новый декрет 31/2001/ND-CP о средствах информации. Он предусматривает наложение штрафа за разнообразные нарушения, включающие переиздание запрещенной литературы, преднамеренную публикацию средствами информации ложных сведений и издание произведений, содержащих порнографию или «суеверия».

В августе правительство приняло декрет, который устанавливает еще более строгие ограничения на деятельность Интернет-кафе и штрафы за «незаконное» использование Интернета, в частности за использование интернет-услуг частных и иностранных компаний. Правительство строго следит за доступом населения к Интернету, контролируя действия единственного провайдера. Кроме того, правительство использует брандмауэры для блокирования доступа к сайтам, которые считает предосудительными или диссидентскими. В августе доступ в Интернет был прекращен в провинции Фуьен (Phu Yen) на том основании, что имела угроза национальной безопасности.

Тюремные условия по-прежнему чрезвычайно суровы. Human Rights Watch имеет сведения об использовании кандалов и одиночного заключения в тесных темных камерах, избиениях, пытках арестованных электрошоком. В июле официальная пресса сообщила, что более чем 17 процентов задержанных в тюрьме Чихоа (Chi Hoa) в Хошимине находились в заключении после окончания сроков, и один заключенный пробыл в тюрьме тринадцать лет после того, как был освобожден по апелляции. Полицейские обычно арестовывали и задерживали подозреваемых без ордера на арест, и они оставались около года в заключении до получения официальных обвинений. Постановление 31/CP использовалось очень часто, чтобы держать диссидентов под домашним арестом.

Вьетнамское правительство запрещает независимым ассоциациям или правозащитным организациям в СРВ. Власти упорно препятствовали контактам граждан и организаций с представителями международных организаций по правам человека. Правительство продолжало отказывать в разрешении международным правозащитным организациям, таким, например, как Human Rights Watch и Amnesty International, проводить официальные миссии во Вьетнаме.

АДРЕСА ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ВО ВЬЕТНАМЕ

Free Vietnam Alliance Organization <http://www.fva.org/>

Vietnam Human Rights Network <http://www.vnhrnet.org/>

Vietnam Democracy Newsletter <http://www.fva.org/vndemo.html>

Vietgate <http://www.saigon.com/>

Vietworld <http://www.vietworld.com/index.html>

ТЕМНЫЙ КОФЕ

скрытые ингредиенты вьетнамского кофе

Сегодня Вьетнам занимает второе место в мире по объему производства кофе «Робуста», и почти весь урожай этого кофе приходится на одну область Вьетнама — Центральную Горную местность. Эта область находится в горах Южного Вьетнама и является родиной маленькой горной народности дегар (монтаньяров). Кофе, который здесь выращивают, может быть хорошим на вкус и иметь экзотическое название, но мы можем поручиться, что его зерна — это семена ненависти. В этот кофе нужно положить много сахара, чтобы скрыть его горечь.

ГОРЬКИЕ СЕМЕНА НЕНАВИСТИ

Про какую горечь мы говорим?

Про горечь пыток, горечь репрессий, горечь зверского обращения с мирным горным племенем, которое находится сейчас на грани выживания. Монтаньяры — одна из самых древних рас в Азии — находятся под угрозой полного исчезновения, потому что правительство Вьетнама конфискует их земли, стерилизует женщин, арестовывает людей.

Семена ненависти посеяны в 1975 году, когда коммунисты заняли юг Вьетнама. Подобно Пол Поту, власти ДРВ начали геноцид против народа, который коммунистические идеологи сочли низшим.

Во время вьетнамской войны монтаньяры сотрудничали с американцами. Сорок тысяч из них воевали на стороне армии США.

Они боролись и умирали вместе с американскими солдатами, заслужив их дружбу и доверие. До вьетнамской войны этот горный народ в течение многих лет преследовался властями Северного и Южного Вьетнама, претендовавшими на их земли. У монтаньяров не было другого выхода, как присоединиться к Америке в борьбе против коммунизма. ЦРУ и армия США завербовали их так же, как и французы в первой индокитайской войне. Но вьетнамская война неожиданно закончилась для них поражением.

УРОЖАЙ ГЕНОЦИДА И МСТИ

В 1975 г. у победивших коммунистов имелись все возможности для мести. Начались казни и массовые депортации в исправительно-трудовые лагеря.

Культура монтаньяров под запретом, их территории конфискуются.

Сегодня на землях монтаньяров выращивается кофе — тот самый знаменитый вьетнамский кофе. За 26 лет коммунистического режима семена ненависти проросли ростками геноцида и мести.

Теперь понятно, почему вьетнамское кофе горчит, очень горчит.

Мы расскажем вам об ингредиентах вьетнамского кофе на тот случай, если у вас вдруг не хватит сахара и вы захотите узнать, откуда же взялся такой отвратительно-горький привкус.

1. Военное положение.

В феврале 2001 г. Вьетнамское правительство объявило военное положение в Центральной Горной местности и началась расправа над горным народом. Сотни христиан-монтаньяров были убиты, замучены, арестованы. Танки, вертолеты и более 16000 солдат все еще находятся в этой области и блокируют все связи с внешним миром.

2. Пытки, казни, тюрьмы.

Служба безопасности последовала вслед за армией, чтобы пытать и арестовывать монтаньяров. Беженцы пытались укрыться в Камбодже.

3. Стерилизация.

Начиная с 1990 года правительство осуществляет программу по стерилизации женщин горного народа. Они вынуждены либо платить штраф, либо давать взятки, либо быть стерилизованными. И без того вымирающий народ может совсем исчезнуть.

4. Принудительное переселение с конфискацией земли.

Начиная с 1975 года правительство Вьетнама проводит систематическое переселение деревень мон-

Тот самый кофе...

Юная мать из племени дегар.

таньяров, чтобы уничтожить большие леса и на их месте разбить плантации кофе, принадлежащие вьетнамской военщине.

5. Религиозное преследование.

Лидеры монтаньярской церкви арестованы и подвергнуты пыткам электричеством. Некоторые из них бесследно исчезли после ареста. Преследования возобновились с новой силой в 2001 году, сопровождаясь массовыми арестами и избиениями.

6. Награда за беженцев-монтаньяров — тех, кто вынужден бежать из Вьетнама и скрываться от органов безопасности.

Вьетнамское правительство назначило награду за голову монтаньяра. В мае 2001 года ООН и Human Rights Watch вмешались, чтобы защитить беженцев, скрывающихся от органов безопасности в Камбодже (Кампучии).

Эти «ингредиенты» опасны для народа дегар, фактически — смертельны. Мы не уверены, опасны ли они

также вне Вьетнама, ведь они не запрещены правительствами во всем мире.

Да, это невероятно, но за пределами Вьетнама вы можете свободно купить этот кофе и пить без видимых вредных последствий. Многие страны покупают его и наслаждаются им. Торговые сделки с Вьетнамом, как производителем кофе, поощряются, а его опасные составляющие остаются без внимания.

Однако мы не уверены, что те, кто обнаружит эти составляющие, обойдутся всего лишь дополнительной порцией сахара. Рано или поздно горечь даст о себе знать подобно скрытой опухоли.

Пьющий этот кофе или позволяющий, чтобы он был произведен, — может отравить свою душу.

По материалам организации
«Montagnard Foundation, Inc.»

Перевод с английского:
Ирина ХОЛМОГОРСКАЯ

Мужчина из племени дегар.

Дети из племени дегар в лагере для беженцев.

Женщина из племени дегар.

ДОКЛАД HUMAN RIGHTS WATCH О МОНТАНЬЯРАХ

23 апреля 2002 года международной правозащитной организацией Human Rights Watch опубликован двухстраничный доклад, в котором документально засвидетельствованы систематические нарушения прав человека в отношении вьетнамских монтаньяров со стороны режима Ханоя, а также содержатся серьезные обвинения в адрес Камбоджи в нарушении международных конвенций по правам беженцев.

После мирной демонстрации в феврале 2001 года, в ходе которой вьетнамские монтаньяры выступили против нарушения права на религиозную свободу и против конфискации их земель, что привело к полному обнищанию вьетнамских монтаньяров, занимающих в настоящее время одно из последних мест на планете по уровню жизни, власти Ханоя объявили чрезвычайное положение на территории проживания монтаньяров и запретили любые инспекции в

этом регионе со стороны международных институтов и независимых экспертов.

В ходе недавно состоявшихся в Европейском парламенте дебатов по Вьетнаму, в ответ на неоднократные вопросы депутата Европейского парламента Оливье Дюпюи (Olivier Dupuis), Европейский Комиссар Паскаль Лами (Pascal Lamy) не только признал ответственность Комиссии за бездействие Комиссара Европейского Союза по вопросам гуманитарной помощи Пола Нельсона (Paul Nielson), но и дал слово, что Комиссия предпримет необходимые шаги с целью добиться от Камбоджи выполнения ею международных обязательств, которые она на себя взяла, ратифицировав в пятидесятые годы конвенции по правам беженцев, а также с целью добиться от Вьетнама начала политики реформ.

Однако, судя по информации, поступающей из этого региона, вместо проведения реформ, о которых говорила Европейская Комиссия, вьетнамско-коммунистическое правительство направило армейское подкрепление в Южный Вьетнам, где проживают монтаньяры, и усилило режим чрезвычайного положения, действующего в этом районе уже более года и направленного против коренного населения горного Вьетнама.

Агентство «Прима»

...И я помню, что когда в моих продолжительных беседах с хозяином о качествах людей, живущих в других частях света, мне приходилось упоминать о лжи и обмане, то он лишь с большим трудом понимал, что я хочу сказать, несмотря на то, что отличался большой остротой ума. Он рассуждал так: способность речи дана нам для того, чтобы понимать друг друга и получать сведения о различных предметах; но если кто-нибудь станет утверждать то, чего нет, то назначение нашей речи совершенно извращается, потому что в этом случае тот, к кому обращена речь, не может понимать своего собеседника; и он не только не получает никакого осведомления, но оказывается в состоянии худшем, чем неведение, потому что его уверяют, что белое — черно, а длинное — коротко. Этим ограничивались все его понятия относительно способности лгать, в таком совершенстве известной и так широко распространенной во всех человеческих обществах.

Джонатан Свифт «Путешествие Гулливера в страну гуингнимов», 1726 г.

КОМПАРТИЯ ВЬЕТНАМА ПРОТИВ МЕЖДУНАРОДНОЙ АМНИСТИИ

Ле ТХАНЬ

«ЛОЖНОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»

Каковы основные права человека?

Это право на жизнь. Право быть независимым, свободным, иметь возможность удовлетворять основные нужды в питании, одежде, крове.

Если свобода и основные потребности ущемлены — это нарушение прав человека.

Если распределение в большинстве стран мира организовано так, что меньшинство живет в роскоши, позволяя себе неразумную расточительность, — это нарушение прав человека.

Есть люди, допускающие эти нарушения, и есть другие люди, упорным трудом преодолевающие их.

Победный путь Вьетнама ясно показывает, что эта нация принадлежит к другим, несмотря на утверждения Международной Амнистии об обратном. Вьетнамцы пожертвовали миллионами жизней, чтобы добиться осуществления своих основных прав. Они не хотели войны, она была им навязана.

Во время войны, невзирая на международные соглашения, враги истребляли мирных жителей, распыляли ядохимикаты, до сих пор продолжающие капечить взрослых и детей.

Определенно, народ Вьетнама заплатил за свои основные права слишком высокую цену в человеческих жизнях и материальных затратах, чтобы позволить отнять их любым способом. Поэтому вьетнамцев удивляют уверения Международной Амнистии о «возобновлении репрессий во Вьетнаме против этнических меньшинств, религиозных и политических диссидентов». Они хорошо знают, что власти делают все возможное, чтобы бороться с голодом и бедностью, добиваясь больших успехов, и преодолеют любые препятствия, потому что создадут богатое, мирное, справедливое общество. Вопрос: «Кто занимается исподтишка подстрекательством, пытаясь пустить под откос набирающий силу прогресс Вьетнама, и почему не на них направлено внимание самозванных сторожевых псов из организации по защите прав человека?»

Правительство Вьетнама следует конституционному закону о свободе совести и вероисповедания. В то же время никто не может нарушать законы страны безнаказанно, независимо от вероисповедания или убеждений. Во Вьетнаме приоритетны права общества, но гарантируются и права индивидуума. Права не существуют без обязанностей, они всегда идут «рука об руку».

Представительница Министерства иностранных дел Фан Туи Танх снова и снова повторяет, что во Вьетнаме нет ни политических, ни религиозных заключенных. В заключении находятся граждане, признанные виновными в нарушении законов страны.

Враждебные силы всегда ищут предлоги для обвинения, но почему Международная Амнистия не доверяет международным наблюдателям, имеющим непосредственную информацию о ситуации в стране?

При недавнем посещении Тайнгуюен (Tay Nguyen) (Центральная Горная местность) некоторые американские официальные лица и многие иностранные журналисты наблюдали каждодневную жизнь местных жителей и результаты государственной политики, направленной на улучшение социально-экономического положения региона.

Они обратили внимание на улучшение материальной и духовной жизни этнических меньшинств и на политику милосердия и доброжелательности к тем, кто незаконно эмигрировал в Камбоджу.

Вьетнам приложил много усилий для сотрудничества с Камбоджей и Верховным комиссаром ООН по делам беженцев, для того чтобы помочь гражданам, введенным в заблуждение враждебными силами и покинувшим страну, вернуться в родные деревни и воссоединиться с семьями как можно скорее.

В мае прошлого года большая группа представителей ООН и различных религиозных конфессий встретилась с главами основных религиозных конфессий Вьетнама — буддийской, католической, протестантской. Они признали, что имели место недоразумения и дезинформация относительно религиозной ситуации в стране.

Усилия Вьетнама по развитию демократии и прав человека в течение прошлого десятилетия были признаны такими международными организациями, как Всемирный Банк (World Bank), UNDP (Программа ООН по развитию) и многими неправительственными организациями.

Число проживающих за чертой бедности сократилось на 50 процентов, индекс развития страны поднялся на 20 мест по показателю валового национального продукта на душу населения.

Вьетнам — первая страна в Азии и вторая в мире, поддержавшая ратификацию международного соглашения по правам ребенка.

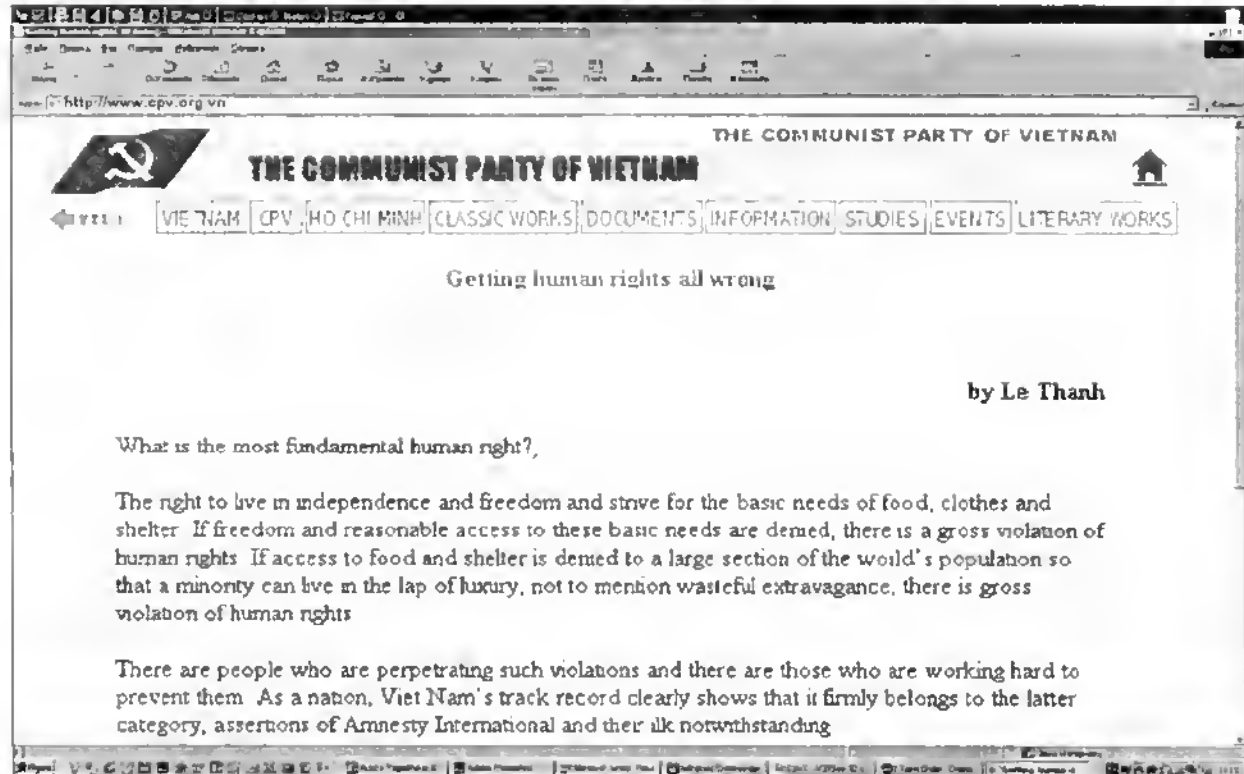
Это страна, подписавшая многие соглашения и протоколы по правам человека.

Государство ясно заявило о своем намерении совершенствовать национальную юридическую систему, чтобы страна жила только по закону. Для осуществления этих целей правительство принимало помощь дружественных государств.

Мы повторяем: вьетнамцы лелеют свою свободу. Они победили, принесли огромные жертвы, и настроены на дружбу со всеми странами для равноправного и мирного сотрудничества.

Может быть, самозванные сторожевые псы прав человека могут делать вещи более полезные, чем пята на кривое дерево?

«Новости Министерства иностранных дел СРВ», 3 июня 2002

Страница сайта Вьетнамской коммунистической партии.

Плакат, посвященный 49-й годовщине образования Демократической Республики Вьетнам.

...Но сейчас у нас совсем другая эпоха, и живется нам, говоря по правде, неплохо: мы обеспечены хлебом и топливом тоже и стали на нормальных людей похожи. И пусть у нас животы еще не кабиты, мы нашей общео целью сыты. Свобода слова укрепляет наш дух, хоть и не все говорится вслух, и кое-что даже, напротив, — шепотом, в чем мы обладаем богатым опытом.

И даже мы, в этом учреждении, исполнены твердого убеждения в том, что о нас заботится государство, и в ответ охотно принимаем лекарства, решительно отказываясь

от какой бы то ни было критики сегодняшней официальной политики, потому что только неисправимые циники недовольны порядками в нашей клинике, а здравомыслящие сумасшедшие приветствуют перемены произошедшие!

Плакат, посвященный 55-й годовщине образования Вьетнамской народной армии.

Петер Вайс «Преследование и убийство Жан-Поля Марата, представленное группой психиатрической лечебницы в Шарантоне под руководством господина де Сада», 1964 г.

От редакции:

Эта история поразительно напоминает сюжет фильма «Бангкок-Хилтон», недавно показанного по российскому телевидению. С волнением наблюдая за судьбой австралийской девушки, приговоренной таиландским судом к смертной казни по ложному обвинению в контрабанде наркотиков (в главной роли снялась популярная актриса Николь Кидман), мы знали, что в конце фильма нас, по законам жанра, ждет «хеппи энд».

Мало кто догадывался, что в те же самые часы, в социалистическом Вьетнаме, в конце XX века, происходит свой «Ханой-Хилтон», в котором события вершатся не по законам жанра, а по закону джунглей...

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

Отмечая 30 апреля 2000 года 25-ю годовщину победы вьетнамской коммунистической Северной армии над Южным Вьетнамом, правительство Ханоя амнистировало 12000 заключенных, в том числе политических и смертников. Но впечатление от этого жеста, направленного на демонстрацию смягчения режима, было испорчено одной смертью — незаконно приговоренной и тайно казненной женщины.

Нгуен Тхи Хиеп и ее 70-летняя мать — Тран Тхи Кам — были арестованы в 1996 году, когда таможенники аэропорта Нойбай (Noi Bai), проверяя их багаж, нашли внутри пяти лаковых картин 12 фунтов героина, стоимостью 5 млн. долларов. Обе женщины категорически отрицали, что знали о наличии наркотиков в картинах. Госпожа Хиеп и ее мать рассказали, что знакомый их семьи попросил помочь перевезти подарки в Канаду и заплатил 100 долларов за услугу.

В 1997 году госпожа Хиеп, гражданка Канады с 1982 года, была приговорена к смертной казни, а ее мать — к пожизненному заключению. Канадские власти и правозащитные группы просили правительство Вьетнама отложить казнь по причине недавно обнаруженного свидетельства, доказывающего, что женщины были обмануты наркоторговцами. Свидетельство основано на показаниях другой канадки вьетнамского происхождения,

арестованной канадской полицией в аэропорту Пирсон (Pearson) после того, как в лаковых картинах, привезенных ею из Вьетнама, был найден героин на сумму 3,5 млн. долларов. Женщина рассказала о людях, с которыми познакомилась во время перелета из Торонто в Гонконг, попросившими ее перевезти эти картины в Канаду. Эта женщина (ее имя полиция назвать отказалась) добровольно сотрудничала с канадской полицией для выявления схемы поставки героина. Она была освобождена через 6 дней после задержания и объявлена невиновной. В этих двух случаях много совпадений: один и тот же вид героина, упакованный в одинаковые мешочки, спрятанные в лаковые картины, предназначался одному и тому же получателю в Торонто. И в том и в другом случае за перевозку было уплачено 100 долларов — слишком незначительная сумма, чтобы рисковать жизнью, если женщины знали о содержимом своего багажа.

Канадская полиция передала свидетельские показания во Вьетнам, и ханойское правительство обещало их рассмотреть. Дело содержало 50-страничный документ, аудиозаписи телефонных разговоров женщины и получателя картин с героином. Все подозреваемые в Канаде были осуждены на тюремные сроки до 14 лет. Если госпожа Хиеп сознательно занималась контрабандой больших партий героина, она заслужила суровый приговор. Торговля наркотиками должна жестоко караться. Однако показания, предоставленные канадской стороной, необходимо было тщательно исследовать, чтобы соблюсти презумпцию невиновности, как это принято в цивилизованных странах.

Помимо канадского министра иностранных дел Ллойда Аксворти, канадского премьер-министра Жана Кретьена, американского президента Билла Клинтона, Преподобного Джесси Джексона, Рубина Картера (Ассоциация в защиту незаконно осужденных), Международной Амнистии еще многие организации и официальные лица послали ноты протеста или запросы в ханойское правительство относительно пересмотра дела.

Но 22 апреля 2000 г. госпожа Хиеп была расстреляна тайно и без предшествующего уведомления правительства Канады. Два ее сына остались без матери.

1 мая 2001 года Канада прекратила правительственные контакты с Вьетнамом и отложила ежегодную встречу по помощи в развитии, чтобы выразить протест против казни канадской подданной вьетнамского происхождения.

«Мы возмущены недопустимым поведением правительства Вьетнама», — так отреагировал премьер-министр Канады Жан Кретьен на казнь 22 апреля 2000 года госпожи Хиеп. Канада отозвала Сесиль Латур, своего посла в Ханое, и отказалась поддерживать Вьетнам при вступлении в ВТО.

Власти Канады заявили, что Вьетнамское правительство не смогло предоставить удовлетворительных объяснений, почему им было нарушено обещание рассмотреть предоставленные новые показания из Канады и отложить казнь.

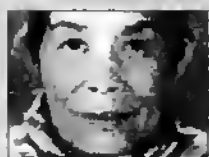
Коммунистическое правительство Ханоя вяло откликнулось на события. Министерство иностранных дел уведомило, что, «хотя вьетнамская сторона получила дополнительную информацию от канадских агентств и вьетнамские службы отнеслись к ней серьезно, нет достаточных юридических оснований для возобновления

Нгуен Тхи Хиеп

Нгуен Тхи Хиеп и ее мать на суде. Фото скрытой камерой

Тран Тхи Кам после того, как ей сообщили о казни дочери

судебного процесса. Вьетнамское правительство сожалеет о реакции канадского правительства на казнь Нгуен Тхи Хиеп вьетнамскими службами и выражает желание продолжать сотрудничество двух народов на основе уважения и взаимной выгоды».

Министр иностранных дел Канады Ллойд Аксворт обратился к правительству Вьетнама с требованием освобождения матери госпожи Хиеп — 75-летней Тран Тхи Кам — и возвращения останков госпожи Хиеп семье. Запрос был отклонен.

Уэйсон Чой (Wayson Choy) в статье «Красные лепестки на далекой могиле», опубликованной в еженедельнике «The Global and Mail» 2 мая 2000 г., так описывает казнь:

«Это случилось на рассвете в субботу, 22 апреля. За 5 дней до ее 44-летия была тайно казнена Нгуен Тхи Хиеп, канадская гражданка и мать двоих сыновей. Ее тело, брошенное в простой ящик, засыпали землей. Часом позже пошел дождь. Дата и время — это было в 6 часов утра — не имели значения. Имел значение только дождь. Гроза бушевала весь день и еще ночь. Только в воскресенье вечером вышло солнце, и только в понедельник, через два дня после казни, вьетнамский чиновник оформил письменное свидетельство смерти Нгуен Тхи Хиеп. Почему такая задержка?»

Возможно, не нашлось чиновников, работающих в дождливый уикенд, ведь свидетельство должно быть должным образом подписано, засвидетельствовано и зарегистрировано. После того как миниатюрную женщину продержали два года в сырой камере, ее тюремщики думали, наверное, что еще два дня — это мелочь.

В другом месте статьи Уэйсон Чой пишет:

«Муж госпожи Хиеп рассказывал, что на их последнее свидание, разрешенное только раз в месяц, она пришла, хромая, ее поддерживали с двух сторон, чтобы она дошла до комнаты посещения. Ее глаза косили, она горбилась, потому что охрана освободила ей только одну руку от кандалов, чтобы взять трубку переговорного устройства. «В мой день рождения, — тихо сказала она, — принеси мне красные розы».

Почему хранили в тайне проведение казни в субботу? Почему задержались с уведомлением о казни?

Тран Хиену, ее муж, может найти некоторое утешение в прямом отказе жены подписать любое признание вины. Следователь даже соблазнял ее продуктами. Но она отрицательно качала головой — вспоминали другие заключенные. Она снова и снова говорила о своей невиновности. Когда ее уводили на расстрел пасмурным утром, последним словом было имя ее мужа: «Хиену!» — сказанное достаточно громко, чтобы быть услышанным другими заключенными. «Хиену! Хиену! Хиену!» Наконец госпожа Хиеп была грубо связана, и ее голос затих под кляпом. На рассвете раздались выстрелы. Спустя несколько минут о казни по телефону сообщили мужу. Через час после казни он смотрел на дождь, низвергшийся с неба. «Могилы затоплена», — сказал Тран Хиену сыновьям. Каждый день он приносит на это место красные розы».

Чой закончил свою статью словами: «Вскоре некоторые вьетнамцы, подобно одному римскому чиновнику, умоют руки, считая дикий, нецивилизованный поступок мелкой неприятностью. Интересно, замечают ли они, что моют пальцы в чаше крови, а не воды?»

9 мая в газете «The London Free Press» Э. В. Сашегеи (E.W. Sashegyi), живший в Венгрии в 1945-1956 гг. при коммунистическом режиме, написал:

«Мои искренние соболезнования семье Нгуен Тхи Хиеп, самой последней жертве идеологии и движения, которые ответственны за смерти 100 миллионов людей в XX веке по всему миру. Казнь Хиеп — трагедия, но мы надеемся, что она еще раз привлечет внимание средств массовой информации к природе коммунизма и его последователям, однажды названным «империей зла» американским президентом Рональдом Рейганом».

И далее: «Казнь Нгуен Тхи Хиеп — напоминание о целях и методах большевизма. Мы надеемся, что это станет разоблачением для высокопоставленных чиновников, чья тайная и циничная стратегия предполагает, что время загладит преступление и условие соблюдения прав человека для международных торговых переговоров является мелочью, о которой Жан Кретьен пробормочет несколько слов и перейдет к бизнесу, как обычно. Я потрясен жестокой смертью Хиеп, но, в отличие от Аксворти, не удивлен».

Адвокат Джеймс Локиер, назначенный Ассоциацией по защите незаконно осужденных представлять госпожу Хиеп и ее мать, имел большой опыт контактов с коммунистами. Он был против предложения Рубина Картера организовать массовые акции в защиту госпожи Хиеп, опасаясь оскорбить лидеров Ханоя. После казни Нгуен Тхи Хиеп адвокат признал, что допустил большую ошибку и будет всю оставшуюся жизнь рассказывать в том, что не внял совету Картера.

Многие считают, что должна иметься скрытая причина для столь поспешно произведенной казни. Эта причина должна быть настолько важна, что Ханой решился навлечь на себя гнев Канады — страны, которая дружески поддерживала Вьетнам в течение последних двух десятилетий.

Есть слухи, что в контрабанде наркотиков были замешаны местные или центральные коммунистические лидеры, или они были подкуплены лицами, заинтересованными в молчании госпожи Хиеп.

Другая версия состоит в том, что некое должностное лицо могло решиться ускорить казнь из карьерных соображений. Во Вьетнаме такие предположения часто не лишены оснований.

Когда после неоднократных требований тело госпожи Хиеп было наконец передано родственникам, обнаружилось отсутствие одного уха, что вызвало подозрения о пытках. Если, несмотря на дипломатическое давление из Канады, вьетнамские власти пытали госпожу Хиеп и казнили ее прежде, чем были рассмотрены все свидетельства, то какая надежда на справедливое расследование может быть у рядового гражданина Вьетнама?

2 сентября 2000 года 74-летняя Тран Тхи Кам, проведшая четыре года в ханойских застенках, в тяжелом состоянии была освобождена из тюрьмы и спустя несколько дней вернулась к осиротевшей семье. И только тогда она узнала о смерти дочери.

Трагедия госпожи Хиеп и ее матери свидетельствует о жестокости режима, несмотря на широко разрекламированное недавнее возвращение во Вьетнам тысяч беженцев, покинувших страну после воссоединения в 1975, несмотря на заявления правительства Вьетнама о готовности открыто обсуждать права человека.

По материалам VIETNAM, NEWS ANALYSIS, MAY 2000.

Перевод с английского:
Ирина ХОЛМОГОРСКАЯ

ВЬЕТНАМСКИЕ ДИССИДЕНТЫ

НГУЕН ДАН КЬЮ
Nguyen Dan Que
Врач

Под домашним арестом, в прошлом — заключенный.

Адрес: 102/7 Nguyen Trai, Q5, TP HCM, Viet Nam
Телефон (84-8) 835-6445 (отключен с мая 1999 г.)

Родился в Ханое в 1942 г. Нгуен Дан Кью окончил Сайгонскую медицинскую школу в 1966 г.

В 1968 г. он получил награду Мировой организации здравоохранения и продолжил обучение в Бельгии, Франции и Англии. В 1974 г., отказавшись от предложения работать в ООН, Нгуен Дан Кью вернулся во Вьетнам и преподавал в Сайгонской медицинской школе.

После падения Сайгона в 1975 г. доктор Нгуен Дан Кью отказался эмигрировать. В 1976 г., возмущенный нарушениями прав человека по всей стране, он вместе с близкими друзьями сформировал организацию «Национальное движение за прогресс», издававшую несколько подпольных газет. В 1978 г. организация была разгромлена силами госбезопасности, арестовавшими Нгуен Дан Кью и 47 активистов. Без суда и следствия Нгуен Дан Кью провел в тюрьме десять лет.

В заключении он постоянно подвергался пыткам и избиениям. Его приковывали цепями к стене одиночной камеры. Два месяца он провел в так называемой «камере 5-6-4». Цифры означают размеры камеры в футах, то есть — 1,5-1,8-1,2 м. В этом каменном мешке отсутствовала даже тюремная «параша», и камеру чистили сильной струей воды, оставляя заключенного на время «уборки» прикованным к стене.

В результате широкой кампании протеста, развернутой Международной Амнистией, в 1988 году Нгуен Дан Кью был освобожден из тюрьмы.

В 1990 г. Нгуен Дан Кью и его единомышленники основали «Ненасильственное движение за права человека во Вьетнаме».

11 мая 1990 г. члены Движения опубликовали обращение к народу, призывающее к ненасильственной борьбе за свободный и демократический Вьетнам. Движение призывало вьетнамское правительство уважать основные права человека, принять многопартийную систему и обеспечить право вьетнамского народа на свободные и справедливые выборы.

В ответ на обращение 14 июня правительство арестовало Нгуен Дан Кью. Полтора года спустя, 29 ноября 1991 г., против него было выдвинуто обвинение «в попытке свержения социалистического строя». В этот же день, после короткого суда, на котором Нгуен Дан Кью было запрещено говорить, он был осужден на 20 лет каторги и пять лет домашнего ареста.

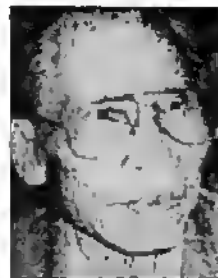
Героические усилия Нгуен Дан Кью вызвали восхищение мировой общественности. Члены Конгресса США выдвинули его кандидатуру на Нобелевскую премию

мира. 12 июня 1994 г. Нгуен Дан Кью был награжден премией имени Рауля Валленберга. Решением международных правозащитных организаций, поддержанным Конгрессом США и Сенатом Австралии, 11 мая, день, когда Нгуен Дан Кью опубликовал свое обращение, отмечается как День защиты прав человека во Вьетнаме.

Активные протесты мировой общественности вынудили вьетнамские власти заменить Нгуен Дан Кью каторгу домашним арестом.

Но и находясь в изоляции от общества, он продолжает упорно критиковать коммунистическую партию за нарушения прав человека и монополию на власть.

В августе 1999 г. Нгуен Дан Кью объявил, что «бросает вызов правительству, собираясь организовать всемирную встречу бывших политических заключенных во Вьетнаме».

ХОАНГ МИНЬ ЧИНЬ
Hoang Minh Chinh
Бывший партийный работник

Под полицейским наблюдением, ранее — заключенный.

Адрес: 26 Ly Thuong Kiet, Hoan Kiem, Ha Noi, Viet Nam
Телефон: (84-4) 824-9252

Родился 16 ноября 1922 г. в провинции Намха (Северный Вьетнам).

В 1957-1960 гг. Хоанг Минь Чинь получил высшее партийное образование в СССР и после возвращения в ДРВ был назначен директором Института марксизма-ленинизма, которым руководил до 1967 г.

Его критическая позиция в отношении вторжения в Южный Вьетнам и предложения о демократизации деятельности КПВ привели к конфронтации с Политбюро ЦК.

В 1967 г. Хоанг Минь Чинь направил в ЦК 200-страничный доклад «Догматизм во Вьетнаме», содержащий критику действий партии. Ответом ему стало одиннадцатилетнее тюремное заключение (1967-1972 и 1981-1987 гг.) и домашний арест в течение 9 лет (1972-1978 и 1987-1990 гг.).

В краткие промежутки между заключениями Хоанг Минь Чинь продолжал обращаться к руководству КПВ с требованиями прекратить преследование его и других диссидентов и отменить 4-ю статью Конституции Вьетнама.

В начале 1995 г. он был снова арестован и приговорен к тюремному заключению сроком на 1 год.

19 мая 2000 г. Хоанг Минь Чинь, вместе с другими активистами демократического движения, отправил Обращение к Национальному собранию Вьетнама, протестуя против преследования ученого Ха Си Фу.

В настоящее время Хоанг Минь Чинь находится под постоянным полицейским наблюдением и угрозой нового ареста.

ХА СИ ФУ
Ha Si Phu
Биолог

Повторный арест, ранее – тюремное заключение и домашний арест.

Адрес: 4E Bui Thi Xuan, Dalat, Lam Dong, Viet Nam
Телефон: (84-63) 823-510 (отключен с апреля 1997 г.)

Родился 22 апреля 1940 г. в провинции Бакнинь (Северный Вьетнам).

Пишет под псевдонимом Нгуен Ксуан Ту.

Биолог по образованию, Ха Си Фу закончил аспирантуру в Чехословакии. По возвращении на родину работал во Вьетнамском институте науки. Он успешно продвигался по служебной лестнице и занял должность заместителя директора Института науки в Далате. Но отказ вступить во Вьетнамскую коммунистическую партию привел к его увольнению из института.

Лишенный возможности заниматься биологической наукой, Ха Си Фу обратился к изучению и анализу социальных проблем. В сентябре 1988 г. он распространяет среди друзей эссе, в котором анализирует коммунистический режим и указывает на многие его противоречия. Когда экземпляр эссе попал в руки членов Политбюро ЦК, в официальных средствах массовой информации было опубликовано не менее тридцати статей, направленных против автора.

В 1993-95 гг. Ха Си Фу пишет и нелегально публикует еще два фундаментальных исследования: «Размышления гражданина» и «Прощай, идеология».

В декабре 1995 г. Ха Си Фу был арестован в Ханое, куда приехал в гости к родственникам. Несколькими днями позже он был обвинен «в разглашении государственной тайны». После восьмимесячного заключения в тюрьме без суда он был приговорен закрытым судом к одному году тюремного заключения (без учета срока, проведенного под стражей до суда).

4 декабря 1996 г. под давлением международной общественности Ха Си Фу был выпущен на свободу. В интервью, данным иностранным корреспондентам, Ха Си Фу обещал продолжать поиски правды и правосудия во Вьетнаме. В ответ власти отключили телефон, регулярно принудительно доставляли на допрос в органы госбезопасности, препятствовали устройству его на работу.

Поскольку это не сломило диссидента, по решению руководства КПВ госбезопасностью вокруг дома Ха Си Фу был установлен кордон, обыскивавший на входе и выходе всех, приходивших к нему.

В апреле 1997 г. правительство выпустило постановление, запрещающее Ха Си Фу и другим диссидентам контакты с представителями СМИ, особенно с иностранными корреспондентами.

В ответ, 10 апреля 1997 г., Ха Си Фу обратился с открытым письмом, подписанным и двумя другими диссидентами, к Национальному собранию, в котором писал: «Когда наша Конституция заявила, что граждане имеют право на свободу мысли, под этим подразумевалось, что люди имеют полное право писать и высказывать свои мысли».

12 мая 2000 г. Ха Си Фу было предъявлено обвинение в государственной измене. Ему грозит наказание от 7 лет тюрьмы до смертной казни.

БУИ МИНЬ КУОК
Bui Minh Quoc
Поэт и журналист

Под домашним арестом.

Адрес: 3 Nguyen Thuong Hien, Dalat, Lam Dong, Viet Nam
Телефон: (84-63) 821-675 (отключен с июля 1997 г.)

Родился 3 октября 1940 г. в провинции Хатау (Северный Вьетнам).

Публиковался также под псевдонимом Дуонг Хуонг Лю.

Буй Минь Куок был членом КПВ. Он широко известен в Северном Вьетнаме как поэт. После войны назначен председателем Ассоциации писателей и художников провинции Ламдонг, а позднее главным редактором журнала «Лангбиан».

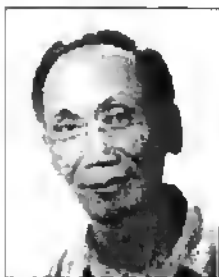
В конце 1988 года Буй Минь Куок организовал и возглавил поездку молодых интеллектуалов и художников по городам и провинциям Вьетнама. Во время поездки собирались подписи под обращением в ЦК КПВ об установлении демократии и свободы печати. Сразу же после окончания поездки власти лишили Буй Минь Куока поста главного редактора журнала и исключили из партии. Несмотря на наказание и угрозы личной безопасности, Буй Минь Куок продолжал открыто обращаться к Национальному собранию, Центральному Комитету КПВ, Народному фронту, Комитету народного контроля, средствам массовой информации.

3 октября 1993 г. в открытом письме ЦК он писал: «...Я искренне предлагаю следующие срочные действия: 1) быстрый ответ на обращение из 7-ми пунктов Хоанг Минь Чиня; 2) публикация и распространение всем гражданам Всеобщей Декларации прав человека, подписанную нашим правительством; 3) марксизм-ленинизм должен стать свободным выбором людей, а не принуждением; 4) отмена 4-й статьи Конституции, объявляющей Компартию Вьетнама единственной политической партией в стране; 5) признание прошлых несправедливостей публично, полностью и систематически; 6) разрешить создание частных СМИ; 7) изменение закона о выборах, с отменой обязательных партийных списков кандидатов; 8) отмена запрета на многопартийную систему и проведение референдума по этим вопросам, чтобы люди могли объединить свои усилия по демократизации страны».

После того как в 1997 году сборник стихов Буй Минь Куока «Поэтические озарения на допросе» широко разошелся во Вьетнаме и за его пределами, сотрудники госбезопасности, насильно удалив семью поэта из дома, устроили в нем тотальный обыск, изъяв большую часть переписки и рукописей.

В последующие дни диссидент неоднократно принудительно доставлялся в местное отделение госбезопасности, где подвергался допросам, продолжавшимся с раннего утра до позднего вечера. В его квартире был отключен телефон.

На основании Решения 31/СР, разрешающего местным органам госбезопасности задерживать подозреваемых на срок до двух лет без суда и следствия, власти поместили Буй Минь Куока под домашний арест. В настоящее время единственным средством заработка для семьи поэта является изготовление кукол в национальных костюмах.

НГУЕН ДИНЬ ХУ Nguyen Dinh Huy Профессор

15-летний тюремный срок.

Адрес: Trai Z30, Xuan Loc, Viet Nam. (Лагерь Z30 в провинции Ксуанлок).

Нгуен Динь Ху родился в 1932 г. До 1975 г. — профессор истории в учебных заведениях Южного Вьетнама.

После падения Сайгона Нгуен Динь Ху был заключен в тюрьму, в которой провел без суда 17 лет. В мае 1992 г., спустя три месяца после своего освобождения, он организует «Движение за объединение людей и строительство демократии», призванное объединить единомышленников внутри Вьетнама и за его пределами. Программа ненасильственных действий Движения была объявлена 11 декабря 1992 года.

17 ноября 1993 г., в момент подготовки Международной конференции по развитию Вьетнама, проведение которой намечалось в Хошимине (Сайгоне) на 27 ноября, Нгуен Динь Ху и другие организаторы были арестованы. Нгуен Динь Ху провел без суда в тюрьме около двух лет.

В августе 1995 г. на закрытом судебном заседании он был приговорен к 15-ти годам тюрьмы. Восемь его соратников также были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

о. ЧАН ТИН Chan Tin Католический священник

Под наблюдением полиции, ранее — тюремное заключение

Адрес: 38 Ky Dong, P9, Q3, TP Ho Chi Minh, Viet Nam
Телефон (84-8) 843-9540

Отец Чан Тин стал известен благодаря своей религиозной и социальной деятельности еще до 1975 года. Особенно значительной была его работа в «Комитете по тюремной реформе» в Южном Вьетнаме. Противник войны и южновьетнамского правительства, он и после объединения Вьетнама продолжал поддерживать идею национального примирения.

В 1990 г. он написал трактат «Раскаяние нации», в котором обратился к КПВ с требованием признать совершенные ей ошибки и прекратить преследование сторонников демократизации. Вскоре после этого Чан Тин был арестован и находился в тюрьме, из которой был освобожден в 1993 г. под давлением международной общественности.

Начиная с 1993 г., Чан Тин неоднократно давал интервью иностранным средствам массовой информации, включая BBC и VOA.

Сообщение им фактов о нарушении прав человека во Вьетнаме сильно раздражало правительство.

Утром 3 мая 1998 г., когда Чан Тин и другой диссидент Нгуен Нгок Лан направлялись на мотоцикле в церковь на

похороны известного диссидента Нгуен Ван Тана, они были окружены группой «хулиганов», которые сбили их на землю и стали избивать. Нгуен Нгок Лан получил тяжелую травму головы, а Чан Тин — множественные ушибы рук и ног.

В интервью, данном корреспонденту Deutsche Presse вскоре после «несчастливого случая», о. Чан Тин сказал: «Возможно, они не хотели, чтобы мы присутствовали на похоронах... Я подозреваю, кто были эти люди, но не хотел бы об этом говорить...». И добавил: «Я видел нескольких полицейских рядом с местом нападения, но они ничего не предприняли».

В декабре 2000 г. о. Чан Тин вместе с тремя другими религиозными лидерами опубликовал обращение к КПВ с требованием «уважения подлинной религиозной свободы всех религий, особенно в отношении основных прав — независимости и свободы выбора исповедуемой религии, религиозного образования и назначения церковных иерархов».

В настоящее время власти установили круглосуточное наблюдение за домом Чан Тина, задерживая и допрашивая большинство посетителей священника.

ХОАНГ ТИЕН Hoang Tien Писатель

Под полицейским наблюдением, преследуются члены семьи.

Адрес: Nha A11, Phong 420, Khu Tap. The Thanh Xuan Bac, Ha Noi, Viet Nam
Телефон (84-4) 553-0377

Родился 15 августа 1933 г. в Ханое.

В начале 60-х Хоанг Тиен преподавал в Ханойской школе кинематографии. Член коммунистической партии, Тиен встал на путь диссидентства с середины 60-х годов, когда КПВ заняла бескомпромиссную позицию, поддержанную компартией Китая, в вопросе о воссоединении с Южным Вьетнамом.

В последующие годы им был написан ряд статей, получивших широкое распространение во вьетнамском самиздате.

В 1996 г. статьи и письма Тиена были основным источником независимой информации о судебном фарсе, разыгрываемом властями против видного диссидента Ха Си Фу.

6 февраля 1997 г., накануне Лунного Нового года, в первой радиопередаче Радио Свободная Азия, транслировавшейся на Вьетнам, Хоанг Тиен прочитал открытое письмо министру культуры Вьетнама, с требованием к правительству разрешить независимую прессу.

Официальные средства массовой информации, находящиеся под контролем правительства, обрушились на Хоанг Тиена, обвиняя его в отступлении от революционных принципов и пособничестве антикоммунистам. 16 июня 1997 г. Хоанг Тиен подал в суд иск за клевету на газету «Нян Зан» — орган КПВ.

Вьетнамские судебные органы никак не отреагировали на иск Хоанг Тиена.

12 апреля 1999 г. в центре Ханоя Хоанг Тиен был схвачен сотрудниками спецслужб и два дня подвергался допросам в отделе госбезопасности. Члены семьи не имели в эти дни сведений о его местонахождении.

19 мая 2000 г. Хоанг Тиен вместе с четырьмя другими известными диссидентами: Нгуен Тхань Джангом, Хоанг Минь Чинем, Фам Кыю Донгом и Тран Дунг Тиеном — обратились к Национальному собранию Вьетнама с требованием прекратить преследование писателя Ха Си Фу и призывами к созданию демократического общества.

В настоящее время Хоанг Тиен находится под постоянным полицейским наблюдением и угрозой нового ареста.

НГУЕН ХО
Nguyen Ho
Бывший
профсоюзный дея-
тель, член ЦК КПВ

Под домашним арестом, ранее
— заключенный.

Адрес: 11 Tran Quoc Thao, TP HCM, Viet Nam
Телефон: (84-8) 290-408

Нгуен Хо родился в 1916 году в Сайгоне.

В 1936 году он вступил в коммунистическую партию. Арестованный французскими властями в 1940 г., он был сослан в лагерь на острове Консон, где провел пять лет. После освобождения он делает быструю карьеру в руководстве Вьетмина и в 1950 г. возглавляет Комитет Сопротивления области Сайгон-Шолон. После раздела Вьетнама в 1954 г. Нгуен Хо переезжает в ДРВ и занимает ведущие позиции в государственном профсоюзном движении. В 1964 г. по решению ЦК он направляется на пропагандистскую работу в Южный Вьетнам. С победой коммунистических сил в 1975 году Нгуен Хо входит в число наиболее влиятельных руководителей Вьетнама.

После своей отставки в 1987 г., в возрасте 71 года, в результате общения с простыми людьми, для которых он ранее был недоступен, произошло изменение взглядов Нгуен Хо.

В 1989 г. он вместе с другими известными лидерами Сопротивления организовал «Клуб ветеранов Сопротивления» и стал издавать журнал «Традиции Сопротивления». Клуб, привлекая людей со всей страны, скоро стал трибуной для критики действий правительства в отношении интеллигенции и ветеранов. После выхода в свет двух первых номеров журнала клуб был закрыт по решению правительства.

В августе 1990 г. премьер-министр Во Ван Киет посетил Нгуен Хо и предпринял попытку уговорить его отказаться от диссидентской позиции, но 74-летний ветеран ответил отказом. 7 сентября Нгуен Хо был арестован и после предварительного заключения в тюрьме был помещен под домашний арест до 20 мая 1993 г.

20 марта 1994 г. Агентство Франс Пресс из Гонконга сообщило, что 77-летний ветеран Вьетнамской коммунистической партии со стажем в 54 года был вновь арестован за написание и распространение документа под названием «Точка зрения и жизнь», призывавшего КПВ отказаться от коммунистического пути и «искренне принять капиталистический путь развития». По мнению автора, этот путь всегда был более органичен для Вьетнама.

Нгуен Хо утверждал: «Более чем за 60 лет коммунистического пути вьетнамский народ понес неисчислимые жертвы, ничего не получив взамен. Страна по-прежнему бедная и отсталая. Люди все так же голодные

и несчастны. Отсутствует свобода и демократия. Это — позор».

Через несколько недель после его повторного ареста здоровье Нгуен Хо серьезно ухудшилось. В настоящее время он находится под строгим домашним арестом.

НГУЕН ТХАНЬ ДЖАНГ
Nguyen Thanh Giang
Геолог

Находится под домашним арестом, регулярно подвергается задержаниям и допросам.

Адрес: Nha A13P9 — ТТПК Hoa Muc — Trung Hoa — Tu Liem, Ha Noi, Viet Nam
Телефон: (84-4) 858-6012 (отключен)

Родился в 1936 году в провинции Тханьхоа (Thanh Hoa), Северный Вьетнам.

После окончания Ханойского политехнического университета в 1962 году работал в Бюро геологии Ханоя вплоть до увольнения в 1996 году.

Получил докторантуру по геологии в 1980 году и представлял Вьетнам на многих международных конференциях по геологии: Куала-Лумпур (1982), Вашингтон (1989), Чикаго (1991) и Лос-Анджелес (1996).

В 1992 году баллотировался в Национальное собрание. В первом туре получил 96% голосов, больше, чем член ЦК ВКП, избиравшийся в том же районе. Партия ввела новоиспеченное правило, по которому второй тур голосования должен проводиться в коллективах по месту работы кандидата. 16 членов партии из 300 служащих его бюро были вызваны на специальную беседу, чтобы не допустить победы Нгуен Тхань Джанга на выборах.

Нгуен Тхань Джанг был одним из первых вьетнамских ученых, видящих будущее без коммунизма. Он сформулировал основные проблемы Вьетнама и изложил их партии и правительству в многочисленных эссе и открытых письмах.

В январе 1997 года Нгуен Тхань Джанг написал эссе «Права человека — тысячелетнее стремление», в котором доказывает универсальность прав человека и делает вывод, что «страны должны объединяться для правозащитной деятельности». В марте 1997 года Нгуен Тхань Джанг был вызван в Комитет по идеологии и культуре ЦК ВКП на акцию «общественного порицания».

5 августа 1997 года Нгуен Тхань Джангу удалось опубликовать статью в профсоюзной газете «Лео Донг» (Lao Dong — Труд) «Внимание к улучшению условий для открытости и демократии».

В статье рассматривались меры, необходимые для защиты прав трудящихся, включая создание независимых профсоюзов.

В апреле 1998 года Нгуен Тхань Джанг был арестован властями на четыре дня.

Вьетнамское правительство пыталось обвинить его в незаконном распространении сборника стихов и поэм Буи Минь Куока «Поэтические озарения на допросе», но после того как Нгуен Тхань Джанг начал голодовку, его отпустили.

4 марта 1999 года он был арестован и обвинен в «злоупотреблении демократическими правами». Власти выпустили Нгуен Тхань Гианга из тюрьмы после

двухмесячного пребывания без судебного расследования, испугавшись сильного международного давления.

В настоящее время Нгуен Тхань Гианг находится под домашним арестом.

ЛЕ КВАНГ ЛИЕМ Le Quang Liem Лидер церкви Хоа-Хао

Под домашним арестом, ранее – тюремное заключение.

Адрес: E1 Cu Xa Nguyen Dinh Chieu, Phuong 4, Quan Phu Nhuan, TP HCM, Viet Nam

Телефон: (84-90) 819-815 (мобильный)

Родился 1 ноября 1920 г. в провинции Ангян на юге Вьетнама.

Ле Кванг Лиём являлся председателем Административного комитета буддистов Хоа-Хао, членом Конгресса Южного Вьетнама и офицером южновьетнамской армии до 1975 г.

После войны находился в различных лагерях перевоспитания. Ле Кванг Лиём – давний борец за религиозные права. С 1992 по 1999 г. он направил шесть ходатайств высшим должностным лицам вьетнамского правительства с требованием религиозных свобод для буддистов Хоа-Хао.

Когда осенью 2000 г. наводнение нанесло колоссальный ущерб югу Вьетнама, Ле Кванг Лиём организовал «Комитет помощи пострадавшим от наводнения в дельте Меконга».

Комитетом было распределено более 4000 посылок с гуманитарной помощью для наиболее нуждающихся семей. В возрасте 81 года Ле Кванг Лиём предпринимает длительную поездку в затопленные области.

В декабре 2000 г. было опубликовано совместное заявление лидеров разных религиозных конфессий: Ле Кванг Лиёма, Преподобного Нгуен Ван Ли, Почтенного Бхикку Тич Тьен Ханя и Преподобного Чан Тина, в котором они протестовали против политики коммунистов в отношении религии. В феврале 2001 на встрече религиозных лидеров в Хюэ по инициативе Ле Кванг Лиёма был организован Вьетнамский Совет различных вероисповеданий.

Ле Кванг Лиём неоднократно подвергался преследованиям властей, организовывавших против него кампании клеветы в СМИ. Особенно давление властей возросло после того, как он объявил о восстановлении Подлинной буддийской церкви Хоа-Хао, отделенной от находящегося под контролем правительства Комитета Хоа-Хао, созданного в 1999 г.

В настоящее время Ле Кванг Лиём находится под домашним арестом.

БАО КУ Bao Cu Писатель

Под домашним арестом.

Адрес: 35 Nguyen Dinh Chieu, Daiat, Lam Dong, Viet Nam.

Телефон: (84-63) 823-779 (отключен с 7 апреля 1997 г.)

Родился в 1945 году в г. Хюэ (Центральный Вьетнам).

Был членом КПВ, постоянным членом поддерживаемой государством Ассоциации художников в провинции Ламдонг и заместителем главного редактора журнала «Лангбиан» (Langbian).

В конце 1989 г. вместе с поэтом Буи Минь Куком совершил поездку по стране, проводя кампанию среди творческой интеллигенции по сбору подписей под обращением в ЦК КПВ с призывом осуществить реальную демократию.

Сразу же после поездки журнал «Лангбиан» был закрыт властями, а оба организатора кампании – Буи Минь Кук и Бао Ку – исключены из партии.

Исключение из партии только укрепило Бао Ку в его принципах.

Написанные им романы и статьи, в которых он резко критиковал политику правительства, подпольно распространялись во Вьетнаме и широко издавались за границей.

После ареста и суда над диссидентом Ха Си Фу Бао Ку активно стал на его защиту. Он направил ряд писем членам правительства и лидерам компартии с требованиями правосудия и свободы для своего товарища. Он также написал несколько статей, в которых рассказал о нелепых обвинениях и судебных решениях властей и о стойкости Ха Си Фу.

В начале 1996 года вьетнамское правительство усилило давление на тех писателей, художников, интеллектуалов, которые протестовали против ареста и «показательного» суда над Ха Си Фу. Основная тяжесть преследования пришлось на Бао Ку.

Начиная с ноября 1996 г., Бао Ку и его жена Фам Ти Бач Иен неоднократно насильственно доставлялись в отделения госбезопасности для допросов.

В апреле 1997 г. в квартире писателя был отключен телефон. Госбезопасность ведет постоянное наблюдение за жизнью семьи Бао Ку, останавливая и обыскивая людей при входе и выходе из дома писателя. До сего дня Бао Ку находится под домашним арестом, а члены его семьи подвергаются серьезному психологическому давлению.

о. НГУЕН ХУ ДЖАЙ Nguyen Huu Giai Католический священник

Находится под полицейским наблюдением, регулярно допрашивается, бывший заключенный.

Адрес: c/o Nha Chung Giao Phan Hue, 37 Phan Dinh Phung, Hue, Viet Nam

Родился в 1941 году в провинции Кваангбинь (Quang Binh). Закончил Епископальный институт имени Пия X-го в Далате.

В 1976 архиепископ Нгуен Ким Дьен (Nguyen Kim Dien) назначил Нгуен Ху Джая настоятелем семинарии в Хоантьене. Это было трудное назначение при введенном коммунистическим правительством ограничении на религиозное образование.

Власти были особенно возмущены фактом, что Нгуен Ху Джай проводил подпольные службы, лишённые традиционных религиозных атрибутов, чтобы избежать на-

блюдения властей. Правительство вынуждало Джай согласиться на передачу семинарии под контроль государства, но встретило стойкий отказ. Тогда семинарию отобрали силой. Подробности этого инцидента были описаны в послании Нгуен Ху Джая, распространенном в 1994 году.

Отец Джай был перемещен архиепископом Нгуен Ким Дьеном в провинцию Люонгван (Luong Van), маленький округ в 12 км к югу от Хюэ (Hue), где он продолжал проводить подпольные службы.

В ответ на его активность власти без суда заключили Джай в тюрьму с 1982 по 1988 год. За шесть лет он прошел несколько наиболее печально известных концлагерей, включая лагерь Донгсон в провинции Догхой и лагерь Биньдье в провинции Тхуатъен.

После освобождения Джай отбывал ссылку в провинции Нгуэтбьеу (Nguyet Bieu).

Спустя несколько лет о. Джай был восстановлен в его прежнем приходе Люонгван. Кроме его приходских обязанностей, он принимал участие в деятельности неофициальных религиозных общин, осуществлявших похороны эмбрионов после аборт, защищал незамужних несовершеннолетних матерей, организовывая, в случае необходимости, усыновление младенцев в бездетные семьи.

Во время наводнения 1999 года о. Джай помогал пострадавшим любого вероисповедания, несмотря на препятствия чиновников. Его свободная школа для детей из бедных семей также неоднократно закрывалась правительством.

Отец Нгуен Ху Джай в настоящее время состоит под постоянным полицейским надзором и угрозой повторного ареста.

НГУЕН НГОК ЛАН Nguyen Ngoc Lan Писатель

Находится под домашним арестом и полицейским наблюдением.

Адрес: 256/13 Tan Phuoc, P6, Q10, TP HCM, Viet Nam
Телефон: (84-8) 855-3862

Нгуен Нгок Лан родился в 1921 году и до 1975 года был католическим священником в церкви на Юге Вьетнама, состоял в антивоенной оппозиции и защищал коммунизм.

После войны он стал откровенно критиковать коммунистическое правительство за невыполнение обещаний и падающий уровень жизни. Новые власти вскоре запретили его оппозиционные публикации. 5 августа 1990 года Нгуен Нгок Лан был помещен под домашний арест.

Находясь под арестом, написал острый критическое эссе «Пресса как инструмент партии».

Позднее Нгуен Нгок Лан воспользовался несколько смягчившимися условиями домашнего ареста и организовал подпольную переписку с другими диссидентами.

Его статья «Инцидент в Тайбине – вьетнамская перспектива» содержит полный отчет о крупных крестьянских протестах (замалчиваемых официальной прессой), которые происходили весной и летом 1997 года в нескольких северных провинциях.

Утром 3 мая 1998 года Нгуен Нгок Лан сильно пострадал вместе с другим диссидентом, священником Чан

Тинном (Chan Tin), в то время как они ехали на похороны известного диссидента Нгуен Ван Трана (Nguyen Van Tran). Нгуен Нгок Лан прибыл в церковь Спасителя, чтобы увести Чан Тина. Они были окружены неизвестными, которые сбили мотоцикл с пассажирами на землю. Нгуен Нгок Лан получил мозговую травму, которая надолго приковала его к постели. Один из его друзей, врач, осмотрев больного 30 июня 1998 г., засвидетельствовал, что при росте 170 см 72-летний Нгуен Нгок Лан весит всего 35 кг.

о. НГУЕН ВАН ЛИ Nguyen Van Ly Католический священник

15-летний срок тюремного заключения, ранее – 10 лет тюрьмы.

Адрес: c/o Nha Chung Giao Phan Hue, 37 Phan Dinh Phung, Hue, Viet Nam

Родился 31 августа 1947 года в провинции Кваангтрай (Quang Tri) Центрального Вьетнама.

С 1974 года является секретарем архиепископа Нгуен Ким Диена.

В 1977 году Ли был арестован за распространение двух эссе архиепископа Нгуен Ким Диена, критикующих политику правительства в отношении религии, и отправлен в трудовой лагерь близ Хюэ. Исправительный срок был назначен в 20 лет, но спустя несколько месяцев его отпустили, запретив заниматься религиозной деятельностью. Нгуен Ван Ли нарушил запрет, и в январе 1983 года его уведомили о высылке. В ответ он написал резкое письмо правительству и не подчинился приказу о выселении. Утром 18 мая 1983 года полиция, несмотря на поддержку последователей Ли, силой выдворила его из дома.

Впоследствии Ли приговорили к 10 годам заключения. После освобождения в 1992 году он был помещен под наблюдение и лишен права на религиозную деятельность.

24 ноября 1994 года Нгуен Ван Ли распространил «Заявление из 10 пунктов о состоянии католической церкви в епархии Хюэ» о нарушении свободы вероисповедания.

Власти отреагировали, сослав его в деревню Тьубьеу (Thuy Bieu) возле Хюэ, где проживает маленькая католическая община.

В ноябре 2000 года Ли снова издает свое заявление, добавив обращение «Мы нуждаемся в истинной религиозной свободе во Вьетнаме», в котором назвал политику ВКП «петлей на шее религии».

4 ноября 2000 года Нгуен Ван Ли провел акцию протеста против конфискации собственности церкви и ограничения ее прав. Прибывшие сотрудники органов безопасности немедленно принялись за усмирение и запугивание участников.

В начале 2001 года преследование отца Ли ужесточилось, однако он продолжал борьбу. В феврале он предоставил письменное свидетельство для Международной Комиссии по свободе вероисповедания, а также для брифинга в Конгрессе США по правам человека (16 мая 2001 года).

17 мая 2001 года более 600 агентов тайной полиции штурмовали церковный приход Трюен (Тхуен), чтобы арестовать отца Ли. Он готовился к службе, когда его силой увели из церкви и отправили в тюрьму.

В октябре 2001 г. Нгуен Ван Ли был приговорен к 15-и годам тюремного заключения.

ФАМ КЬЮ ДОНГ Pham Que Duong Военный историк

Находится под полицейским наблюдением.

Адрес: 37 Ly Nam De, Ha Noi, Viet Nam
Телефон: (84-4) 823-1372

Родился в 1931 году, являлся членом ВКП. Имел звание полковника, в 1982-87 годах был главным редактором ведущего исторического журнала Народной армии Вьетнама «Тан Чи Лич Су Кван Су» (Тан Чи Лич Су Кван Су).

Высказываемые Донгом сомнения в правильности коммунистических методов правления повлекли за собой раннюю отставку. В 1991 году его проверяли три раза по подозрению в распространении материалов, критикующих ВКП. В 1995 году, во время кампании подавления инакомыслия, в его доме был произведен обыск.

В январе 1999 Фам Кью Донг публично вышел из ВКП, протестуя против изгнания генерала Тран До. В интервью Радио Свободная Азия он подтвердил свои действия и сказал, что многие из армейской верхушки разделяют его чувства относительно генерала Тран До.

19 мая 2000 года Фам Кью Донг вместе с четырьмя другими сторонниками демократии: Хоанг Минь Чинем, Нгуен Тхань Гиангом, Хоанг Тиеном и Тран Дунг Тиеном – обратился с беспрецедентным посланием к Вьетнамскому Национальному собранию с требованием прекратить преследование писателя Ха Си Фу.

Власти встревожены влиянием Фам Кью Донга, особенно на членов ВКП.

о. ФАН ВАН ЛОИ Phan Van Loi Католический священник

Находился в заключении, в настоящее время – под полицейским наблюдением.

Адрес: c/o Nha Chung Giao Phan Hue, 37 Phan Dinh Phung, Hue, Viet Nam

Родился 9 марта 1951 года в провинции Туатъен (Thua Thien) Центрального Вьетнама.

По окончании семинарии в 1976 году не был посвящен в духовный сан из-за ограничений, наложенных правительством.

В 1978 году Фан Ван Лои и 17 других семинаристов удалены из семинарии Ксуанбич (Хуан Бич). Он вернулся к родителям в округ Фукам (Phu Cam) и в мае 1981 года был тайно посвящен в сан архиепископом Нгуен Ван

Туаном, находившимся в ссылке недалеко от Сантай (Son Tay).

В сентябре 1981 года, в день вьетнамского мученика св. Томаса Тиена, Лои и несколько знакомых семинаристов из округа Фукам (Phu Cam) написали и сыграли короткую сценку, изображающую преследование властями отца Нгуен Ван Ли во время паломничества в Лаванг в августе 1981.

За это о. Лои был приговорен к четырем годам тюрьмы. Остальные участники также получили сроки от двух до трех с половиной лет.

За время его пребывания в тюрьме власти обнаружили, что у Фан Ван Лои не было официального разрешения на сан священника, и продлили срок заключения еще на 3 года.

После освобождения в 1988 году Лои вернулся к родителям в Фукам.

В апреле 1998 года о. Лои был вызван в полицию по подозрению в распространении нелегального бюллетеня «Тин Нха» (Tin Nha – Новости из дома), издаваемого эмигрантами-католиками.

Несмотря на отсутствие доказательств и свидетельств, власти обвинили его в незаконной публикации религиозных материалов и конфисковали принтер и компьютер. Сейчас о. Фан Ван Лои находится под угрозой повторного ареста.

ТИЧ ХЮЕН КВАНГ Thich Huyen Quang Патриарх Объединенной Буддийской Церкви Вьетнама (UBCV)

Ссылка, домашний арест.

Адрес: Chua Phuoc Quang, Nghia Hanh, Quang Ngai, Viet Nam

Родился 19 сентября 1919 года в провинции Биньдинь (Binh Dinh). В возрасте 13 лет принял монашеский сан.

В марте 1977 года, спустя два года после победы коммунистической Северной армии, Тич Хюен Кванг написал официальное письмо премьер-министру Фам Ван Донгу, включавшее описание 85 случаев репрессий против UBCV.

Ответом на это письмо был его арест 9 июня 1977 года, а также арест пяти других лидеров церкви, обвиненных в оппозиции правительству.

Судебное расследование закончилось 8 декабря 1978 года вынесением приговора: 2 года условно «за агитацию против закона о несении воинской службы и других социальных обязанностей».

Из-за упорного и длительного сопротивления попыткам правительства превратить UBCV в более «послушную» церковь Тич Хюен Кванг был арестован на 24 часа в октябре 1981 года, затем в феврале 1982 года и сослан в лагерь Хойфуок в провинции Квангнгай (Quang Ngai) под постоянное наблюдение.

Его имя приобрело всемирную известность, когда два нобелевских лауреата выдвинули его на соискание Нобелевской премии мира.

Тич Хюен Кванг, находясь в ссылке, опубликовал ряд заявлений вьетнамскому правительству, которые еще более осложнили его положение.

В письмах Тич Хюен Кванга говорится о роли буддизма во вьетнамской культуре, легитимности церкви UBCV

и репрессивной внутренней политике коммунистического правительства.

В 1992 году патриарх церкви UBCV Тич Дон Хау (Thich Don Hau) на смертном одре назначил Тич Хюен Кванга своим преемником.

29 декабря 1994 года служба безопасности вторглась в пагоду Хойфуок, конфисковала все официальные бумаги и печать UBCV и переселила Тич Хюен Кванга, полностью изолировав его от общества. Он страдает от высокого давления, нуждается в постоянном медицинском наблюдении, но в любых контактах ему отказано.

ТИЧ КВАНГ ДО Thich Quang Do Генеральный секретарь Объединенной Буддийской Церкви Вьетнама (UBCV)

Был в заключении, в настоящее время под домашним арестом.

Адрес: Thien Vien Thanh Minh, 90 Tran Huy Lieu, Q Phu Nhuan, TP HCM, Viet Nam

Родился 27 ноября 1928 год в провинции Тхайбинь (Thai Binh).

В 1975 году, после победы коммунистической Северной армии Вьетнама, Тич Кванг До, как лидер UBCV, выразил протест против нарушений революционным правительством религиозных свобод и конфискации собственности UBCV.

Он и еще пятеро других лидеров UBCV были арестованы в апреле 1977 года за противодействие правительству. В октябре этого же года, сломленные пытками, они признались, что работали на ЦРУ. Тич Кванг До на суде 8 декабря 1978 года было предъявлено обвинение в «распространении вредной дезинформации». Позже он был освобожден.

Чтобы подорвать влияние UBCV на население, правительство создает в 1981 году собственную буддийскую вьетнамскую церковь. Тич Кванг До и другие лидеры церкви были задержаны на 24 часа, для того чтобы они не могли этому помешать.

После этого правительство объявило, что новое объединение буддийских церквей состоялось, а UBCV была объявлена незаконной. Этим оправдывался арест Тич Кванг До 25 февраля 1982 года.

Тич Кванг До и Тич Хюен Кванг, два наиболее влиятельных лица из оппозиционной UBCV, были впоследствии сосланы. Тич Кванг До поселили по месту рождения, в Вудай (Vu Dai), в провинции Тхайбинь. Его 90-летняя мать была сослана вместе с ним и умерла от холода зимой 1985 года.

В марте 1992 года, больше чем через 10 лет ссылки, Тич Кванг До по собственной воле возвратился в Хошимин (Сайгон).

В августе 1994 года он послал Генеральному секретарю КПВ До Мыню 44-страничный документ, где детально изложена история преследования UBCV после прихода коммунистов к власти. Это письмо послужило поводом для очередного ареста 4 января 1995 года.

15 августа 1995 года в Хошимине состоялся суд над Тич Кванг До и пятью другими членами UBCV. Они были осуждены «за саботаж правительственной политики и

нанесение вреда государственным интересам». Ответчики обвинили в попытке организации негосударственной продовольственной помощи пострадавшим от наводнения в дельте Меконга и распространении писем патриарха UBCV, находящегося под домашним арестом. Тич Кванг До осудили на 5 лет. Освобожден 30 августа 1998 года.

Подвергаясь постоянным арестам и допросам, Тич Кванг До продолжал осуждать нарушение прав человека в интервью с иностранными средствами информации и в письмах к лидерам мировых держав. Он снискал уважение во всем мире и в 2000 году был выдвинут на Нобелевскую премию мира парламентариями США, Канады, Австралии, Франции и Бельгии.

С июня 2001 года Тич Кванг До находится под домашним арестом за его намерение сопроводить в Сайгон 82-летнего патриарха UBCV, находящегося под домашним арестом уже 19 лет.

В настоящее время полиция ведет наблюдение за пагодой Тич Кванг До 24 часа в сутки.

ТИЧ ТЬЮ СИ Thich Tue Si Теолог

Заключение, домашний арест

Адрес: Chua Gia Lam, TP HCM, Viet Nam

Родился 15 февраля 1941 года.

Тич Тью Си учился у известных буддийских монахов и был соредактором энциклопедии вьетнамского буддизма.

В 1978 году был арестован за организацию мирных протестов против нарушения свободы вероисповедания и помещен в лагерь «перевоспитания» на три года.

В апреле 1984 года был снова арестован вместе с другими буддийскими монахами в пагоде Гиалам (Gia Lam) и находился в заключении четыре года без судебного разбирательства.

30 сентября 1988 года Тич Тью Си выносят смертный приговор по обвинению в «подготовке свержения народного правительства».

После протестов международной общественности 15 ноября 1988 года Высший народный суд Вьетнама заменил казнь на 20-летнее заключение.

21 августа 1989 года тюремная администрация попыталась вынудить его написать прошение о помиловании. Тич Тью Си отказался и начал голодовку. По информации Международного информационного буддийского бюро, он отказывался от употребления пищи и воды в течение 10 дней. Его состояние внушало серьезные опасения, и тюремщики использовали принудительное внутривенное кормление.

1 сентября 1989 года он выпущен из тюрьмы и, несмотря на его тяжелое состояние, посажен на поезд и отправлен в Хошимин без сопровождения.

Тич Тью Си рассказывал потом: «Я сказал тюремному начальству: вы не дожидаетесь от меня прошения о помиловании. Вы не имели никакого права арестовывать меня и заключать в тюрьму, так что и права помиловать тоже не имеете.

Я принял решение о голодовке, зная, что буду совершенно один, без поддержки, что об этом не напишет ни один журналист. Я боролся, несмотря на одиночество и

отчаяние. Это был единственный путь сохранить мое человеческое достоинство».

Тич Тью Си в настоящее время находится под домашним арестом и постоянным контролем агентов безопасности в пагоде Гиалам в Хошимине.

ТРАН ДО
Tran Do

**Генерал в отставке,
бывший член ЦК КПВ**

Под наблюдением полиции,
преследование членов семьи.

Адрес: 97 Tran Hung Dao, Ha Noi,
Viet Nam

Телефон: (84-4) 826-4673

Родившийся 23 сентября 1923 г. в провинции Тайбинь на севере Вьетнама, Тран До стал членом Вьетнамской коммунистической партии в 1941 году. Герой обеих Индокитайских войн, он был награжден высшими наградами Вьетнама, достиг звания генерал-лейтенанта, был членом ЦК КПВ, возглавлял Комитет по культуре и идеологии.

В начале 1998 года Тран До распространил открытое письмо к Центральному Комитету, в котором доказывал необходимость преобразований в партии перед угрозой неизбежного самораспада. Письмо вызвало большую дискуссию как во Вьетнаме, так и за рубежом.

В официальном заявлении вьетнамское правительство охарактеризовало письмо Тран До как «незначительный случай». В интервью иностранным корреспондентам Тран До сообщил, что руководство КПВ и правительство не ответили на его письмо.

На самом деле вьетнамское руководство было обеспокоено письмом Тран До гораздо сильнее, чем это было продемонстрировано западными СМИ. По личному указанию Генерального секретаря КПВ Ла Хха Фиву против Тран До была начата атака «всеми средствами».

Сначала преследованиям подверглись члены семьи мятежного генерала. Их вызывали на многодневные допросы, за ними была установлена слежка. Сыну Тран До угрожали увольнением с работы.

О поступке генерала в оскорбительной форме многократно высказывались официальные СМИ, но учитывая большую популярность генерала, нигде не называлось его имя, использовались лишь инициалы или слова «некий отставной генерал».

Несмотря на то что ни первое письмо (январь 1998 г.), ни многочисленные последующие письма и обращения Тран До не были опубликованы в официальной печати, они получили широкое распространение в самиздате во Вьетнаме, а благодаря Интернету — и за рубежом.

В январе 1999 г. Тран До был исключен из КПВ.

В апреле того же года Тран До направляет властям заявление об издании независимой газеты, ссылаясь на конституцию страны, гарантирующую свободу печати. В ответе Министерства культуры и информации «разъяснялось», что право издавать газеты имеют только организации, а не граждане.

С 1999 года Тран До, члены его семьи, их дом и все их контакты находились под круглосуточным наблюдением. В 2000 г. во время очередного обыска были изъяты рукописи мемуаров и личная переписка Тран До. В его адрес неоднократно поступали анонимные угрозы физической расправы.

9 августа 2002 года Агентство Рейтер из Ханоя сообщило, что «после тяжелой болезни в возрасте 78-ми лет скончался известный диссидент, генерал-лейтенант в отставке Тран До». Власти Вьетнама объявили, что покойному отказано в военных почестях при погребении и что любые общественные выступления по поводу смерти Тран До — запрещены.

В подпольно распространенном некрологе сказано, что «смерть генерала Тран До — незаживающая рана в сердце вьетнамского народа».

По материалам FREE VIETNAM ALLIANCE

Перевод с английского:
Ирина и Владимир ХОЛМОГОРСКИЕ

Во Ван Ай

ВЬЕТНАМ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

Глобализация демократии — насущная потребность в Азии в целом и во Вьетнаме в частности, где в данный момент существует лишь экономическая глобализация, когда прибыль извлекается только с помощью меркантилизма и притеснения, то есть происходит своего рода глобализация рынка рабов. Несмотря на то что

борьба против террористических групп и отдельных фанатиков занимает умы всего общества, в Азии, и особенно во Вьетнаме, доминирует распространение настоящий терроризм на уровне государства.

После падения Берлинской стены тоталитаризм почувствовал себя осиротевшим и трансформировался в терроризм государственный, терроризм, призванный прислуживать политическому нигилизму и поддержи-

вать правление деспотов. Этот государственный терроризм куда менее очевиден, чем терроризм, устраивающий покушения, однако это скрытое средство порой оказывается более действенным, способно препятствовать любым идейным дебатам, душить в зародыше и демократию, и права человека. Так были обузданы и раздавлены многие народы.

С этой точки зрения, Вьетнам — весьма показательный пример. С одной стороны, взяв на себя обязательство перед международным сообществом гарантировать и защищать права человека, СРВ гордо восседает в Комиссии по правам человека, с другой стороны, она из всех сил нарушает собственные обязательства, говорит на языке двойной морали, постоянно усиливая могучий аппарат давления. Этот аппарат подавления контролирует население разделенной на участки страны с помощью «участкового полицейского», уполномоченного следить за

любыми жестами и словами, чтобы выявлять «плохих граждан». Этот участковый наделен всей полнотой власти, он может войти в любой дом, к кому угодно. Он решает, кто из граждан является «враждебным элементом». Он может конфисковать (или выдать) крайне необходимое «разрешение на житительство» (хо-кау) – документ, без которого человек теряет свое гражданство и оказывается на нелегальном положении.

Население постоянно держат в неуверенности – оно *может* пользоваться фундаментальными правами и свободами, гарантированными Конституцией 1992 года... но при условии подчинения принципам марксистско-ленинской идеологии и не должно «злоупотреблять» этими правами. Совершенно ясно, что в представлении вьетнамских властей «злоупотребление» совпадает с простым пользованием свободой.

В октябре 2001 года католический священник Нгуен Ван Ли (Nguyen Van Ly) был приговорен к 15 годам заключения за критику религиозных преследований. В том же месяце ветеран коммунистического движения Тран Кье (Tran Khue) был «лишен свободы в административном порядке» за то, что вознамерился применить на практике политику правительства, испросив разрешения основать организацию, направленную на борьбу с коррупцией.

Безнаказанность властей еще более усугубляется из-за подмены *терминов* – на смену определению «контрреволюционный» приходит понятие «угроза национальной безопасности», под которой подразумеваются те действия, которые неудобны местным властям. Вьетнам дополнил свою законодательную систему Постановлением 31/CP от 1997 года о «лишении свободы в административном порядке», которое позволяет задерживать не только правонарушителей, представляющих угрозу национальной безопасности, но и любых лиц, несогласных с марксистской идеологией. С тех пор каждый индивидуум может содержаться в тюрьме без суда на протяжении двух лет, если такова будет воля властей. С принятием Постановления 31/CP каждый человек оказывается потенциальным узником, каждый дом оказывается потенциальным застенком, каждая пагода или церковь – потенциальной тюрьмой. Разумеется, практика «лишения свободы в административном порядке» существовала во Вьетнаме и до принятия этого постановления. Этот указ лишь узаконил террористическую практику, уже существовавшую прежде во Вьетнаме. Государственный терроризм во Вьетнаме – это, прежде всего, произвол на службе у тоталитаризма. Произвол, который приводит к преследованиям, к лагерям перевоспитания, к пагодам, ставшим тюрьмами.

Это тоталитаризм, основанный на идеологии, идущей по ложному пути, которая уже с трудом прячет обычное стремление к власти и богатству для своей партии, находящейся в меньшинстве. Партии, не придающей никакого значения ни чаяниям вьетнамского народа, ни вьетнамской культуре. Партии, которая опасается любых путей демократизации страны.

Пример Вьетнама должен преподать нам урок, что не следует повторять ошибки прошлого, ибо они могут стать роковыми для демократической глобализации, на которую мы возлагаем свои надежды.

Именно в этом показателен пример Вьетнама: в обществе насильно внедрена идеология, глубоко чуждая

культуре страны и, к тому же, навязанная меньшинством, которое одарено талантом ведения войны, однако плохо понимает истинные устремления собственного народа.

Для глобализации демократии необходимо, прежде всего, хорошо знать устройство общества, в котором нужно пустить ростки демократии и применить демократические принципы к реальным местным условиям, при этом, разумеется, не нарушая этих принципов.

Вот уже на протяжении двух тысяч лет культура Вьетнама ярко отмечена чертами буддизма, и это весьма благоприятная почва для развития демократии... Будда совершил истинную революцию мышления, еще в V веке до нашей эры отвергнув систему каст и провозгласив равенство для женщин и парий. «Не существует разделения по кастам, кровь у всех красная, а вкус пота – соленый», – говорил он...

Буддизм уже не раз помогал мобилизовывать силы народа для борьбы с угнетателями, и против китайских завоевателей, и против французских колонизаторов, а в наши дни – против вьетнамских коммунистов.

Объединенная Буддийская Церковь Вьетнама, традиционная, независимая, и именно за это запрещенная в 1981 году, ведет ненасильственную, однако упорную борьбу против угнетения со стороны государства и вьетнамских коммунистов. Сегодня практически все высшие должностные лица Объединенной Церкви находятся под стражей. Патриарх Объединенной Буддийской Церкви Вьетнама Тич Хюен Кванг находится в тюремном заключении без суда в течение 20 лет; второе лицо Церкви – Преподобный Тич Кванг До содержится под стражей в своей собственной комнате. Но даже за решеткой и под полицейским присмотром они держатся по-прежнему стойко. В прошлом году Тич Кванг До выступил с «Призывом к демократии во Вьетнаме». Речь идет о проекте, вполне осуществимом на вьетнамской земле, где в восьми пунктах излагается способ мирного перехода к демократии. В течение двух недель этот план получил поддержку более 300000 вьетнамцев, проживающих как внутри страны, так и за рубежом. Это является наилучшим доказательством того, что демократия – насущная потребность вьетнамского народа.

Полагаю, что глобализация демократии – это, прежде всего, просвещение и информирование народов об их фундаментальных правах и свободах... Сколько я видел вьетнамских беженцев, со слезами на глазах читающих Декларацию прав человека и раскрывающих для себя новое для них право на жизнь, узнающих, что *имеют право* свободно мыслить и свободно говорить!

Глобализация демократии – это также умение прислушиваться к чаяниям народа и воплощать их в реальность, это помощь этим народам в развитии их неповторимого своеобразия...

Глобальная демократия должна выступать как разнотелный повсюду опыт демократических преобразований, то есть как поиск новых демократических форм, наиболее полно приспособленных к каждому конкретному обществу и к каждой конкретной культуре.

Во Ван Ай (Vo Van Ai) – председатель Комитета Вьетнама по защите прав человека, вице-президент Международной федерации пуг по правам человека.

Андрей АНТОНОВ

КОЛЛЕКТИВНАЯ ВИНА ЗА ВЬЕТНАМ

21 сентября 2002 года российские активисты Транснациональной радикальной партии (ТРП) провели в Москве манифестацию возле посольства Вьетнама, протестуя против нарушений прав человека в этой стране. Российский координатор ТРП Николай Храмов в своем выступлении сказал, что за положение во Вьетнаме наша страна несет свою долю ответственности, поскольку именно она в свое время навязала Вьетнаму коммунистический режим.

С этим трудно спорить. Кремлевское руководство действовало в рамках своей логики «мировой революции», или, если точнее, установления мирового коммунистического господства. Вся история коммунистической агрессии и заключалась в постанном поиске «слабых звеньев капитализма». В 1960-х годах таковым стал Вьетнам.

Этапы вьетнамской войны 1964-1975 годов хорошо известны. Проникновение коммунистов из Северного Вьетнама в южновьетнамские деревни. Превращение с помощью террора и запугивания этих деревень в свои базы, приход в страну американских войск. Демагогические крики вьетнамских коммунистов о войне против народа. Негативное отношение мировой и частично американской общественности к этой войне. Уход американцев. Победа коммунистов в 1975 году. Создание вьетнамского ГУЛАГа, в котором, по некоторым данным, содержится до миллиона заключенных (при населении около 20 миллионов).

Почему это произошло, и кто в этом виноват? Естественно, вьетнамские коммунисты и поддерживающее их руководство СССР. Долю вины, наверное,

должно взять на себя и общественное мнение демократического мира, которое все упреки адресовало руководству США. Да, в большинстве своем оно руководствовалось гуманными соображениями («под бомбами гибнут дети»).

Но все требования прекратить войну адресовались тому же Вашингтону, а «другая сторона» выносила за скобки, хотя фактическим агрессором была именно она. Не замечались массовые убийства коммунистами мирных жителей в захваченном ими в 1968 году южновьетнамском городе Гуэ, да, в конечном счете, и грубое нарушение коммунистами условий мирного соглашения 1973 года (это и привело к конечной победе «красных») не заметили и простили.

Тут, конечно, играло свою роль убеждение левой интеллигенции в том, что «маленькие» всегда правы. Независимо от того, кто эти «маленькие» — коммунисты, воинствующие исламисты или людоеды.

Мировое сообщество и сегодня следует по той самой колее. Недавно вьетнамские власти отказали делегации Европарламента во встрече с арестованными религиозными деятелями — Тич Хюен Квангом, Тич Кванг До, Нгуену Ван Ли. Естественным было бы европейским парламентариям в ответ вообще отказаться от визита во Вьетнам. Но они, проглотив унижение, тем не менее наносят «дружественный визит».

Видя такую покорность, вьетнамские коммунисты уже не стесняются и обвиняют Транснациональную партию в «связях с террористами». Поводом послужило заявление члена ТРП, проживающего в эмиграции, вьетнамского горца Кок Ксора, который рассказал о массовых репрессиях против своего народа — конфискации земель у вьетнамских горцев, отказе допускать в районы их компактного проживания какие-либо иностранные делегации.

Официальный Ханой не случайно заговорил о «террористах».

Именно вьетнамские горцы еще во время вьетнамской войны оказывали наиболее стойкое сопротивление коммунистическим войскам. Впрочем, после ухода американцев в 1973 году и части южновьетнамской армии сражались умело и храбро. Но очень трудно воевать с ощущением полного одиночества, с ощущением того, что «весь мир бросил». А мир действительно бросил.

Информационное агентство «ПРИМА»

Вьетнам отчаянно нуждается в процессе демократизации. Я не говорю, что демократия — панацея. Потребуется много других факторов, чтобы вывести страну нашу из бедности и отсталости. Но ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ — ОСНОВНОЕ И ПЕРВОЕ УСЛОВИЕ, гарантирующее успех национального развития. Пока народ лишен свободы мысли, свободы выражения, свободы печати, свободы общения и других фундаментальных демократических свобод, весь разговор относительно национального развития и улучшения бесполезен.

Генерал Тран До, вьетнамский диссидент

Американский Фонд ветеранов вьетнамской войны, выступающий против эскалации насилия во всем мире, организует концерты и выпускает компакт-диски в рамках акции поддержки борьбы за права человека и демократию во Вьетнаме.

Редакция журнала «Карта» благодарит руководителя Международного Центра изучения Индокитая университета Беркли, Калифорния, г-на Стивена Деннея, главного библиотекаря отдела комплектования и обработки Рязанской областной библиотеки им. Горького г-жу Наталью Воробьеву и главного редактора информационного агентства «Прима» г-на Александра Подрабиника за помощь в подготовке материалов блока «Крутой маршрут Вьетнама».

Частоты вещания

Часы (МСК.)	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Частоты																								
5955	-	+	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5985	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6095	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6105	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+
6115	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6140	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
7110	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7155	-	-	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7180	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7190	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
7220	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	+
7230	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7245	-	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7265	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
7270	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
9505	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
9520	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	+
9535	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9565	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9625	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9645	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9660	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
9680	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9705	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9860	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
11725	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
11805	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
11815	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11860	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11875	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11885	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-
11895	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11970	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13640	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15115	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15130	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15145	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15205	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15215	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
15250	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15265	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
15370	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
17730	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17805	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Частоты																								
Часы (МСК.)	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ВЕЛИКАНОВОЙ 1932-2002

19 сентября 2002 года в возрасте 70 лет умерла Татьяна Михайловна Великанова. Это имя вызывало восхищение у тех, кто участвовал в демократическом движении в СССР в 60-80-х годах, и тех, кто сочувственно следил за перипетиями противостояния диссидентов и власти. Это имя вызывало раздражение и ненависть у следователей и оперативников КГБ.

Татьяна Великанова была членом одной из первых правозащитных организаций — Инициативной группы в защиту прав человека в СССР. Это был 1969 год. С того времени и до самого своего ареста она была одним из редакторов подпольного бюллетеня «Хроника текущих событий». К ней ручейками сходилась информация из политических тюрем и лагерей, ссылок и психбольниц. Ее знали участники самых разных диссидентских групп по всей стране. Казалось, она в центре всего этого неорганизованного, никем не управляемого, обреченного на гибель Демократического движения.

Когда в ноябре 1972 года КГБ решил закончить с «Хроникой» и объявил, что за выход следующего номера уже назначены заложники и аресты неминуемы, издание остановилось. Но продолжалось это недолго. В апреле 1974 года три смелых человека объявили, что ответственность за распространение бюллетеня они берут на себя. Одним из них была Татьяна Михайловна. И «Хроника» продолжала выходить, пока в 1983 году, подкошенная многочисленными арестами, она не закрылась окончательно. Великанову арестовали в 1979 году и за «антисоветскую агитацию и пропаганду» приговорили к 4 годам лагерей и 5 годам ссылки.

Татьяна Великанова была необыкновенным человеком. Глупо выстраивать по ранжиру диссидентских лидеров, но множество людей нашего круга считали Великанову величайшим авторитетом. Ее мнение было весомо для всех, несмотря на отсутствие титулов, званий, зарубежных премий и формального лидерства в диссидентских группах. Ее авторитет был подлинным. Как-то на допросе следователь КГБ, получив отказ от дачи свидетельских показаний, с досадой сказал мне: «Ну конечно, а что Татьяна Михайловна скажет!» И он отчасти был прав — взвешивая поступок, мы часто сверяли его с позицией Татьяны Михайловны.

Удивительно, она никогда не навязывала свою точку зрения, предпочитая слушать других, а высказывалась, только когда ее просили. Говорила она, как правило, несколько смущенно, тихо и улыбаясь, как будто ей было не по себе от того, что она объясняет очевидные вещи.

Ее аргументы были безупречны. И не потому, что она, талантливый математик и программист, побеждала железной логикой. Ее понимание событий и нашего места в них шло от сердца, от понимания добра и зла, от острого ощущения несправедливости, и как это ни покажется странным, от чувства красоты и гармонии.

Когда в 1987 году КГБ предложил политзаключенным подавать прошения о помиловании и почти все население политлагерей и ссылки послали в Верховный Совет свои письма, Татьяна Михайловна, уже находясь в ссылке в Казахстане, отказалась что-либо писать. «Я не осуждаю их, — говорила она, — но сама писать не буду, мне это кажется некрасивым». Уже помимо ее воли ей пришлось освобождение из ссылки, а она все еще оставалась там, не желая принимать подачки от власти.

Она была удивительно красивой и обаятельной женщиной. Ее любили ученики, которым она преподавала математику, поступив после освобождения работать в школу. Ею восхищались друзья. Ее уважали враги. Такие люди встречаются не часто. Они оставляют яркий и добрый след в жизни тех, кому посчастливилось их знать.

*Александр Подрабинек,
Информационное агентство «Прима»*

Татьяна Великанова родилась в 1932 г., ее отец был известным ученым-гидрологом. В 1954 г. закончила механико-математический факультет МГУ, работала учительницей в сельской школе на Урале. С 1957 г. — в Москве, сотрудник вычислительного центра, программист.

Муж Т. М. Великановой, лингвист Константин Бабицкий, был среди восьмерых, вышедших 25 августа 1968 г. на Красную площадь, чтобы протестовать против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию; арестован прямо на площади и сослан на 3 года в Коми АССР.

Татьяна Михайловна — член Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

В 1970 г. Татьяна Великанова взяла на себя основные организаторские функции в подготовке главного периодического издания советских правозащитников «Хроника текущих событий» — машинописного информационного бюллетеня, выходившего с 1968 г. и широко распространявшегося в самиздате. За девять лет под ее началом было выпущено около тридцати выпусков «Хроники».

1 ноября 1979 г. Т. М. Великанову арестовали по обвинению в «антисоветской пропаганде»; в августе 1980 г. Московский городской суд приговорил ее к 4 годам лагерей и 5 годам ссылки. Лагерный срок она отбывала в Мордовии, ссылку — в Западном Казахстане.

На свободу Татьяна Великанова вышла в 1987 г., в эпоху перестройки. Жила в Москве, работала учительницей в школе.

Татьяна Михайловна относилась к числу самых уважаемых и авторитетных активистов советского правозащитного движения. Ее личность в огромной степени определила нравственный и интеллектуальный уровень этого движения.

Гражданская панихида и прощание с Татьяной Михайловной Великановой проходили 22 сентября в помещении Общества «Мемориал» на Малом Каретном переулке.

Похоронена Татьяна Великанова на Ново-Хованском кладбище Москвы.

Общество «Мемориал»

История В документах

«Всегда твой Шура...»

За 1920 год Рязанским военно-цензурным отделом было просмотрено 3920400 писем – 154618 заказных писем, 664508 телеграмм. В РязгубЧК было переслано 2072 письма «шпионского и контрреволюционного содержания».

Пять писем из дела с документацией отдела военной цензуры за 1920 год. Изъятие при перлюстрации. Небольшой кусочек жизни 28 октября – 3 ноября 1920 года.

Александр Колышкин – по образованию учитель, работал в Рязани в политотделе рязанского гарнизона (чтобы избежать мобилизации на фронт). Коммунистические убеждения ему в целом близки, но возможность вступления в партию он рассматривает скорее как возможность устроить свою жизнь. Борьба с голодом, неустроенность, поголовная неграмотность и недостаток образования даже у командного состава.

Его жена, он называет её Нися (Нина? Наташа? Надя?), осталась в селе Кораблино, и перевезти её в Рязань он пока не может. От жены не приходят ответы на последние письма – разумеется, ведь она их не получала – письма перехвачены цензорами!

Скоро эти письма будут переданы в Губкомпарт, как и его заявление о вступлении в партию – «для сведения».

Человек, считающий себя толсто-вцем и выступающий против войны, не может остаться незамеченным, – время свободы мнений и политических пристрастий уже проходит. Ведь Колышкин считает, «...что коммунистам как искателям свободы и равенства непростительно заниматься истреблением человеческих жизней»...

Екатерина МАКАРЕНКО,
Рязанское Общество «Мемориал»

«Рязанское Военно-Цензурное отделение. 14 ноября 1920 года. №170 г. Рязань, в Губкомпарт».

При сём препровождается письмо и меморандум сего за № 1719/6 для сведения.»

Начальник РВЦО и зав. Секретно-осведомительским отделом.

Отправитель: Рязань. Ташковский попотомдел. Колышкин.

Адресат. ст. Кораблино, Ряз. Ур. Ж.д., п/о Маклаковского, учительнице Колышкиной.

Письмо первое

(в углу карандашная пометка автора: "Советую письмо по прочтении истребить").

Рязань – Ташково 28 октября

< > Я не знаю кого винить в этом, но меня очень часто гложет тоска, которую никак не могу ничем заглушить!

Смотря сцены, читая такие вещи, как "Милый груз", невольно навещаешь на себя какую-то тоску так хочется иногда хорошей светлой любви! Так больно ноет сердце, чувствуя себя одиноким брошенным. Рассались с тобой и кажется, что как-то все подгорелось. От тебя не будет писем, как нет до сих пор! Огни только мучительные думы! Лишь изредка мелькают как кинематографические ленты, тени прошлого. Как нас ни притесняли, как нас ни преследовали, но все-таки, так чувствовали себя непринужденно, мы были хозяевами своего положения! Делали все, что хотели! Теперь же совсем другое. Обстоятельства вынуждают откладывать свои намеренья надолго, надолго.

Нися! Я чувствую, что пишу тебе без всякой логики, чувствую что путаюсь в мыслях.

Ну давай поговорим о нем-либо другом. Доехал я благополучно, хотя праяб. Сел в пять, приехал в 8 час. вечера, в самый раз для дезертира! Все разумеется прошло благополучно! Нынче ходил в город, был у Голощаповых – ни Над. Ив. ни Фед. Кас. не видел.

Встретил одного своего товарища по школе, теперь студент института, Хромов (из Кораблина). Он служит в губназдоре заведующим школьно-курсовой секцией, а жена инструктором по детским домам. Говорит, что если я не был бы в армии учителем, то можно было бы меня перетянуть в Губнаробраз. Вот хорошо бы Нися, вместе устроиться в какой-нибудь детский дом. На всякий случай буду поддерживать это знакомство. Приглашал к себе и обещался познакомить с женой. Думаю как-нибудь сходить, конечно, если только разрешить ты. До твоего разрешения не поаду. Так же встретил Катю Щербакову. Коля пишет, что выезжает в Рязань. Один, первая эшелон уже отправили из Екатеринослава в Рязань, но не известно попали они с ним или нет.

* В документах сохранены орфография и пунктуация подлинника.

Решив не читать больше Мопассана, я имею намерение заняться чтением литературы в другом направлении. В Толстовском магазине сегодня купил за 500 руб. 3 тома соч. Нагибина (Наживина?) "Моя исповедь", "Воспоминания о Толстом" и в этом духе. Хочу заняться этим. Да еще на меня политком возложил обязанность читать и объяснять "Конституцию", ибо они не могут. Но и я ее еще ни разу не читал. Придется поработать.

Сегодня на меня нашло вдохновение заняться развитием себя. Надо пользоваться моментом. Это может немного отвлечет мои мысли от тебя живу ничего. Температура удовлетворительная стала. Ну, нися, очень хочется о многом поговорить с тобой, но что-то запутался в мыслях.

Кренко, крепко целую. Твой Шура.

Письмо второе

30 октября

Сегодня 30-е, а я еще не отослал это письмо, написанное два дня тому назад. Как я однако заботлив! Надеюсь, что простишь мне, Нисенька?

Причиной этому то, что не было случая в город, надо необходимо самому, завтра пойду и сдам это письмо.

Сегодня я избран в гарнизонную Комиссию по проведению праздника Октябрьской революции. В состав этой Комиссии вошли: начальник политотдела, военком 4-го полка и я. Большая обязанность возлагается на эту Комиссию. Также я избран председателем такой же Комиссии в Артскладе.

< > Хотя может и будет трудно, но постараюсь показать, что я не дураче их, как они привыкли смотреть вообще на беспартийного. Через 7 часа будет заседание Комиссии. Постараюсь побольше дать своей инициативы, сверх положенного инструкции.

Как ты, дорогая моя живешь? Хочется чтобы ты была покойна. На днях политотдел переходит на довольствие в 4 полк, возможно будет лучше хоть немного стол.

Нового ничего нет. Сейчас мыли пол. Ужасно устал – все время вспоминал тебя и удивлялся как это женщины способны так низко нагибаться и не больно им спину. А тут станешь на колени и одной рукой обопрешься и то спину больно. Интересная была картина, наверное, со стороны, вдвоем мыли часа полтора.

Как отношение матери? Насчет полушубка наверное ничего не выйдет, потому что портные шьют партию обмундирования для фронта, следовательно о частном приеме и говорить нечего.

Ну, храни тебя Бог, моя милка.

Сашенька.

Письмо третье

1/XI – 1920

Здравствуй, моя дорогая Сывошка!

Кренко целую тебя. Прости, что до сих пор не могу отослать это письмо – все не удается. Вчера ходил в город, но ввиду того, что было воскресенье, сдать письмо не удалось, пойду как-нибудь еще, наверное завтра.

А почему же от тебя нет писем? Ведь тебе сдавать то не так уж неудобно, даже наоборот. Некогда?

Живу, скуваю. Хочу записаться в партию с целью поступить куда-либо учиться.

Очень жаль, что так бесполезно проходит время. Милая! Так скучно, так неудовлетворенно проходит время. Все время такая тоска, что не знаешь куда деваться.

Часто приходят мысли взять тебя к себе, но боюсь сделать хуже. Как тебе там ни плохо, но здесь может быть хуже.

И уж очень плохо здесь без тебя, дорогая!

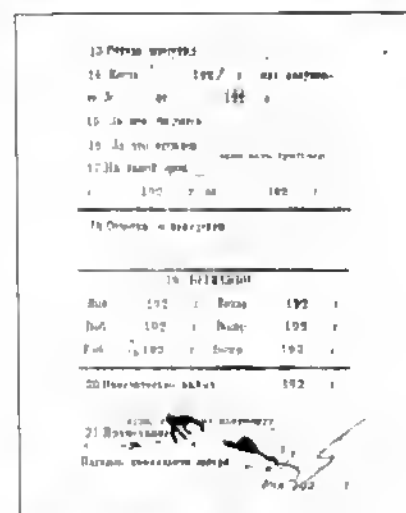
День еще так сак проходит в суете, а уж как приходят сумерки, как сейчас вот например, так грустно, грустно делается. Хочется чтобы ты была здесь.

Темно писать. Если все описывать что переживаешь, то не хватит времени в сутках. Темно. Ничего не видно.

Прощай, милка. Твой Шура. < >

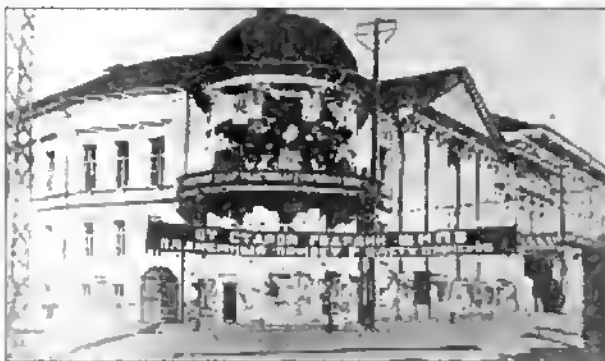
Красновармайцы. Конец 20-х годов, Рязань.

Учетная карточка з/к концлагаря. Славский монастырь, Рязань.

Милиционер. 1920-е годы, Рязань.

Здание бывшего Дворянского собрания. 1920-е годы, Рязань.
Фото из архива Евгения Кяширина

Письмо четвертое

2/XI – 1920

Милая Нисенька! Сейчас было заседание Комиссии. На меня возложили обязанность произвести празднества в окрестных деревнях Таишове и Мераине. Сейчас иду туда для улажения с властями вопроса о времени. Проект таков 7-го в 24. дня в Таишове митинг – концерт, а вечером лекция моя "Крестьянское движение и 25 октября". Также самое 8-го в Мераине. Работы будет пропасть организационного характера, да притом надо готовить лекцию.

Желаю успеха,
Любящий тебя твой Шура.

Письмо пятое

3/XI – 1920

Милая Нисенька! Никак не могу, чтобы свободное время не употребить на письмо к тебе. Так много дел, нужно готовиться к лекции, а я не могу, чтобы не побеседовать с тобой. Так много накопела на душе, хочется поделиться с тобой.

Тоска, скука грызет меня. Последнее время все проходит в делах, в канители, на это только дни, а как вечерам, так не хочется ни читать, ни готовиться к лекции, а только хочется писать тебе. Хочется говорить тебе, что люблю тебя моя дорогая, что тяжело мне без тебя. Нет нравственного удовлетворения.

Хочется жить одной жизнью с тобой, но не удается и делается так грустно, грустно.

Милая! Как я люблю тебя! Как хочется быть с тобой как хочется дышать одним воздухом с тобой!

< > Сегодня подал в партию заявление (да будет это только между нами) но в заявлении высказал (заявление в два письменных листа!) что соглашаюсь с программой Партии, обязуюсь исполнять все дела партии, кроме агитации за войну. Высказал мнение Толстого по отношению к войне. Цель такова: по этому заявлению меня наверное не примут, но пусть знают, что я имею коммунистические убеждения. А это может помочь мне в будущем т.е. здесь. Хотя результат не известен. Подрайком отказался от решения такого шекотливого, небывалого обстоятельства! Выходит дело я – коммунист-толстовец, а таковой партии еще нет. Подрайкомом передано мое заявление в Губком на рассмотрение. Заявление очень много наделало шуму. Интересно что скажет Губком. Боюсь как бы не приняли дело в шутку – попадет еще! Знаешь, какое им послание накатал, определенно заявляю что война – есть насилие и что коммунистам как искателям свободы и равенства непостижительно заниматься истреблением человеческих жизней. Размазал в два листа. Все удивлены моему красноречию, выразившемуся в этом заявлении. Рад конечно буду, если не примут меня в члены, этим больше выиграю. Тогда напишу тебе результаты. Хотя может это письмо доложится.

Ради Бога прости меня, моя милая. Ей Богу, Нися, это ненамеренно. Все некогда сходиться в город, эта проклятая Комиссия. Хотя это Комиссия помогла мне в том, что через нее я ближе познакомился с главными партийными работниками гарнизона. Как пройдут празднества и мои впечатления я тебе напишу.

А пока оставайся с Богом.

Крепко целую. Веди себя хорошо. Знай, что твой Шура тебя любит! Что он живет только потому, что надеется жить для тебя, иначе бы он не пережил всех мук теперешней жизни. Только надежда на счастье будущей жизни с тобой, заставляет терпеть, терпеть.

Прощай – Всегда твой Шура. < >

ГАРО ФП-1 оп.1 д.107 л. 143 - 152

Первое отделение милиции. Г. Рязань, 1924 г.

«Господи, когда же все это кончится?..»

Письма с фронта, погубившие солдата Михаила Ермолова

...Есть потрясающий своей правдой источник о войне. Он и ныне хранится во многих семьях. Это фронтовые письма. Солдатские треугольники — листочки бумаги, помеченные черными полосами военной цензуры и штемпелями полевой почты, — остались последней весточкой от отцов и дедов, погибших на фронте. Их хранят в семьях как память, как надежду на то, что ужасы войны не повторятся. Но многие из оставшихся в живых не имеют и этого. Десятилетиями ищут они сведения о погибших и порой находят...

Долгие годы разыскивал своего отца Сергей Михайлович Ермолов — сам фронтовик, прошедший дорогами войны от Сталинграда до австрийских Альп. Его отец Ермолов Михаил Петрович родился в семье рабочего в Архангельской слободе Пронского уезда Рязанской губернии. В годы первой мировой воевал под Двинском и Ригой, в гражданскую сражался против Юденича и Врангеля. Был членом ВКП(б), но в 1921 г. вышел из партии после того, как узнал из письма родных, что продотряд отобрал у них последние два пуда муки, оставив семью без хлеба.

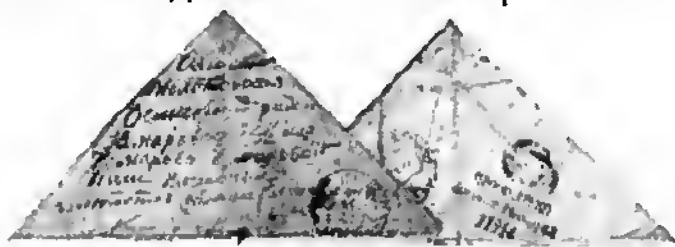
А потом снова Пронск, шесть голодных ртов в семье и работа, работа...

В сентябре 1940 года Ермоловых выселили в Карело-Финскую ССР. Там они и встретили войну. В марте 1942-го Михаил Петрович был призван в действующую армию. Последняя весточка от него пришла в июле. На все запросы родственников о судьбе М. П. Ермолова сообщалось, что в списках умерших от ран, убитых, пропавших без вести он не значится. А в 1987 году семья получила уведомление от военного трибунала Северо-Кавказского военного округа, что М. П. Ермолов был обвинен по статье 58, пункт 10, и расстрелян в январе 1943 года под Туапсе. Ныне реабилитирован.

Вещественными доказательствами совершенного им «преступления» послужили письма к родным, которые были перехвачены контрразведывательным отделом «СМЕРШ» его части. В 1987 году сотрудниками КГБ Ижевска письма Ермолова переданы семье. Через 35 лет они наконец дошли до адресата. В этих письмах некоторые предложения подчеркнуты рукой следователя, и на каждом пометка: «Документ этот написан мною М. Ермолов». В 1994 году сын Ермолова передал отцовские письма в Государственный архив Рязанской области (ГАРО).

О чем же таком «крамольном» писал солдат Ермолов? За какие слова расстреляли солдата?

Андрей МЕЛЬНИК,
Государственный архив Рязанской области

Письмо первое

4 августа 1942 года. Действующая армия

Дорогая Наде и Гетки! Сообщаю, что я жив и здоров. Спокойствие на нашем Южном фронте кончилось 8 июля, и вот с тех пор я не имел возможности написать вам о себе ни строчки, так как с переходом немцев в наступление на нашем лисманском направлении (8 июля) мы не имеем покоя ни днем, ни ночью. 12 и 13 июля мы вели бои в 60 км северо-западнее Ворошиловграда, а в ночь на 17-е оставили Красавицу Ворошиловград, весь почти пылающий в огне. Дальше мы начали выходить из окружения, образовавшегося в форме бутылки, горлышко которой выходило к Ростову. При выходе из этой «бутылки» мы очень много потеряли от действия немецкой авиации, которая немилосердно бомбила нас на протяжении около 50 км. 22 июля мы подошли к Ростову, но в трех километрах от него нас встретили артиллерийско-минометный огонь противника и его бомбардировщики стояли по 20–30 самолетов. Наши войска дрогнули и побежали к переправам через р. Аксай и Дон, тут же наши понесли большие потери в людях и технике, так как эти переправы через две реки противник нещадно бомбил с воздуха. Если бы вы видели весь этот кошмар, то пришли бы в ужас. Мы отошли за Дон на 20 км восточнее Ростова и стояли там до 27 июля, пока наше командование не отдало приказ о наступлении для занятия Аксая и Ростова, и вот 28 июля мы пошли обратно на Ростов, но противник действиями своей многочисленной авиации встретил нас и разбил вдребезги, откуда мы бежали в беспорядке на восток. Дальше мы уже не в состоянии были оказывать ему какое-либо сопротивление и продолжали отходить все дальше и дальше, и свернули на юг, так как немцы шли по нашим пятнам. И вот вчера, третьего, мы прибыли в одну из станций на р. Кубани (Васюринская), в 30 км восточнее Краснодара. Здесь наша дивизия будет собирать свои остатки и принимать пополнение, а затем, как видно, снова бросят в бой. Мы за это время прошли около 40 км. Питались, да и сейчас пытаемся в большей части фруктами и овощами, так как от своей базы снабжения мы оторвались и не знаем где она. В дороге брали у колхозов свиней и резали их для питания роты. То, что пришлось пережить за это время, описать никак нельзя. Если буду жив, приеду — расскажу.

В батальонах потери исключительно велики. Мой земляк Болобанов Михаил Михайлович из Можги пропал без вести, но его выдали по ту сторону Дона. Надо думать, что он попал в другую часть, а может быть, попал под бомбежку. Сообщил об этом его жене по адресу, который я вам послал раньше. Не знаю, сумею ли я отослать вам это письмо, так как все пути в центр немцами отрезаны. Возможно, что наладят связь воздушной почтой. Да, это война один ужас, сплошной ад, страшнее нет и быть не может. Исключительно наши неудачи объяснить можно тем, что у нас на передовых позициях мы не видим ни одного нашего самолета, ни одного нашего танка, а у немцев самолетов — как рой пчел, танков не сосчитать. Разве можно устоять перед такой грозной техникой врага? Естественно, что у нас есть — это артиллерия, которая мало-мальски задерживает продвижение врага, но одной артиллерии и людей, вооруженных винтовками, далеко

Безвестная солдатская могила. Фото Сергея Романова.

не достаточно для борьбы с противником, вооруженным такой мощной техникой, поэтому он прет и прет.

Командование наше стоит не на должной высоте, оно первое бросается в панику, оставляя бойцов на произвол судьбы. Относятся же они к бойцам как к скоту, не признавая их за людей, отсюда и отсутствие авторитета их среди бойцов. Даже в старой армии и тогда офицеры относились к солдатам лучше, чем сейчас эти лейтенанты относятся к красноармейцам. Да, я совсем не ожидал, чтобы именно сейчас, во время

войны, наши командиры Красной Армии так похабно относились к своим бойцам.

Сегодня я просматривал свое белье и обнаружил около 50 вшей, в том числе 20 – наикрупнейшего размера. Все это результат пота, отсутствия мыла, грязи, отсутствия бани и самое главное – не разрешается купаться. Здесь стоит ужасная жара. С 16 июля не было ни капли дождя. Хлеб на полях осыпается, убирать некому. Колхозы эвакуируются. Мы все ждем открытия второго фронта, но его все нет и нет. Господи, когда же все это кончится? Неужели нам не придется свидеться?

Целую вас всех, ваш М. Ермолов

Письмо второе

8 сентября 1942 г. Действующая армия

Мои дорогие, Надя и детки Зина, Маша и малый мальчик, Лень! Сообщаю, что я жив и здоров. Я много пишу вам, но от вас с 28 июня ни строчки, несмотря на то, что в последнее время мои товарищи из Москвы стали получать письма, значит, связь как-то наладили. Меня окончательно заедает вши, тело покрылось сплошными струпами от расчесов. Мыла нет даже для бритья, не говоря о стирке белья или мытья лица и тела, которые стали, как деревянные. Если в степях Дона и Кубани мы ели мясо с мясом (хлеба не было), то здесь, в ущельях кавказских гор, мы в этом отношении терпим большие трудности. Бои идут каждый день, и здесь, в горах, немцы не дают нам покоя, но тем не менее мы держим здесь их с 19 августа на одном месте. Здесь ночи стали очень холодные, а днем жарко. Ждем второго фронта, иначе не увидимся.

Целую всех. Ваш Михаил Ермолов

Эскадрилья под Рязанью в годы Великой Отечественной войны.

«У „МЕМОРИАЛА“ ЕСТЬ БУДУЩЕЕ — РАБОТА НА ДОЛГИЕ ГОДЫ...»

С членом правлений Российского и Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» Виктором КУЧЕРИНЕНКО беседует Сергей РОМАНОВ

— Виктор, расскажите, пожалуйста, о Вашей семье.

— Мои семейные корни — с Украины. Отец — родом из села Красный Куток, это на Белгородчине, недалеко от Харькова. Мама — из Винницы. А встретились они в Москве, вместе учились в Московском автомобильном институте.

В 1939 году после окончания института их направили на работу в Монголию — строить мосты. Там они провели всё военное время. Папа там же и воевал, на Дальнем Востоке.

Я появился на свет в Виннице в декабре 1946-го. Когда дожил до девяти месяцев, родители решили жить и работать в Москве. С той поры я и стал москвичом. Здесь вырос, и что любопытно, на Цветном бульваре — совсем рядом с нынешним «Мемориалом», с Малым Каретным переулком. Это моя «малая родина». Прогулки на Цветном — от Самотёки до Трубной площади, Колобовские, Каретные переулки, Старый цирк, Центральный рынок — мои самые ранние детские воспоминания. Здесь же и в школе учился — на Малом Сухаревском переулке, потом — на Трубной улице.

В 1964 году поступил на геологический факультет Московского государственного университета. А после окончания в 1969 году весь наш курс (мужскую, разумеется, составляющую) вместо распределения и работы по специальности «забрили» в армию. Мы удручённо ворчали, но митинг протеста не устроили... Два года отслужил лейтенантом — командиром взвода в городе Нижнеудинске в Забайкальском военном округе. И только потом занялся своей специальностью — геофизикой. 24 года проработал в Академии наук. До 95-го года.

Из родственников в моей семье был репрессирован только двоюродный дядя Т. М. Дьяков. По прямой же линии, отцовской, материнской, всё обошлось. И все-таки, несмотря на то что у меня лично из близких родных никто не пострадал от репрессий, я считаю, что пришел в «Мемориал» не случайно. Сейчас постараюсь объяснить.

Я воспитывался в обычной, советской, лояльной семье: папа, мама, дедушка, бабушка (мамины родители) и младшая сестрёнка Иринка. Никаких разговоров о политике в присутствии детей не велось. Родители и бабушка были беспартийными, дедушка — членом партии, но отнюдь не фанатиком. Дедушка Семен оказал на меня в детстве огромное влияние, причем никогда не агитировал ни за советскую власть, ни против. А что касается отца, я далеко не сразу понял причину его замкнутости и нежелания рассказывать о себе. Об этой его особенности мне говорили немногочисленные его знакомые, сотрудники, да я и сам это ощущал. Ему всю жизнь приходилось скрывать, что его отец, мой дедушка Антон, которого он очень любил и с которым мне тоже посчастливилось в детстве много общаться, был дьяконом в сельской церкви. Но при мне об этом не говорили.

Будучи студентом, я позволял себе дома этакую задиристо-подростковую критику власть предержащих. Отцу это не нравилось, он меня обрывал. Но теперь-то я понимаю, что к советской действительности сам он относился весьма критически. Посмотрите на этот снимок. Его сделал отец. Сам снял и напечатал. Видите, это Андрей Дмитриевич Сахаров — перед зданием, где шел суд над Юрием Орловым. Это, по-моему, май 1978 года. Значит, папа интересовался, значит, не был равнодушным. Ведь тогда сам факт прихода к зданию суда был... — вы понимаете. Но, подчеркиваю, что бы ни думали на самом деле мои родители, дедушки и бабушки, мне об этом не говорилось ничего. Тогда Сталин был для меня великим Сталиным.

Когда пришел 56-й год, я был десятилетним мальчиком. И вот «хрущевский съезд» объявляет о культе личности. Факты беззаконий, убийств, массовых репрессий так поразили мою душу, что я стал думать об этом постоянно. Меня буквально обожгло той лавиной информации. Конечно, немалую роль здесь сыграла реакция на события обожаемого мной дедушки Семёна. Он не вел со мной длительных дискуссий, но просто по его внешнему виду, по содержанию и тону случайно обронённых фраз я чувствовал, что он был буквально потрясён. Бабушка мне потом, гораздо позже, рассказывала, что были какие-то списки предназначавшихся к аресту, в которых было и имя моего деда. Но после смерти Сталина беда нас миновала.

Правда о преступлениях режима прочно вошла в мою память. И когда в середине 60-х эту правду стали понемногу сворачивать и глушить, я, конечно же, стал думать: почему? Помню, в своём МГУ я задал вопрос преподавателю то ли истмата, то ли диамата: «Скажите, пожалуйста, а почему о культе личности сейчас перестали говорить?» И профессор ответил: «Партия считает проблему культа личности исчерпанной». Это был 1964 год.

Действительно, в конце 60-х и в 70-е я припоминаю лишь две общедоступные публикации (возможно, были и другие), затрагивающие тему сталинских репрессий: у Евтушенко в «Ягодных местах» и у Чингиза Айтматова

в «Бурном полустанке». Но во мне эта тема, эта боль, была жива и продолжала жить. И когда уже в 1987 году я услышал, что в Москве появились инициативные молодые люди, которые собирают подписи под обращением за установку памятника жертвам политических репрессий, я их разыскал. Помню: на Пушкинской площади – группа сбора подписей (среди них был Олег Орлов). Я подошел, подписался и сказал: «Ребята, я хочу вам помогать». И с тех пор я – в «Мемориале».

– А какова была атмосфера в МГУ в годы Вашей учебы? Можно ли было свободно обсуждать с товарищами то, что так Вас потрясло в десятилетнем возрасте?

– В те годы, я считаю, МГУ был оазисом в советской пустыне. Тон всему задавал ректор Петровский. Иван Георгиевич был лидером, крупным ученым-математиком, человеком очень скромным и демократичным. Вы можете себе представить, чтобы ректором МГУ был беспартийный? А он не был членом партии: уникальный случай. Нет, нам, конечно, не читали анти-советских лекций. Но была в «храме», как мы между собой называли наш университет, явная атмосфера свободы, «дух шестидесятников». Я теперь говорю, что МГУ тогда «вылечил» меня. Ведь несмотря на то, что я с детства был потрясен преступлениями сталинизма, всё равно я был комсомольцем. И перестал им быть именно в университете. Среди студентов я встретил единомышленников, которые разделяли мои убеждения, с которыми мог мыслями делиться. И которые поддерживали меня, а на некоторые вещи раскрывали глаза. И вот так, постепенно, постепенно... Мы не создали оппозиционную организацию, хотя правозащитное движение в стране уже началось. Но «внутренними» оппозиционерами состоялись.

– В 68-м, как известно, с «хрущевской оттепелью» было покончено танками. Как тогда вы – чехословацкие студенты МГУ – реагировали на чехословацкую трагедию?

– Как реагировали? Страшно было... Ощущение необратимости... У всех, кто понимал. А кто не понимал, и многие студенты в их числе, кричали: «Ах, ах! Мы должны защищать социализм! Если бы не мы, в Чехословакию немедленно вошли бы танки бундесвера». Такая была официальная пропагандистская утка. Помню, что я тогда со многими спорил, растолковывая, что западные немцы никогда, ни при каких обстоятельствах не вошли бы в Чехословакию. Я доказывал это. Несколько человек в университете, помнится, я пере-

убедил, они поняли, что нам навязывают ложь. Вот так мы реагировали.

– У меня есть такое ощущение, что геология, как профессия, отбирает себе людей свобододолюбивых, со свободным мышлением...

– Может быть. Об этом я всерьез как-то не думал. Были у нас среди студентов и весьма консервативные личности. А вот любовь к движению, к перемещению в пространстве была точно. Я на геолфак пошел, наверное, потому, что с детства активно занимался туризмом, с пятого класса. У нас в школе был прекрасный учитель истории, хочу назвать его имя: Владимир Владимирович Струков. С ним мы исходили все Подмосковье. Незаурядный был человек. Вы знаете, что он нам говорил, причем – в классе, на уроке: «Я преподаю российскую историю только до 1861 года». То есть до отмены крепостного права. Так оно и было: всем, что появилось позже – разночинцами, народолюбцами, революционерами, ну и, разумеется, советским периодом, – с нами занимались другие учителя. Напрямую ВВ, как мы его называли, ничего крамольного нам, конечно, не внушал, но мимоходом «семена» разбрасывал: думайте, мол. Помню один разговор у него дома, куда мы, его ученики, частенько заходили. Я, ну куда денешься, что было, то было, принялся расхваливать скромность и порядочность Ленина, каким он был в быту неприхотливым, ни роскоши ему не надо было, ни богатства. А ВВ на это отвечает: «Ощущение власти для того, кто к ней рвется, само по себе уже вершина наслаждения, оно самодостаточно. Как дорвался до власти над людьми, ничего другого уже не надо».

У нас на геолфаке сразу после первого курса была полевая летняя практика. И там, на первой же практике, я увидел и убедился, каковы истинные взаимоотношения между так называемыми простыми людьми и компартией. Когда слышишь, как рабочие, покуривая, беседуют промеж собой о «партийных», я не знаю, кем надо быть, чтобы не увидеть пропасти между людьми и официальной идеологией. Вполне определенным было отношение к партии в народе. Чаше – насмешливым, порой даже – презрительным. В открытую, разумеется, не выступали, но знали цену и партии, и «партийным».

Чем еще запомнились студенческие годы, – конечно, песнями! Бардовская песня «светит» мне по сей день. Тогда был такой подъем! В университете пели все. Гитаре учились друг у друга. Такие были вечера, такие люди! Визбор, Ада Якушева, Новелла Матвеева, Окуджава, Ким, Городницкий, Никитин, Галич, разве всех тут перечислишь? Чуть позже – Высоцкий. Вы знаете, я как на первом курсе услышал «Девушку из харчевни», так и влюбился раз и навсегда в Новеллу Матвееву. Завораживают меня ее песни, многие я знаю и пытаюсь сам петь...

А Визбор! Когда ставлю кассету с Визбором, про все забываю. Тембр его голоса действует на меня – необыкновенно...

А вот на первом курсе осенью 64-го мне повезло так, что до сих пор с восторгом вспоминаю и рассказываю. Мой однокурсник Ян Лев провел меня на чуть ли не секретное, нигде не объявленное «мероприятие» в ЦДРИ на Пушкинской улице. Там, даже не в зале, а в коридоре под лестницей собралась небольшая кучка зрителей, человек 15-20. И вдруг к нам подходят Галич и Ким. С одной, почему-то, на двоих гитарой. И начался

Андрей Дмитриевич Сахаров перед зданием, где шел суд над Юрием Орловым. Май 1978 г.

вечер, который до сих пор стоит перед глазами. Я ведь не только увидел их впервые, я и песни эти услышал в первый раз: «Уходят друзья», «Старательский вальсок», «Облака», «Губы окаймленные», «Стаканчики гранёные»...

Мне довелось не раз слушать на концертах и встречать у нас на различных мероприятиях в «Мемориале» Булата Шалвовича Окуджаву. Его песни «сделали» нас. Для многих, и для меня тоже, Окуджава — это не просто поэзия и музыка, это неотъемлемая часть жизни.

Автор, для меня особенный, — Александр Городницкий. Я впервые увидел его в 66-м, в Крыму под Бахчисараем, на геологическом полигоне МГУ. И вот с той поры... Вы знаете, наверное, это какая-то форма магии, при том что человека вовсе не религиозный. Его песни я знаю и пою, если не все, то очень многие. И, казалось бы, пето-перепето тысячи раз: «От злой тоски не матерись...», «Кожаные куртки, брошенные в угол...», «Перекаты», «Снег»... а все равно — как на огонь или на волны смотреть — не надоедает. Я стараюсь ходить на все его концерты. И каждый раз чувствую себя окрыленным. Мы с ним много раз пересекались, и по работе в Академии наук, и на песенных вечерах — я даже несколько раз ему аккомпанировал на гитаре. Александр Моисеевич работает в Институте океанологии, я был в Институте физики Земли. А специальность у нас общая: морская геофизика. Жаль только, что в экспедициях, в рейсах не довелось совместно поработать. Давно уже хочу пригласить его в «Мемориал», устроить песенный вечер, да пока не удается. Больно уж динамичный он человек, постоянно в разъездах.

— Вы, значит, морской геофизик?

— Да. А еще более узкая специализация — гравиметрист. По аномалиям гравитационного и магнитного полей можно судить о составе пород земной коры и верхней мантии Земли. В том числе на морях и океанах. Вот этим мы и занимались. Ужа на студенческих практиках я побывал в экспедициях на четырех морях: Балтийском, Каспийском, Охотском и Черном. Диплом писал по глубинному строению дна Черного моря. А много позже — диссертацию: «Методика обработки и комплексной интерпретации гравитационного поля океанов». Получил ученую степень кандидата физико-математических наук.

В Институте физики Земли у нас были хорошие, человеческие отношения, много светлых, теплых людей. В ИФЗ была атмосфера, напоминавшая мне студенческие годы, атмосфера свободы. Там, в институте, я впервые узнал об академике Сахарове, о его выступлениях за права человека. Мой большой друг, замечательный человек Игорь Галкин (его уже нет в живых) доставал для меня машинописные страницы с работами Андрея Дмитриевича. Именно там я впервые прочитал сахаровские «Размышления о прогрессе...». Даже представить себе тогда не мог, что наступит время, когда буду лично с Сахаровым встречаться, беседовать...

В заграничные рейсы меня поначалу не пускали. Видимо, присматривались. Я даже подозревал тогда, что причиной могли быть песни Галича, которые я любил петь на «картошке», на институтских посиделках. Выпускать меня начали с 1981-го. Интересно, что в рейсах я тоже много пел, в том числе и Галича, но, судя по тому, что серьезных проблем с «загранкой» уже не

«Бердовская песня "светит" мне по сей день». Иван Паникаров, Чулпан Амандигулова, Виктор Кучаренко, Михаил Заранкин. 5-я конференция «Мемориала», декабрь 1998 г.

было, как-то всё обходилось. Я, например, членом партии не был. Но выпускали. Правда, партийных брали гораздо охотнее. Это было заметно. И вообще, в составе заграничного экспедиционного отряда в обязательном порядке должно было быть не меньше двух-трех членов КПСС.

А внутренние — каботажные научные рейсы — были всегда, с самого начала работы. В основном на Дальнем Востоке.

— Сколько же Вы совершили рейсов?

— Если все сосчитать, то около пятнадцати. Ходил и по Охотскому морю, был на Камчатке, Сахалине, на Курильских островах — Уруп, Итуруп, Кунашир, Шикотане. Один рейс в Охотском море особенно памятен. Было это в октябре, год уже не помню, где-то в конце семидесятых. Шли из порта Корсаков, с Южного Сахалина, на арендованном круизном теплоходе «Мария Савина» мимо Курил на север, к Магадану. На полпути попадаем в шторм, около 10 баллов. Можете себе представить, через иллюминатор видна волна: вертикальная водная стена высотой метров десять. Такого и в океанах не бывало. Потом стихло. И вот, недели через две, входим в ту самую бухту Нагаева. Над водой и заснеженными сопками — вьюга, пронизывает до костей. И представил себе, как в эту бухту входили караваны с заключенными из порта Ванино. А впереди уже виден причал «столицы колымского края». Ощущение — словами не передашь, ощущение жути...

Больше всего экспедиций было в Тихом океане, иногда заворачивали в Индийский. Бывал в Сингапуре. В Тихом мы спускались на юг до Новой Зеландии, заходили в Веллингтон. Был на островах Фиджи, Тонга, Самоа, в Порт Адене, это Южный Йемен — у входа из Индийского океана в Красное море. В одном рейсе — на «Келдыше» вышли из Владивостока, а вернулись в Новороссийск. Работали в Тихом, потом вошли в Индийский. Через Красное море и Суэцкий канал вышли в Средиземное море, на четыре дня зашли в Грецию, в Салоники. Потом через Дарданеллы и Босфор — в Черное море, и закончился рейс в Новороссийске.

Мы много пели в рейсах, когда расслаблялись после вахты, особенно нашего Городницкого. Кстати, при работе в тропической зоне между Северным и Южным тропиком, то есть примерно на 1400 морских миль (около 2700 км) к северу и югу от экватора, всем

на корабле положено так называемое «тропическое довольствие» — сухое вино. Две бутылки на человека в неделю. Поэтому если посмотреть на схемы маршрутов, видно, как все экспедиционные суда, выйдя из порта, круто забирают на юг к северному тропику Рака и уж потом расходятся по районам работ. Как только пересекалась 24-я параллель, по судну объявляют: «Экипажу и научному составу получить тропическое довольствие!» И все, кто не на вахте, бегом к артельщику в каютерку...

Знаете, где похоронен писатель Стивенсон? На вершине горы Взеа, на острове Уполу архипелага Самоа посреди Тихого океана, в его западной части. Когда Стивенсон скончался, самоанцы, читавшие его чуть ли не богом, за одну ночь проложили из пальмовых стволов тропу на вершину горы. Случилось это в декабре 1894 года, но тропа существует до сих пор. Сам по ней взбирался в 1985 году на вершину — к могиле автора «Острова сокровищ».

...И вот в 1987-м я нашел Олега Орлова на Пушкинской площади в Москве. Буквально через несколько дней мне позвонили, и я сам встал возле «Речного вокзала» с плакатами и подписным листом. Реакция прохожих, особенно пожилых людей, была разной. Одни подписывали, благодарили, жали руки. Другие, по большей части, почему-то, женщины, набрасывались сбранью: «Мерзавцы, гады! Сталина великого хотите опорочить!» — пытались даже побить и плакаты порвать. Неуютно было: не драться же с ними!

Мы вели сбор подписей, как я уже говорил, за сооружение в Москве памятника жертвам репрессий. Тогда они связывались в основном только с именем Сталина. Весной 88-го на «Речном вокзале», если не ошибаюсь, у спортклуба, прошел первый митинг. Народу было несколько сот человек. Милиция стояла, не вмешиваясь. А осенью в Доме кино прошла первая конференция «Мемориала». Мы хотели сделать ее учредительной, но члены десяти творческих союзов: архитекторов, кинематографистов, художников и т.д., которые намеревались быть учредителями как люди тертые, многоопытные и осторожные, — убедили нас перенести основание «Мемориала» на более поздний

На подготовительной конференции общества «Мемориал», 1988 г. Андрей Дмитриевич Сахаров, Вячеслав Глазьев, Олег Орлов.

Митинг у Соловецкого камня на Лубянке. 30 октября 1991 г.

срок. Эту конференцию потом называли «подготовительной».

Учредительная же конференция «Мемориала» состоялась 28–30 января 1989 года во Дворце культуры МАИ. Все это время я занимался связью с разными регионами. На улице Черняховского, в помещении Союза кинематографистов, нам выделили комнату, и мы вели прием всех, кто приезжал из других городов и вообще всех, кто к нам обращался. Так мы готовили учредительную конференцию. За мной, вплоть до недавнего времени, так и закрепилось — контакты с регионами.

— Кто же входил в инициативную группу? Я имею в виду тех, кто реально работал, а не громкие представительские имена. Среди последних, кажется, даже Ельцин был.ы

— Да, Ельцин был членом Общественного Совета. Это была уже вторая фаза. После того как собранные за памятник жертвам сталинизма подписи были переданы на 19-ю партийную конференцию, при этом Горбачев публично объявил о намерении создать памятник, возникла проблема формирования выборного Общественного Совета будущего «Мемориала». На наших уличных пикетах мы призывали прохожих назвать и записать имена известных, выдающихся людей, которые могли бы составить Общественный Совет. Его в конце концов составили, но весь целиком он, насколько я помню, ни разу так и не собрался. А реально в инициативной группе работали: Олег Орлов, Лев Пономарев, Юрий Самодуров, Павел Кудюкин, Вячеслав Игрунов, Дима Леонов, Арсений Рогинский, Лена Жемкова, Таня Касаткина, Володя Лысенко, Коля Старков, Никита Охотин, Саша Даниэль. Это был основной костяк. Может, кого-то я сейчас и не вспомнил — ...не взыщите.

На учредительную конференцию собралось более 400 делегатов почти из 250-ти городов. Очень много было тогда «мемориальских» городов. На конференции доминировало ощущение эйфории. Думали, что горы свернем!

«Мемориал» учредился и был зарегистрирован как 8ДИПО — Всесоюзное добровольное историко-просветительское общество. Из самого названия явствует, что основой деятельности были историко-архивные разыскания, исследования, публикации. Кстати, многие этим занимались и до создания «Мемориала». Я же продолжал работать по налаживанию связей и контактов с людьми на местах. Мы старались, чтоб в

городах России разворачивались и создавались самостоятельные общества «Мемориала».

Практически одновременно, то есть с начала 90-х годов, в деятельности общества начала выкристаллизовываться и правозащитная линия. Постепенно та часть людей, которая работала по этой тематике, юридически оформилась в самостоятельную структуру — Правозащитный Центр (ПЦ) «Мемориала».

В Координационной комиссии по связи с регионами я работал вместе с Сусанной Соломоновной Печуро, Ларисой Даниловной Гармаш, были и другие коллеги. Хочу отдельно сказать, что для меня, и знаю, что не только для меня, Сусанна Соломоновна — человек номер один в «Мемориале». Замечательный человек! Она буквально как магнит, к ней тянутся люди. Мы с ней дружим много лет, и я надеюсь, что наша дружба продлится еще долгие годы.

Мне удалось побывать во многих региональных отделениях «Мемориала» и мемориальских организациях: Санкт-Петербург, Иркутск, Тула, Волгоград, Архангельск, Казань, Екатеринбург, Орел, Рязань, Пермь, о. Соловецкий, Новороссийск, Геленджик (пос. Кабардинка), города и поселки Республики Коми: Сыктывкар, Ухта, Евма (Княж-Погост), Усть-Вымь (Айкино), Троицко-Печорск. На Украине: Харьков, Киев, Одесса, Днепрпетровск, Винница, Чернигов. В Казахстане — алма-тинское общество «Адилет», в Эстонии — общество «Memento» в Таллинне.

Особо памятным событием стало открытие памятника — Соловецкого камня — на Лубянской площади 30 октября 1990 года. Олег Орлов и я были назначены ответственными за этот проект от правления «Мемориала». Мы держали связь с Моссоветом, который 10 сентября 1990 года на заседании президиума принял решение об установке камня, привезенного с Соловецких островов, как памятника миллионам сограждан — жертвам семидесятилетнего политического террора. Но практическая работа началась еще в начале года. В июне сопредседатель архангельского «Мемориала» Михаил Буторин организовал и осуществил доставку камня в Москву. Установкой памятника руководила комиссия Моссовета, которую возглавлял В. Дормидонтов. Мы тоже участвовали. Началось изготовление постамента. После долгих полемик и споров утверди-

Большой Соловецкий остров. Председатель пермского «Мемориала» Александр Калих, Виктор Кучериненко, председатель воронежского «Мемориала» Вячеслав Битюцкий.

ли, наконец, надпись на постаменте. О подготовке к открытию Камня я рассказал в статье «Кому ставят памятник на Лубянке?», опубликованной на первой полосе газеты «Московский комсомолец» 20 октября 1990 г. за 10 дней до открытия.

Нами был разработан сценарий открытия памятника 30 октября — в «День политзаключенного в СССР». Колонна участников под траурную музыку и чтение фамилий расстрелянных людей двинулась от Сретовских ворот и медленно обогнула здание КГБ. Из окон «Лубянки» на нас глядели, интересно, о чем думали и как себя чувствовали? Мы вошли в сквер перед Политтехническим музеем, где стоял под покрывалом на гранитном постаменте камень-памятник. Народу была масса! Пришло очень много достойных людей, Олег Волков, старейшина российских писателей, неоднократно репрессированный, и Зоя Дмитриевна Марченко, наш ветеран, «заслуженная колымчанка» — недавно она скончалась, светлая ей память! — вдвоем разрезали ленточку. А потом отец Глеб Якунин освятил это место памяти и скорби.

Три года я работал в Московской Хельсинкской группе с Львом Пономаревым и Людмиллой Михайловной Алексеевой. Причем и там я занимался связью с региональными правозащитными организациями. Работать в МХГ было интересно, но всё же в начале 99-го я сделал выбор в пользу «Мемориала».

Сейчас я тружусь в приемной Объединения лиц, пострадавших от политических репрессий общества «Московский Мемориал», которое возглавляет энергичная, решительная и, вместе с тем, очень отзывчивая и человечная Валерия Оттовна Дунаева. Кроме того, правлением на меня возложена работа по контакту с депутатами Государственной Думы для коррекции и усовершенствования законодательства. В первую очередь, закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Это мы делаем совместно с Вячеславом Ильичем Битюцким, руководителем воронежского «Мемориала». Я держу постоянную связь с депутатом Госдумы мемориальцем Владимиром Николаевичем Лысенко, который уже много лет работает над поправками к закону о реабилитации. Встречаюсь с другими депутатами — авторами законопроектов, касающихся жертв политических репрессий. Но Дума бессовестно затягивает принятие таких проектов, переносит сроки слушаний по внесению поправок и изменений в этот закон. Последний раз наши законопроекты были вне-

Сусанна Печуро и Виктор Кучериненко, 30 октября 1994 г.

Виктор Кучериненко, председатель сыктывкарского «Мемориала» Николай Розачев, директор московского представительства Фонда Форда Мери Маколи. Сыктывкар, 1998 г.

сены в повестку дня думских чтений 12 апреля, хотя первоначально планировались еще в январе, потом в марте и т.д. Я присутствовал в гостевом качестве на этих чтениях, но до наших законопроектов дело так и не дошло. Львиная доля депутатского времени была посвящена обсуждению законодательства о пивной и водочной рекламе. А чтение наших проектов опять перенесено, неизвестно, на какой срок...

В Объединении лиц, пострадавших от политических репрессий, я веду прием посетителей. За неделю обращается обычно около 30-ти человек. Конечно, я не юрист, но закон о реабилитации изучил, думаю, неплохо. Есть много ситуаций, в которых моей компетентности хватает, чтобы все решить самому: дать необходимые разъяснения, подготовить соответствующие документы и т.д. В сложных случаях, безусловно, подключаются профессиональные юристы нашей приемной. Для активизации социальной работы в регионах мы с руководителем питерского «Мемориала» Владимиром Эдуардовичем Шнитке организовали и провели в декабре прошлого года в Санкт-Петербурге большой семинар по обмену опытом социальной работы с участием более 20 региональных мемориальных организаций.

Эта работа открыла для меня новый, неизведанный до сей поры, если можно так выразиться, духовный мир. Дело в том, что такого общения у меня не было в жизни нигде и никогда. Эта постоянная сопричастность с конкретными человеческими судьбами, с их проблемами и с их благодарностью дала мне новое, очень теплое ощущение жизни. Явно не заслуженный мною поток, море, океан человеческой благодарности. Поэтому мне очень дорога моя работа в приемной.

— Виктор, «Мемориалу» пошел тринадцатый год. Как Вы, человек, работавший столько лет с регионами, ощущаете реальную общественную силу «Мемориала»?

— Общее ощущение у меня такое: количественно мы уменьшились по сравнению с 89-м годом, а качественно, безусловно, выросли. Сохранившиеся организации окрепли, стали в своих регионах достаточно действенными, значимыми и заметными среди других неправительственных организаций. Появились и но-

вые, тоже достаточно авторитетные у себя на местах, мемориальские группы.

Наше будущее — работа на долгие-долгие годы. Все направления «мемориальной» деятельности будут жить и развиваться. Просветительство, правозащита, благотворительность — они ведь нужны всегда. А историко-архивной работы — вообще непочатый край. Когда, в самом еще начале, члены «Мемориала» ходили в архив КГБ, — когда нас туда еще пускали, — в гигантских подвалах на Лубянке они видели невероятное количество документов. Буквально забиты комнаты от пола до потолка. Там работы на десятки лет! И это только на Лубянке...

Обратите внимание, на тринадцатом году существования «Мемориала» мы еще не знаем реального количества репрессированных. В прессе мелькает цифра 60 миллионов человек. Наверное, это все-таки преувеличение. На сегодняшний день документально подтверждается факт расстрела примерно полутора миллионов человек. Общее же количество репрессированных, если брать в расчет и коллективизацию, а ее совершенно необходимо учитывать, оценивается в 25 миллионов человек. Но это приближенная оценка. На своем сайте в Интернете (<http://www.memo.ru>) мы приводим только документально подтвержденные данные о численности репрессий и расстрелов. Вот недавно у нас на Каретном мы анонсировали выпущенный «Мемориалом» компакт-диск с мартирологом расстрелян-

В музее тоталитаризма «Пермь-36»

ных по личному приказу Сталина и его ближайшего окружения.

— А как Вы относитесь к расчетам Иосифа Дядькина, мемориальца из Твери, который, как известно, первым попытался научно подойти к этой проблеме, за что и был репрессирован в 1980 году.

— Дело в том, что документов, непосредственно подтверждающих любые расчетные цифры и отчетственных, и зарубежных исследователей, занимающихся этой темой, очень мало. Поэтому цифры так и разнятся: от 18 до 60 миллионов. Я считаю, что оценка Иосифа Гецелевича Дядькина, быть близким знакомым которого я считаю для себя большой честью, то есть 45-46 миллионов совокупных потерь, вполне реальная цифра. Кстати, интервью с Иосифом Гецелевичем, опубликованное в «Карте» (№ 28-29 2000 г. — прим. ред.), считаю одной из самых интересных публикаций журнала. Есть такой замечательный двухтомник об истории 20-го века «Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы» известного английского философа и историка Пола Джонсона. Читаю главу об СССР и вдруг наткнулся на ссылку: «демографическое исследование Иосифа Дядькина «Оценка неестественной смертности населения СССР в 1927-1958 гг.» До чего же приятная находка!

Завершая поднятую тему, хочу еще раз сказать, что работы здесь — на многие и многие годы. И думаю, что эта работа будет возможна. Одно время, после избрания Путина, пошли панические слухи, что, дескать, всё, конец, закроют, прихлопнут и т.д. Но я считаю, что вектор развития, за некоторыми исключениями, пока еще — позитивен. Но это — моя личная оценка.

— Скажите, Виктор, какую тему или проблему Вы считаете самой главной для «Мемориала» на сегодняшний день?

— Главной, пожалуй, темой, являются проводимые нами уже не первый год школьные конкурсы «Уроки истории. Россия — XX век». Ничего сейчас нет важнее, чем просветительство, особенно — среди детей.

Есть еще одна важная тема, которая занимает мои мысли уже много лет. Именно она послужила побудительным мотивом — наряду с другими, — когда я уходил из Академии наук. Мне хотелось всерьез ей заниматься в «Мемориале». Эта тема, эта проблема — национализм.

Поясню подробнее. Вот у вас в Рязани недавно произошли фашистские вылазки. И в Москве, и в других городах. Везде стало много этой «нечисти». Что же этому противостоит? Конференции по ксенофобии и толерантности, выпуск антифашистских листовок. Это все, конечно, надо делать. Но, вообще говоря, это — малоэффективно. Надо «копать» гораздо глубже.

Чтобы действительно одолеть фашизм, требуется нечто иное, более действенное. Основа фашизма — идея национального (правильнее здесь сказать — моноэтнического) государства. То есть когда государство создается или воссоздается представителями одного этноса и только одному этносу служит. Скажем, русское государство — только для русских. Именно отсюда и лезут РНЕ и скинхеды. Так вот, надо менять парадигму моноэтнической государственности. Любое государство должно стать полиэтническим с введением, по крайней мере, двойного гражданства и двух, а может быть, и больше, официальных государственных языков.

У памятника жертвам репрессий в Кабердинке.

Это и будет важнейшим противодействием фашизму. Конечно, дело это не скорое, а очень долгое и обширное. В рамках этой работы обязательно предстоит корректировка понятия «право народов на самоопределение». Оно было сформулировано в середине 20-го века и вошло во многие международные документы. Юридическая проработка этого принципа, столь важного для развития человеческих сообществ, такая неполная и нечеткая, что это породило массу проблем, буквально сочащихся кровью. А что такое народ? Группа, состоящая из представителей одного или нескольких этносов. Сейчас в мире практически все войны связаны с вождением национальной государственности.

В новороссийском «Мемориале». Борис Герасименко, Виктор Кучериненко, Геннадий Гончаров.

Люди (на самом деле — не население, а рвущиеся к власти лидеры) хотят отделиться и образовать моно-этническое или монорелигиозное государство. А в государстве, провозглашающем в качестве главной своей цели развитие одного «титульного» этноса, нарушения прав человека неизбежны по определению. Сейчас этносы так перемешаны, что трудно найти территорию, где жил бы только один народ.

И когда некие политические силы провозглашают своей целью создание государства данного этноса, что бы они при этом не говорили о равенстве прав других этносов на территории совместного проживания, обычно это чисто пропагандистские декларации. Как только образуется независимое государство, и это относится к большинству постсоветских государств, на практике идет подавление и угнетение меньшинств. И этнические, и религиозных.

Этой теме был посвящен мой доклад на харьковской конференции международного «Мемориала» в 1994 году. Я призвал мемориальские организации начать контакты с национально-культурными объединениями в своих странах. Потому что конструктивный выход, по-моему, состоит в образовании национально-культурных автономий. Идею о пересмотре права на самоопределение поддерживают и развивают весьма достойные люди. Например, Сергей Адамович Ковалев и Лариса Иосифовна Богораз. Она, когда мы с ней встречаемся, всегда вдохновляет меня на такую деятельность.

Одно из моих повседневных «мемориальных» дел сейчас — налаживание связей с национальными общинами Москвы. Я поддерживаю контакты с представителями диаспор: с российскими немцами, с крымскими татарами (они, в шутку, даже объявили меня «почетным крымским татаринком»), с мордовской общиной, с казаками, с турками-месхетинцами, другими этническими организациями.

Совместно с российскими немцами я одно время проводил постоянный семинар «Путь этноса». Идея ясная и понятная. Пусть каждый народ развивает свою культуру и ее основу — язык и художественное творчество — как можно шире и свободнее. Все это можно и нужно делать в рамках национально-культурных автономий. И совершенно не обязательно для этого государственное самоопределение. Тем более с автоматом в руках.

Один из лидеров Федеральной национально-культурной автономии российских немцев писатель Александр Гангнус как-то выразился очень точно и лаконично: «Национальной может быть только культура. Всё, что не культура, не может быть национальным». То есть — ни власть, ни государство, ни правительство, ни границы...

«Окуджава — это не просто поэзия и музыка, это неотъемлемая часть жизни».

— В стране идет возрождение казачества. Многие из новоявленных казаков утверждают, что они — представители отдельного этноса. Как Вы к этому относитесь?

— Чтобы ответить, надо сначала точно определить, что такое этнос. Многие современные этнографы, и отечественные, и зарубежные, в частности наш крупный ученый профессор В.А. Тишков, утверждают, что само понятие «этнос» не генетическое, а вымышленное. Это никакое не «родство по крови», а продукт человеческого разума, интеллектуальный «конструкт».

Скажем, понятие «раса» опирается на физические различия между людьми. Кстати, четких границ и между расами нет. Они плавно переходят друг в друга.

Понятие же этнос — субъективное. Это воображаемая общность, к которой человек сам себя присоединяет, чаще всего — в семье, с раннего детства. Или, как говорят этнографы, самоидентифицируется. Это действительно так. Если взглянуть на европейца, порой трудно понять, кто он: немец, датчанин, русский — до того момента, пока человек не начнет говорить. Этнос — это общая культура, язык, совместная история. Поэтому, что касается казаков, я думаю, если им этого так хочется, — пусть будут этносом.

— Врису топерантний подход к этническому вопросу. Но есть ли у претендентов главное — свой, отличный от других язык?

— Да, язык — основа основ этноса. Но есть прецедент: Югославия. Сербь, хорваты, боснийцы — считают себя отдельными этническими группами, а язык у всех — один. Там, правда, есть еще и конфессиональный аспект.

У нас в «Мемориале», в Правозащитном Центре, есть программа «Этническая дискриминация в регионах Российской Федерации». Тема: «Нарушения прав человека по этническому принципу» — сбор, обработка и распространение сведений о дискриминации по признакам этнической, связанной с ней расовой, религиозной и языковой принадлежности. В программе работают Александр Осипов, Ольга Черепова, Дмитрий Грушкин. Но это все-таки не исследование понятия национальной государственности и права народов на самоопределение.

Серьезно занимался этой проблемой Сергей Адамович Ковалев. Но он сейчас так занят, что на теорию буквально не хватает времени. Не часто, но мы с ним встречаемся, обмениваемся мнениями, обсуждаем вопросы. Задача-максимум — изменить международное законодательство в части «права народов на самоопределение». Надо инициировать международное общественное мнение для ее решения. Привлечь интеллектуальные силы, создать структуры, развернуть широкую кампанию. Когда любой политический лидер будет априори знать, что «моноэтническое самоопределение», да еще — с помощью насилия и террора, — не будет признано международным сообществом ни при каких условиях, думается, одно это должно снизить уровень кровопролития на земном шаре.

Решение этой задачи, конечно, дело не близкое, но нужно двигаться в этом направлении. И как любит говорить Сергей Адамович Ковалев: «Давайте выпьем за успех нашего безнадёжного дела!» Это, кстати, и морской тост. Мы всегда поднимали его в рейсах.

Москва
2002 г.

Борис СОКОЛОВ

НЕРЖАВЕЮЩИЙ ФЕЛИКС

125 лет назад, 11 сентября 1877 года, в родовом имении Дзержиново (ныне в Белоруссии) в обедневшей польской дворянской семье родился будущий председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем Феликс Эдмундович Дзержинский, прозванный советской пропагандой «железным Феликсом». Его не без успеха пытались отделить от преемников — Ягоды, Ежова, Берии и Абакумова, заклеянных как «враги народа».

При Дзержинском уже в феврале 1918 года ВЧК получила не только следственные, но и судебные функции, что открыло широкую дорогу произволу. Это событие Дзержинский воспринял с воодушевлением: «Теперь ВЧК наделяется карательными функциями... беспощадно уничтожать врагов революции... Это должны делать мы...» И делали. Только по постановлениям, подписанным лично Дзержинским, в 1918-1919 годах было расстреляно, по далеко не полным данным, около 10 тысяч человек. Еще десятки и сотни тысяч людей были казнены по постановлениям местных ЧК. Среди них были не только заподозренные в активной борьбе против большевиков, но и «спекулянты» — те, кто продавал или менял на вещи хлеб. Это считалось самым страшным преступлением в условиях продразверстки и военного коммунизма. А после объявления «красного террора» 2 сентября 1918 года в числе расстрелянных оказались и заложники — арестованные из числа не только имущих классов, но и крестьян и рабочих. Их казнили в ответ на действия «контрреволюционеров». Напомним: такая практика была признана преступной Нюрнбергским трибуналом.

Михаил Гриб, белорусский краевед:

Я немножко отрицательно отношусь к тому, что сняли на Лубянке памятник Дзержинскому. Но здесь (в музее на родине Дзержинского в Белоруссии — ред.) был директор ФСБ Патрушев. Он сказал, что мы восстановим там, где стоял памятник Дзержинскому.

«Намедни» (НТВ), 08.09.2002

Все это делалось с ведома и санкции Дзержинского. После же окончания гражданской войны в ноябре 1920 года «железный Феликс» докладывал Ленину о новых трудных задачах: «...Предстоит организовать изоляцию в лагерях около 100 000 пленных с Южного фронта и громадных масс, выселяемых из восставших станиц Терка, Кубани, Дона...» Значительная часть несчастных, в том числе офицеры и солдаты врангелевской армии в Крыму, были расстреляны. А в январе 1921-го, хотя сопротивление белых было уже сломлено, Дзержинский требовал: «В отношении буржуазии репрессии усилить!»

До сих пор хвалят Феликса Эдмундовича как инициатора борьбы с детской беспризорностью. Но стоит вспомнить, что многих беспризорными сделал он, казнив их родителей.

Адвокаты Дзержинского обычно говорят: чего на беднягу Феликса набросились. Все решало Политбюро, а он — простой исполнитель. Ленину, главному виновнику «красного террора», памятник на Октябрьской площади до сих пор стоит, а статую Дзержинского на Лубянке снесли, крайнего из него сделали за все преступления советской власти. Это то же самое, что сказать: Гитлер, Геринг и Геббельс принимали политическое решение об «окончательном решении еврейского вопроса» и истреблении всех врагов рейха, они и виноваты, а Гиммлер и Кальтенбруннер были всего лишь исполнителями.

Существует легенда, что первый чекист если и уничтожал, то только настоящих «врагов революции», а невинных сам же освобождал из-под ареста. Вот Ежов — другое дело: расстреливал сотни тысяч честных людей. Ну, насчет того, кто больше уничтожил народа, можно поспорить. Во времена «ежовщины» было расстреляно 682 тысячи человек, а в гражданскую войну, по некоторым оценкам, — около миллиона. При этом ежовские чекисты ощущали себя истинными наследниками «железного Феликса». И песню в 37-м пели:

Мы Дзержинского заветы
Ярче пламени храним,
Мы свою страну Советов
По-дзержински сторожим.
Эй, враги, в личинах новых
Вам не спрятать злобных лиц,
Не уйти вам от суровых,
От ежовых рукавиц...

Еще один миф: Дзержинский — гениальный хозяйственник. Действительно, Феликс Эдмундович четыре года возглавлял Наркомат путей сообщения, два года — Высший совет народного хозяйства. Но отнюдь не преуспел в подъеме экономики. Заместитель Дзержинского по НКПС В. Фомин откровенно писал: «После ухода Троцкого (которого сменил Дзержинский) с транспорта транспортное хозяйство не только не продвинулось вперед... но даже не задержалось на одном уровне и имеет тенденцию опять начать спускаться вниз». По свидетельству самого Троцкого, Дзержинский «не был организатором в широком смысле слова. Он привязывал к себе сотрудников, организовывал их своей личностью, но не своим методом». Ленин тоже не был в восторге от экономической деятельности Дзержинского и считал совершенно неудовлетворительным его доклад по НКПС. Действительно хорошо Феликс Эдмундович умел только людей на смерть отправлять.

Как писал Борис Бажанов, бывший помощник Сталина в середине 20-х годов, «Дзержинский всегда шел за держателями власти и если отстаивал что-либо с горячностью, то только то, что было принято большинством... А один раз председательствовавший Каменев сухо сказал: "Феликс, ты здесь не на митинге, а на заседании Политбюро". И о чудо! Вместо того чтобы оправдать свою горячность... Феликс в течение одной секунды от горячего взволнованного тона вдруг пере-

шел к самому простому, прозаическому и спокойному».

Феликс Эдмундович был неплохой актер. И исполненная им роль пришлась по душе некоторым его наследникам в ФСБ. Нынешняя кампания по реабилитации чекистов, которых представляют извечными хранителями российской государственности, закономерно требует в качестве логического завершения реабилитации и первого чекиста — Дзержинского.

В 30-е годы у Дальстроя был пароход «Феликс Дзержинский». Когда карательные органы возглавил Ежов, пароход переименовали в «Николая Ежова». А когда «зоркоглазый нарком» исчез с газетных полос, пароход вновь стал «Феликсом Дзержинским». Сейчас в России нет судна с таким именем. Но скоро может

появиться. И как знать, не будет ли в Москве в добавление к сохранившемуся с советских времен проспекту Андропова проспект Дзержинского. Не так давно браваый аграрий Николай Харитонов (по совместительству — полковник ФСБ) в Думе предлагал восстановить памятник Дзержинскому на Лубянке, свержение которого с постаментов стало символом незавершенной августовской революции 1991 года. Вроде бы обещает вернуть Феликса на место приближенный к президенту Путину директор ФСБ Николай Патрушев. Раз органы госбезопасности призваны играть первую скрипку в жизни страны, они настоятельно требуют уважать своего основоположника. Для этого надо только закрыть глаза на кровавые дела «самого человеческого из чекистов»...

«Грани»

Александр КРЫЛОВ

Лубянское консоме

О Дзержинском в популярных изданиях советской эпохи писали как о жертве царских застенков, который тяжело болел туберкулезом и падал в Кремле в голодные обмороки во время героической борьбы с голодом в Поволжье. Чекист Я. Буйикс вспоминал, что Дзержинский и сл плохо, и шил "пустой кипяток или какой-нибудь суррогат, как все"... Довольно забавно выглядит такой рассказ: "Феликс Эдмундович сидел, склонившись над бумагами. Он радушно поднялся навстречу неожиданным гостям. На краю стола перед ним стоял недопитый стакан остывшего чая, на блюде — маленький кусочек черного хлеба.

— А это что? — спросил Свердлов. — Нет аппетита?

— Аппетит-то есть, да хлеба в республике чаловато. — отшутился Дзержинский. — Вот и растягиваем пашк на весь день..."

Правда, архивные документы свидетельствуют о другом. По словам сына Дзержинского, его отцу не было чуждо ничто человеческое, в том числе и любовь к хорошей кухне. В те дни, когда голод охватил Поволжье и случаи каннибализма уже никого не удивляли, меню товарища Дзержинского отличалось особым изыском:

Понед. Консоме из дичи, лососина свежая, цветная капуста по-польски; Вторн. Солянка грибная, котлеты телячьи, шпинат с яйцом; Среда. Суп-пюре из спаржи, говядина булти, брюссельская капуста; Четв. Похлебка боярская, стерлядка паровая, зелень, горошек; Пятн. Пюре из цв. капусты, остринна ам, бобы мегр-д-отель; Суб. Уха из стерлядей, индейка с соленьем (моч. ябл., вишня, слива), грибы в сметане; Воскр. Суп из свежих шампиньонов, пыленок маренго, спаржа"...

«Новая Юность»

Философ Николай Бердяев, которого допрашивал Дзержинский, оставил его портрет: «... Это был фанатик. По его глазам он производил впечатление человека одержимого. В нем было что-то эсуикое... В прошлом он хотел стать католическим монахом, и свою фанатическую веру он перенес на коммунизм».

ЕЩЕ РАЗ О ПАМЯТНИКЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЧК–ОГПУ ДЗЕРЖИНСКОМУ

Заявление Общества «Мемориал»

Вновь заговорили о восстановлении на Лубянской площади монумента Феликсу Дзержинскому. На сей раз о намерении вернуть на постамент памятник, свергнутый в августе 1991 года, заявляет мэр Москвы. Как и его предшественники в этом деле, Ю.М. Лужков напоминает нам о непримиримой борьбе Дзержинского с преступностью и о его вкладе в ликвидацию беспризорничества. Кроме того, он ссылается на художественную ценность скульптуры Вучетича.

Судя по газетным публикациям, эта идея поддерживается влиятельными силами в верхушке российской политической власти.

«Мемориал» может лишь повторить то, что было сказано в нашем заявлении почти четыре года назад, в ответ на аналогичное постановление Государственной Думы от 2 декабря 1998 г.

1. Главным делом Дзержинского всегда была борьба не с уголовной преступностью, а с политическими противниками (подлинными и мнимыми) Советской власти. Именно он — основатель системы политического сыска и политической расправы в Советской России. Именно при нем начались фальсификации следственных дел, именно в его эпоху и под его руководством создавалась советская система концлагерей (вспомним хотя бы только Соловки). С именем Дзержинского навечно связаны такие понятия, как бессудные аресты и казни, заложничество, преследование инакомыслия. Многие тысячи из осужденных при Дзержинском к расстрелу или тюремно-лагерным срокам ныне реабилитированы постановлениями судов и прокуратуры. Предложение о восстановлении памятника Дзержинскому — это демонстративное пренебрежение памятью миллионов жертв политических репрессий. Если бы эта мысль осуществлялась на деле, то это означало бы символическую отмену реабилитационных актов, восстанавливающих представления о справедливости.

2. Именно в эпоху Дзержинского и с его прямым участием идея права были противопоставлены идеи «революционной законности», идея «политической целесообразности» репрессий. Под его началом и контролем развились многочисленные формы «несудебной расправы» — коллегии ЧК, «тройки», Коллегия ОГПУ, Особое совещание и мн. др. Эти квазисудебные органы принимали свои решения на основании заочного рассмотрения дел, без вызова обвиняемого, без участия адвокатов и представителей государственного обвинения. Систему «внесудебных органов» и расширение их прав Дзержинский энергично и успешно отстаивал и после окончания гражданской войны. Деятельность Дзержинского была направлена не на укрепление права, а на борьбу с ним. Восстановление памятнику Дзержинскому — это демонстративное неуважение к идее права.

3. Ссылка на борьбу Дзержинского с преступностью также может лишь насторожить тех, кому дорого будущее России. Мы — рядовые россияне, и в эффективной борьбе с уголовной преступностью заинтересо-

ваны гораздо больше, чем любые представители политической элиты. Но мы глубоко убеждены, что борьбу эту необходимо вести в рамках закона. «Чрезвычайные» меры первых послереволюционных лет, когда в практику широко вошли расстрелы на месте, недопустимы, преступны и, как показал опыт советской истории, — бесполезны. Феликс Дзержинский был энергичным сторонником «чрезвычайщины» как одного из основных методов борьбы с преступностью. Поэтому ссылка на борьбу с преступностью как аргумент в пользу восстановления памятника на Лубянской площади не может быть воспринята иначе, чем призыв к такой же «чрезвычайщине».

4. В ликвидации беспризорничества, действительно, есть значительный вклад и Ф.Э. Дзержинского — и эта сторона его деятельности, вероятно, может быть поставлена ему в заслугу. Но при этом нельзя забывать, что возникновение беспризорничества — это результат, прежде всего, экономической разрухи и гражданской войны, к которым привела именно политика Дзержинского и его товарищей по партии. Нельзя забывать и о том, что, когда в Советской России в 1922 г. разразился страшный голод, следствием которого стало новое резкое увеличение числа осиротевших и беспризорных детей, именно Дзержинский по поручению ЦК ВКП(б) железной рукой пресекал попытки русской интеллигенции и православной церкви смягчить последствия этой гуманитарной катастрофы. Десятки интеллигентов, участвовавших в работе Комитета помощи голодающим, были брошены в тюрьмы ВЧК; сотни священников — расстреляны.

5. Мы прекрасно понимаем, что памятник — не более чем символ. Стихийный демонтаж москвичами памятника Дзержинскому 22 августа 1991 года тоже был символом — символом победы демократии над коммунистическими путчистами. Символом станет и восстановление этого памятника — символом отказа от демократии и свободы, символом возвращения к бесправью.

«Мемориал» заявляет, что приложит все силы, чтобы не допустить восстановления памятника Феликсу Дзержинскому на Лубянке. Мы призываем все ответственные политические и общественные силы страны поддержать нас в противодействии этой идее. Наконец, мы призываем самого Ю.М. Лужкова подумать о том, к какому непоправимому расколу в обществе приведет реализация его предложения, — и отказаться от него.

Что же касается художественной ценности скульптуры, то, не аступая в искусствоведческие споры, мы можем лишь заметить, что художественные достоинства памятника, созданного Вучетичем, вполне могут быть оценены по достоинству всеми желающими на том месте, где он сейчас находится: в Музее скульптуры под открытым небом, близ Центрального Дома художника.

Правление Общества «Мемориал»

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

ДЗЕРЖИНСКИЙ И «ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД»

«Тов. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготавливать тщательно. Без подготовки мы наглумим... Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу. Прошу показать это секретно, не размножая, членам Политбюро».
(Ленин В. И., Собр. соч., 5 изд., т. 54, с. 265-266.)

Естественная в этом случае секретность вызвалась важностью и поучительностью меры. Прорезающе-ясная расстановка классовых сил в Советской России только и нарушалась этим студенистым бесконтурным пятном старой буржуазной интеллигенции, которая в идеологической области играла подлинную роль военных шпионов — и ничего нельзя было придумать лучше, как этот застойник мысли поскорей соскочить и вышвырнуть за границу.

Сам товарищ Ленин уже слег в своем недуге, но члены Политбюро, очевидно, одобрили, и товарищ Дзержинский провел излавливание, и в конце 1922 около трехсот виднейших русских гуманитариев были посажены на... баржу?... нет, на пароход, и отправлены на европейскую свалку. (Из имен утвердившихся и прославившихся там были философы Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, Б. П. Вышеславцев, Л. П. Карсавин, И. А. Ильин; затем историки С. П. Мельгунов, В. А. Мякотин, А. А. Кизеветтер, И. И. Лапшин; литераторы и публицисты Ю. И. Айхенвальд, А. С. Изгоев, М. А. Осоргин, А. В. Пешехонов. Малыми группами досылали еще и в начале 1923, например секретаря Льва Толстого В. Ф. Булгакова. По худым знакомствам туда попадали и математики — Д. Ф. Селиванов)...

«Архипелаг ГУЛАГ»

Али АЛИЕВ

ДЗЕРЖИНСКИЙ И ВНЕСУДЕБНЫЕ РАСПРАВЫ

... По далеко неполным сведениям, по решениям ЧК за 1918 и половину 1919 лишь по двадцати губерниям центральной России арестовали 874300 и расстреляли 8389 человек. Согласно Основному положению о революционных трибуналах от 18 марта 1920 года ВЧК и губернские ЧК могли заключать в концлагерь нарушителей трудовой дисциплины, революционного порядка и паразитические элементы сроком на пять лет.

... Председатель ВЧК Ф. Дзержинский и член-докладчик Кассационного трибунала Н. Крыленко в совместной директиве указывали, что коренным отличием трибунала должна быть «необычайная быстрота, во-первых, и необычайная суровость, во-вторых, где подсудимый имеет минимум прав и где его интересы сознательно приносятся законом в жертву интересам целого». Здесь же разъяснялось, что «член коллегии губчека, входящий одновременно в состав трибунала, должен в этом случае явиться живой связью обеих коллегий, которая поможет установить между учреждениями теснейший контакт...» И далее: «Трибуналы и ЧК в идеале должны представлять собой единый орган борьбы». Через несколько месяцев Дзержинский вновь проявляет заботу, «чтобы коллегии губчека и трибуналы были слеты между собой и составляли в работе единое целое».

Таков единство органов расследования и советских квазисудов создавали круговую поруку, основу для расправы при недоказанной вине. Дзержинский прямо указы-

вал на преимущества внесудебной репрессии, которая «дает ЧК возможность административным порядком изолировать тех нарушителей... в отношении коих данных для судебного наказания недостаточно и где всякий суд, даже самый суровый, их всегда или в большей части оправдывает».

...Постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 года ВЧК упразднили и образовали Главное политическое управление при НКВД РСФСР. 16 октября 1922 года ГПУ получило возможность «внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях». А кто есть бандит, определял не суд, а чекист...

Сергей ВОЛКОВ

ДЗЕРЖИНСКИЙ И КОНЦЛАГЕРЯ

...В приказе ВЧК «Об учете специалистов и лиц, могущих являться заложниками», Дзержинский подчеркивал, что заложниками должны братья лица, «кем они (белогвардейцы) дорожат», и уточнялось: «Выдающиеся работники, ученые, родственники находящихся при власти у них лиц. Из этой среды и следует забирать заложников. Второй вопрос — это спецы. Наши спецы — люди буржуазного круга и уклада мысли. Лиц подобной категории мы по обыкновению подвергаем аресту как заложников или помещаем в концентрационные лагеря на общественные работы».

... В приказе ВЧК 8.01.1921 г. Дзержинский подчеркивал, что лозунгом органов ВЧК должно быть: «Тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие для рабочих и крестьян». Чрезвычайным комиссиям предлагалось: «Сугубо внимательно обратить на дела подследственных рабочих и крестьян, рассматривая последних не как наших классовых врагов, а как совершивших проступки в силу социальных условий переходного периода от капитализма к социализму. В целях отнесения отличия рабочих и крестьян от враждебной нам по классу буржуазии — в отношении последней репрессии усилить: а) освобождать на поруки лиц буржуазного класса лишь в крайних случаях; б) досрочного освобождения к буржуазии не применять. Создать для буржуазии особые концентрационные лагеря».

В докладной записке в ЦКК РКП(б) об основных принципах карательной политики 17.02.1924 г. он напоминал, что в отношении этих лиц «наказание не имеет в виду воспитание преступника, а отражение от него республики и классовое терроризирование общественного мнения классовых врагов трудящихся»...

А. ПЛЕХАНОВ

ДЗЕРЖИНСКИЙ И «ВОЛЯ ПАРТИИ»

...Чекистское ведомство никогда не играло самостоятельной роли и тем более не «стояло над партией». Наоборот, оно было самым послушным, наиболее дисциплинированным и острым орудием большевиков, опорной структурой среди всех эзевьев госаппарата при реализации сложных политических решений. Органы госбезопасности претворяли в жизнь «волю партии» в лице ее вождей, только формально подчиняясь ЦИК и СНК СССР, фактически же — политбюро ЦК ВКП(б).

Ф. Э. Дзержинский являлся членом ЦК РКП(б) и оргбюро, а с июня 1924 года — кандидатом в члены политбюро. Члены коллегии постоянно избирались делегатами партийных съездов и конференций, принимали активное

участие в работе центральных и местных парткомов. Будучи председателем ВЧК, Дзержинский просил коммунистов-руководителей иметь в виду, что «...чекист может только тогда быть борцом за дело пролетарское, когда он чувствует на каждом шагу себе поддержку со стороны партии и ответственных перед партией руководителей», а обращаясь к чекистам, просил не забывать о том, что «мы держимся только на доверии партии», и ставил задачу — «не отрываться от партийных комитетов, а сплотиться вокруг губкомов, руководствуясь его указаниями».

Дзержинский сформулировал один из главных критериев подбора кадров в органы безопасности: «Если приходится выбирать между, безусловно, нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но более способным, у нас, в ЧК, необходимо оставить первого». Приходившие в органы должны были быть прежде всего «нашими», поэтому ставка была сделана на коммунистов. Понимание морали и норм нравственности было деформировано господствующей идеологией, главным критерием и высшей ценностью считалась поддержка и укрепление власти.

В основу политики был положен не принцип законности (да и сама она предполагала не только в названии, но и по существу законность «революционную», «социалистическую»). Все годы органы ОГПУ пользовались правом внесудебных репрессий. В расколе общества классовой, политическая целесообразность считалась выше общечеловеческих норм. Даже «профилактическая работа» зачастую сводилась к устранению не явного, а вероятного противника. Внесудебные репрессии не только не ограничивались высшими органами власти, но принимали все более широкий характер...

Роман ГУЛЬ

«...Как верный сторожевой пес растерзать врагов»

*«Нет большой радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры
И начинает бурно страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»*

(Александр Эйдук, член коллегии ВЧК
при Дзержинском, сборник «Улыбка Чека»)

...Апогеем красного террора была зима 1920 года, когда Москва замерзала без дров, квартиры отапливались чем попало, мебелью, библиотеками; голодные люди жили, не раздеваясь, и мороженная картошка казалась населению столицы верхом человеческого счастья. В ночи зимы этого года, в жуткой их темноте колеблющимся светом ночь напролет маячили грандиозные электрические фонари на Большой Лубянке. Сюда к Дзержинскому в квартал ЧК без устали свозили «врагов» революции. Здесь в мерзлых окровавленных подвалах в эту зиму от количества казней сошел с ума главный палач Чеки, латыш Мага, расстреляв собственноручно больше тысячи человек. ... Вождем террора Дзержинский на Лубянке проводил дни и ночи. Работать спокойно было не в его характере, да и не такова была эта кровавая работа. Дзержинский работал по ночам. Палачи — тоже. Ночью вся Лубянка жила бурной аэволюционной жизнью. «Я себя никогда не щадил и не щажу», — говорил о себе сорокалетний Дзержинский. Про эту «беспощадность к себе» рассказывает и его помощник, чекист Лацис: «В ЧК Феликс Эдмундович везде жаждал действовать сам; он сам допрашивал арестованных, сам рылся в изобличающих материалах, сам устраивал арестованным очные ставки и даже спал тут же на Лубянке, в кабинете ЧК, за ширмой, где была приспособлена для него кровать». ... Работа была, действительно, изнуряю-

щая. Из-под пера Дзержинского смертные приговоры шли сотнями. «Дзержинский подписывал небывало большое количество смертных приговоров, никогда не испытывая при этом ни жалости, ни колебаний», — пишет бывший член коллегии ВЧК Другов. А после взрыва в Леонтьевском переулке Дзержинский перешел уж к бесчисленным массовым казням.

...Напросившийся на пост главы ВЧК, взявший в руки «разящий меч революции», Дзержинский так характеризовал свою задачу: «Я нахожусь в огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать горящий дом. Никогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Все мое время, это — одно непрерывное действие, чтобы устоять на посту до конца. Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля: бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным, чтобы как верный сторожевой пес растерзать врагов».

...А вот Дзержинский в характеристике Менжинского: «Дзержинский был не только великим террористом, но и великим чекистом. Он не был никогда расслабленно-человечен. Он никогда не позволял своим личным качествам брать верх над собой при решении того или иного дела. Наказание, как таковое, он отменял принципиально, как буржуазный подход. На меры репрессии он смотрел только как на средство борьбы, причем все определялось данной политической обстановкой и перспективой дальнейшего развития революции. Презрительно относясь ко всякого рода крючкотворству и прокурорскому формализму, Дзержинский чрезвычайно чутко относился ко всякого рода жалобам на ЧК по существу. Для него важен был не тот или иной, сам по себе, человек, пострадавший зря, не сантиментальные соображения о пострадавшей человеческой личности, а то, что такое дело являлось явным доказательством несовершенства чекистского аппарата. Политика, а не человечность, как таковая, вот ключ его отношения к чекистской работе»...

Фрагменты из книги «Дзержинский», Париж, 1936 г.

«Соловецкий камень» — памятник жертвам политических репрессий на Лубянской площади в Москве.

Юрий ВДОВИН

РИФЕНШТАЛЬ, ДЗЕРЖИНСКИЙ, ДАЛЕЕ — ВЕЗДЕ

Столетие главной фашистской пропагандистки Лени Рифеншталь*, внесший существенный вклад в пресловутое «формирование общественного мнения» в фашистской Германии, стало заметным событием в конце августа и в российских СМИ. Отмечают, что время проходит, и ей ее заблуждения можно простить, что она — великий кинорежиссер... Говорят, близкий к Лужкову

многострадальный канал ТВС — ТВ6 — НТВ показал фильм о «гениальной диссидентке» в фашистской Германии. А корреспонденты, полные трепетного восхищения, бывшие у нее в гостях, вели себя с ней вообще как с коронованной особой. О, времена, о, нравы!

В прошлом году в рамках кинофестиваля «Послание человеку» в Санкт-Петербурге был показ ее фильмов — «Триумф воли» и «Олимпия». Правда, под давлением протестов, показ сделали закрытым — только «для тех, кто понимает». Но вот в репортаже с фестиваля, в августе 2002 года, показали зрителям этого закрытого показа, стоя приветствовавших 99-летнюю «гениальную» пропагандистку, усилиями которой, в значительной степени, немцы превращались в фашистов. И это в Санкт-Петербурге, где миллионы умерли от голода и холода в кольце воспитанных ею фашистов!

Да Бог бы с ней, с этой Лени Рифеншталь. Пусть ее живет и снимает свои подводные шедевры. Погубленных (и с ее помощью тоже) миллионов людей не вернешь. Но беда в том, что мы и в XXI веке не усвоили уроков недавнего прошлого. Нужны ли миру талантливые пропагандисты и пропагандистки, особенно в тоталитарных государствах? Нужны ли нам дзиги вертовы, невзоровы, леонтьевы, доренки или певцы бен ладе-нов, или еще какой-нибудь идеи, оправдывающей массовые, да и не массовые убийства? А ведь многие из них блистательно делают свое дело. Как довести нормального человека до состояния шахида, или члена гитлерюгенда, или комсомольца, или пламенного большевика, готового жертвовать своей жизнью во имя уничтожения «иeverных», расово «неполноценных», социально «далеких», за родного фюрера или родного Сталина? Без таких, как Лени Рифеншталь или Дзига Вертов, это невозможно. Без них трудно оправдывать преступления, совершенные Лениным, Дзержинским, Сталиным, Берия, Гитлером, Ягодой, — любым из этих негодяев. Гитлеры и сталины не могут состояться без «гениев» и чернорабочих пропагандистских машин.

Кто считал, каким количеством жизней заплатило человечество за гениальные упражнения в пропаганде и агитации в ушедшем XX веке? Сколько людей погибнет в наступившем веке, в котором художники, артисты и журналисты восхищаются преступным трудом пропа-

гандистов и готовы повторить, и повторяют их опыты в новых условиях? И самое страшное — это когда пропагандисты работают вне конкурентного пространства, когда их гениальные находки не имеют альтернативы. Так было при фашизме, так было при коммунизме, так было в Пекине, так на Кубе и в Северной Корее, так у Саддама Хусейна, так у талибов, так у Лукашенко, и в новых государствах Средней Азии... И там есть свои талантливые пропагандисты, агитаторы, горланы-главари. Именно они славят взошедшие сопница над обнищавшими среднеазиатскими странами. И все они не терпят конкуренции. Ибо в нормальном конкурентном информационном пространстве такого рода идеи не имеют шанса на успех.

И в России они, похоже, снова нужны власти.

Нужно, чтобы россияне светились счастьем от героизма гибнущих на суше и на море молодых людей, от унижительных пенсий, от житья в коммунальных квартирах, от постоянно растущих цен, стремящихся к уровню богатых и развитых стран, которым не достался коммунизм. Но и этого мало. Нужно, чтобы они еще ненавидели эти благополучные страны, веря в то, что мы живем плохо из-за их происков...

Чем иным, кроме стремления реанимировать традиционную для тоталитаризма задачу формирования общественного мнения в интересах власти, можно объяснить и эксклюзивные интервью столетней матери фашистской пропаганды и попытки реанимировать людоеда Дзержинского?

Мэр Лужков рассказывает, как Дзержинский навел порядок на железных дорогах и ликвидировал беспорядок, но «забывает» о том, что большевики сначала устроили разруху, а потом репрессиями наводили порядок. Даже если советская власть и сделала что-то полезное, то это несоизмеримо с тем злом, что она причинила всему человечеству, не только России. Гитлер тоже сделал «что-то полезное» — построил в Германии дороги, надземку и подземку в Берлине, дал немцам работу. И это, безусловно, история Германии, из которой Гитлера не вычеркнуть. Как не вычеркнуть из нашей истории Дзержинского и Ленина, Сталина и Ягodu, и еще кучу злодеев типа Малюты Скуратова. Но в Германии никто не восстанавливает памятников фашистским функционерам. Все-таки памятники ставят тем, о ком хотя бы сохранить добрую память. А у нас жители города Сарова (бывший Арзамас-16) очень просили установить у них памятник Лаврентию Берия и переименовать улицу Мира в улицу Берия.

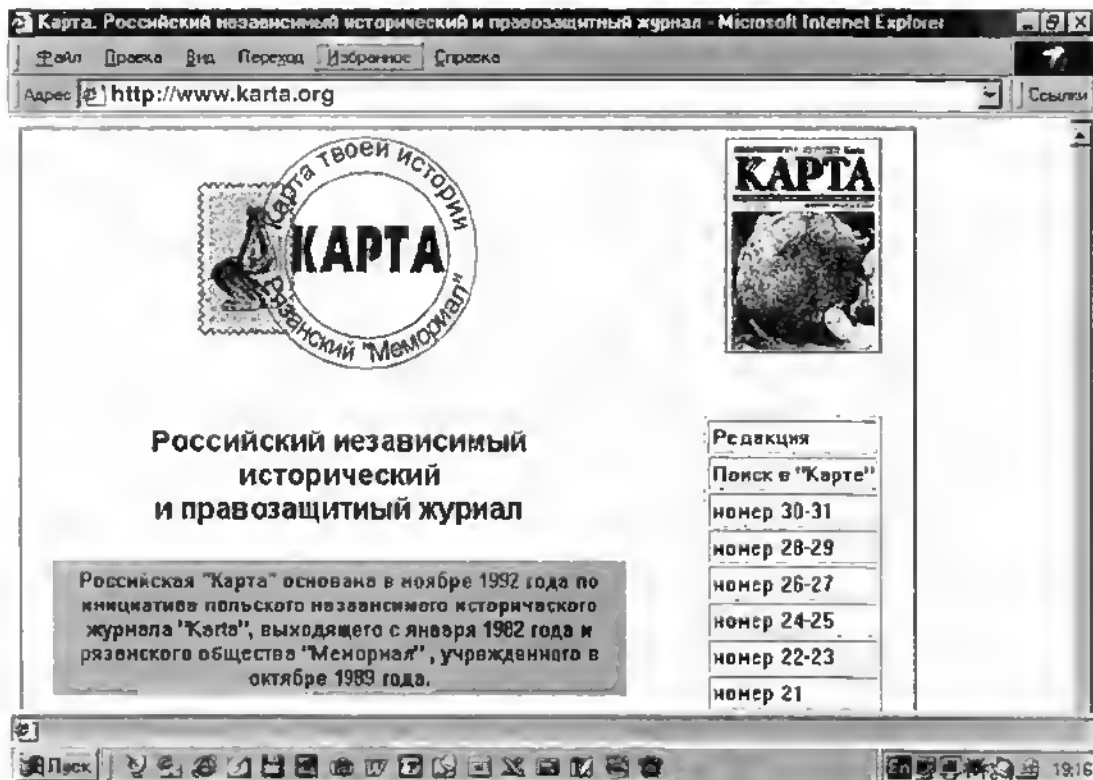
Пока Ленин на Красной площади, пока в почете рифеншталь, ветровы и их современные последователи, мы живем в постоянной угрозе реанимации тоталитаризма со всеми его историческими «красотами», главная из которых — презрение к человеческой жизни.

Рифеншталь, Дзержинский... Что там дальше? Готовы, специалисты по промыванию мозгов?

Санкт-Петербург

Публикуется в сокращении

О Лени Рифеншталь см. также: Холмогарская И. «Лени Рифеншталь или Волшебная флейта крысолова», «Карта» № 32-33, стр. 65.

Журнал «Карта» находится при поддержке фонда
National Endowment for Democracy (NED)

Нас поддерживали:

Правительство Королевства
Нидерланды

Фирма «Бриг-Ф»
(Рязань)

Фонд Форда
(Вашингтон)

OPEN SOCIETY INSTITUTE

Институт "Открытое
Общество" (Москва),
Фонд Джорджа Сороса

Международное историко-просветительское и правозащитное общество
«Мемориал»

Агентство США
по Международному Развитию

Институт Демократии в
Восточной Европе
(Вашингтон-Варшава)

Фонд «Евразия»
(Вашингтон)

МП «Декор» (Рязань)

Программа малых грантов
Российско-Американской
Проектной Группы по правам
человека (Москва)

АО «Рокс»
(Рязань)

Фирма оргтехники
Антониуса Гуттермана
(Германия)

Немецкий Народный
Союз по уходу за могилами
жертв войны и репрессий

Общественный Центр
(Варшава)

Karta

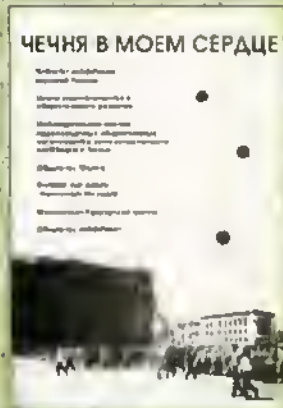
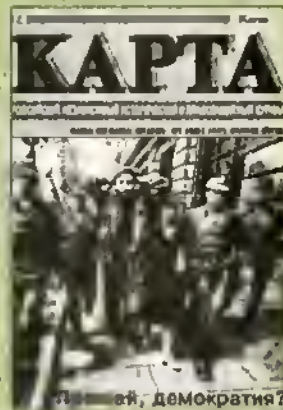
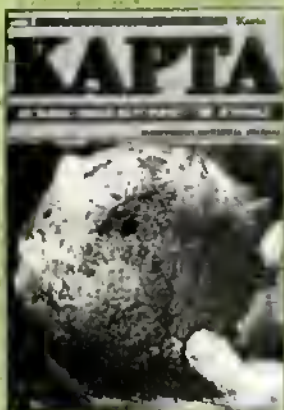
Полиграфическая фирма
Петера Ломмана (Германия)

Фонд Польско-Чешско-Словацкой
Солидарности (Варшава)

Правозащитный фонд «За
гражданское общество»
(Москва)

ЖУРНАЛУ «КАРТА» — ДЕСЯТЬ ЛЕТ

